

В. Н. Савченко

**Восточнославянско-польское
пограничье 1918-1921 гг.**

Этносоциальная ситуация
и государственно-политическое размежевание

**Москва
1995**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

В. Н. САВЧЕНКО

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКО-ПОЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

1918 – 1921 гг.

(Этносоциальная ситуация
и государственно-политическое размежевание)

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. И. КОСТЮШКО

Москва, 1995

Монография является оригинальным исследованием одной из важных и интересных проблем истории межнациональных отношений – выяснения этносоциальной ситуации на восточнославянско-польском пограничье в конце XIX – начале XX в. и ее роли во взаимоотношениях Польши и советских республик после 1918 г.

Особенность книги – в комплексном подходе ее автора к анализу становления советско-польских границ на основе синтеза данных исторического, этно-лингвистического, политико-географического характера; т. е. это исследование, выполненное на стыке научных дисциплин.

Работа иллюстрирована составленными автором картами.

Рецензенты:

*доктор исторических наук Т. Ф. АРИСТОВА,
кандидат исторических наук В. В. МИРОШНИКОВ*

ISBN 5-7576-0014-4

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1995

ВВЕДЕНИЕ

В рамках национально-территориального разграничения существенное значение имеет пограничная зона обычно со смешанным в этническом отношении населением. В одних случаях возможно четкое определение национальной принадлежности населения пограничья, в других — вследствие незавершенности процессов национальной консолидации оценка национальной атрибуции населения затруднительна.

Оба эти явления характерны для восточнославянско-польского пограничья, которое в начале XX в. приблизительно охватывало: на территории России — западные районы Гродненской губернии, восточные районы Царства Польского (небольшую часть территории губерний Сувалкской и Ломжинской, восточные части губерний Седлецкой и Люблинской), на территории Австро-Венгрии — центрально-восточные районы Галиции^ж.

^ж В конце XVIII в. Речь Посполитая была поделена между Россией, Австрией и Пруссией. В начале XX в. земли, отошедшие к России с 1772 по 1807 гг., составили 9 губерний Западного края (Ковенская, Виленская, Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская) и Юго-Западного (Волынская, Подольская, Киевская). В составе Царства Польского (присоединено к России в 1815 г.) было 10 губерний (Сувалкская, Ломжинская, Плоцкая, Варшавская, Калишская, Лодзинская, Радомская, Келецкая, Седлецкая, Люблинская).

В Австро-Венгрии в рамках Австрийской короны была образована провинция Королевство Галиции и Лодомерии (Галиция).

Тема восточнославянско-польского пограничья привлекала внимание общественных и политических кругов России и Австро-Венгрии и приобрела особую актуальность в связи с внутренней политикой этих стран в начале XX в., деятельностью австро-германских и российских властей в годы первой мировой войны, с восстановлением независимости Польши, образованием советских республик, созданием Западно-Украинской Народной Республики, становлением украинской и белорусской государственности, позицией западных держав, польско-советской войной 1920 г. и ее последствиями.

Вопросы этнического пограничья затрагивались или рассматривались в научной литературе еще в прошлом столетии. Чешский историк и этнограф П. Шафарик¹ в основу определения этнических рубежей между восточнославянским и польским населением положил прежде всего вероисповедальный признак, при этом данные о языке и этнографических особенностях населения для него имели второстепенное значение. Вследствие этого создавалась лишь самая общая картина этнической ситуации.

В России у одних исследователей основными критериями для выявления национальной принадлежности являлись данные о языке, этническом происхождении, отчасти вероисповедании, особенностях материальной и духовной культуры, у других (приверженцев идеи польско-католического, национально-религиозного единства) — прежде всего вероисповедание и связанное с ним религиозное самосознание, распространение польского языка, а собственно этнографические данные, особенности местной (домашней речи) и происхождение играли лишь подчиненную роль. Результаты поисков отдельных авторов могут варьироваться внутри каждой из этих групп, но делятся эти группы довольно четко по их идеологической и методологической базе в этнографических исследованиях. К первой группе в основном относятся русские и советские авторы, ко второй — отечественные, а также и зарубежные приверженцы идеи польско-католического национально-религиозного единства, в основном поляки по национальности ("поль-

ские" авторы). Исследования у обеих групп авторов проводились как по всему региону, так и по отдельным его территориям.

Можно выделить определенные периоды в изучении национальных особенностей региона: середина – конец XIX в., начало XX в., канун первой мировой войны и ее начало. Такая периодизация обуславливается особенностями общественно-исторического развития региона в целом, развития в нем революционного и национального движения, а также особенностями национальной политики России и Австро-Венгрии.

В настоящей работе необходимым представляется проследить ряд направлений в исследованиях этнического пограничья отечественных и зарубежных авторов XIX–XX вв.: оценка этносоциальной ситуации и общие тенденции развития национальных процессов на пограничье, проблемы выявления ареала расселения этносоциальных групп населения, этнических рубежей и переходных зон, определение примерной численности населения по национальному составу, характеристика национальной политики России, Австро-Венгрии, СССР и Польши.

Из работ русских ученых второй половины XIX в. особенно внимания заслуживает труд П.О.Бобровского². Автор провел комплексное историко-экономико-географическое исследование белорусско-польского пограничья (Гродненская губ.), уделив значительное место этнографии этого района. Весьма интересны и содержательны работы А.Риттиха³ по этнографии Августовской и Люблинской губерний. Его данные о численности и размещении восточнославянского ("русского") и польского населения являются довольно точными для своего времени. Сходные сведения приводятся М.Кояловичем⁴, Н.Галкиным⁵, П.Чубинским⁶, И.Мирковичем⁷. В их работах был накоплен немалый материал об отдельных этносоциальных группах на пограничье, однако нехватка многих данных и тогдашняя методика анализа затрудняли определение этнической атрибуции различных групп населения восточнославянского-польского пограничья и выявления этнических рубежей между ними. Наблюдения этих авторов относительно размещения групп восточно-

славянского и польского населения на пограничье в общих чертах не противоречат выводам последующих исследователей (Э.Вольтера⁸, А.Будиловича⁹ и др.).

В начале XX в. исследования, касающиеся пограничья, приобретают большую политическую направленность. В работах Д.Чихачева¹⁰, Е.Ф.Карского¹¹, Е.Р.Романова¹², Т.Флоринского¹³, А.Соболевского¹⁴, В.А.Францева¹⁵, В.Ткача¹⁶ и других рассматриваются особенности этносоциальной ситуации пограничья, общие тенденции развития национальных процессов и более детально определяются этнические рубежи между восточнославянским и польским населением, в ряде случаев приводятся данные о численности и национальном составе населения. При этом в них обнаруживается преобладание с русскими авторами XIX в. в выводах относительно размещения населения по этническому составу.

В работах, изданных в годы первой мировой войны, появляются утверждения о большей численности и территории размещения восточнославянского населения в Галиции¹⁷, что было, по-видимому, связано с непосредственным ознакомлением с этносоциальной ситуацией в Галиции, и интересами правящих кругов России.

Большинство авторов лишь фиксируют состояние этносоциальной ситуации, глубоко не вдаваясь в социально-экономический анализ условий, в которых происходило развитие национальных процессов в регионе. Лишь в некоторых работах национальные процессы анализируются с учетом социально-экономического развития и политической обстановки (Е.Крыжановский¹⁸, А.Дипранци¹⁹). При этом недостаточное внимание уделяется исследованию этносоциальных особенностей католического населения пограничья (относительно статистикой обычно, в большинстве своем, к польскому).

Трактовка национальных процессов в регионе историками в целом соотносится с положениями этнографов²⁰.

Украинские авторы, в основном, интересовались национально-политическими отношениями²¹.

Многие выводы дореволюционных русских ученых по нацио-

нальному составу населения и его размещении на пограничье подтверждаются исследователями 20-30-х годов в СССР²², а также в книге "Галицкая Русь - Пушкину"²³, вышедшей в Польше. В 1969 г. появилась работа, посвященная юго-востоку Белостокского воеводства²⁴. В отличие от дореволюционных исследователей, которые рассматривали восточнославянское население на пограничье как "русское" (белорусское и малорусское), советские ученые определяют его как белорусское и украинское. С.А.Макарчук приводит данные об этносоциальной ситуации на территории Западной Украины в конце XIX - начале XX в.²⁵ Н.В.Кабузан проводит этнодемографические исследования и определяет численность восточнославянского населения карпатского региона конца XVIII - 30-х годов XX в. на основе учета прежде всего языка и вероисповедания²⁶. Отсутствие преемственности национальной атрибуции восточнославянского населения пограничья у советских ученых с русскими дореволюционными создает дополнительные трудности в исследовании этой проблемы.

Польские ученые рубежа XIX - XX вв., считая вероисповедание основным признаком национальной принадлежности, относили всех католиков к польскому населению²⁷. Для польской историографии начала XX в. также характерно стремление обосновать пределы польской национальной территории как можно восточнее, апеллируя не столько к критериям этнографического или лингвистического плана, сколько вероисповедального, социально-экономического, исторического и т.п.²⁸

В межвоенный период у исследователей во многом сохранились довоенные (существовавшие до первой мировой войны) традиции²⁹.

После второй мировой войны в Польше районам бывшего пограничья уделяется больше внимания, чем в СССР. При этом в научных исследованиях сохраняется тенденция оценки этносоциальной ситуации на основе прежде всего социально-политических и экономических факторов³⁰.

В работах 60-70-х годов приводятся интересные данные

этно-лингвистического характера о современном населении ряда районов бывшего пограничья на территории восточной Польши³¹. Эти данные свидетельствуют об общности происхождения восточнославянского и польского населения пограничья. В 80-х годах публикуются исследования о национальных особенностях и социальных проблемах непольского населения в межвоенной Польше³². В трудах Е.Томашевского³³ критически оцениваются материалы польских переписей, в частности переписи 1931 г.; рассматриваются особенности этносоциальной ситуации на "восточных креслах", дается характеристика отдельных групп населения, определяется их численность.

Что же касается советско-польской границы 1921 г., то советские ученые единодушно констатируют ее необоснованность с национальной точки зрения. Освещаются некоторые аспекты колонизаторской политики Польши на аннексированных белорусских и украинских землях³⁴.

В связи с изменением западной границы СССР в 1939 г. выходит ряд работ, обосновывающих новую ее линию³⁵, в которых содержатся данные о численности населения по национальному составу.

В послевоенный период особое внимание уделяется вопросам становления советско-польской границы 1921 г., в основном в историко-дипломатическом плане³⁶. Подчеркивается связь их решения с социально-политической ситуацией в регионе.

В 60-80-х годах специалисты обстоятельно изучают национальное и революционное движение на порубежных территориях в межвоенной Польше³⁷. Заметна активизация в этом направлении ученых Украины и Белоруссии. Однако недостаточной оказывается изученность национальной политики правительств сопредельных с Польшей советских республик и их позиции по вопросу установления границ.

В работах последних лет (1988-1990 гг.) прослеживаются попытки переосмысления упрощенных, идеологизированных подходов в исследовании советско-польских отношений³⁸.

Этносоциальные аспекты территориального размежевания на пограничье в них почти не затрагиваются.

Проблема польско-советской границы 1921 г. и этносоциальная ситуация освещалась или затрагивалась польскими учеными³⁹.

В книгах польских эмигрантов доказывается необоснованность перемещения в 1939 г. советской границы на запад и правомерность границы 1921 г. на востоке⁴⁰.

Знакомство с литературой позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на содержащийся в ней значительный этносоциальный материал, ни русские и советские, ни польские ученые не провели комплексного исследования этносоциальной ситуации на пограничье и тенденций ее развития к началу XX в. Слабо изучены районы с католическим населением. Вместе с тем, с учетом особенностей местной речи, вероисповедания, реже - собственно этнографических и других данных были выявлены ареалы расселения населения по национальному составу, нередко с указанием этнических рубежей, а в ряде случаев и численности национальных групп. Уровни изученности отдельных территорий пограничья различаются незначительно. На направленность исследований и выводы оказывали влияние политические факторы. В связи с этим важными представляются результаты исследований авто-ров - выходцев из региона пограничья⁴¹. Вопрос о связи советско-польской границы с этносоциальной ситуацией, развитием национальных процессов на порубежных территориях не получил достаточного освещения, не изучен институт осадничества, механизмы и результаты политики полонизации, не определена действительная численность непольского населения восточных воеводств к концу межвоенного периода, не отражены взаимосвязи социально-политических и национальных процессов на пограничье.

При подготовке монографии использовался значительный картографический материал России, Германии, Австро-Венгрии, Польши.

Автор делает попытку осветить на основе данных истори-

ческого, этно-лингвистического и политико-географического характера этносоциальную ситуацию восточнославянско-польского пограничья, тенденции ее развития и выявить пределы расселения восточнославянского и польского населения к началу XX в., показать этносоциальные особенности католического населения на пограничье и рассмотреть вопросы, связанные с установлением советско-польской границы в 1921 г. и его последствиями.

Наряду с литературой предшествующей историографии привлекались работы по общим вопросам лингвистики, этногенеза и этнографии⁴², данные переписей, статистические материалы России, Австро-Венгрии, СССР, Польши. Особое значение имеют исследования генштаба русской армии, проводившего до первой мировой войны детальное изучение будущего театра военных действий⁴³, и документы российской администрации в Галиции, действовавшей в годы войны на большей ее части⁴⁴.

Важным источником явились документы по истории советско-польских отношений⁴⁵, переговоров в Бресте⁴⁶, а также по истории интервенции и гражданской войне в СССР⁴⁷, воспоминания очевидцев событий⁴⁸. Существенное значение имеют произведения В.И.Ленина, а также Ю.Пилсудского, Р.Дмовского, М.Грушевского и других видных деятелей той эпохи.

Использовано многотомное собрание документов и материалов по польскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919 г., опубликованное в Польше⁴⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шафарик П. Славянское народонаселение. М., 1843.
2. Бобровский П. О. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. СПб., 1863.
3. Риттих А. Приложение к материалам по этнографии Царства Польского губернии Люблинская и Августовская. СПб., 1864; Он же. Славянский мир. Варшава, 1885.
4. Коялович М. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884.
5. Галкин Н. Объяснительная записка к этнографической карте Царства Польского. СПб., 1870.

6. Труды этностатистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1877. Т.7. Вып.2.

7. Миркович И. Этнографическая карта славянских народностей. СПб., 1875.

8. Вольтер Э. Списки населенных мест Сувальской губернии как материал для историко-этнографической географии края. СПб., 1901.

9. Булович А. Статистические таблицы распределения славян. СПб., 1875; Он же. Холмская Русь и поляки. СПб., 1907.

10. Чихачев Д. К образованию Холмской губернии. СПб., 1912.

11. Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Петроград, 1917.

12. Романов Е. Р. Материалы по географии Гродненской губернии. Вильно, 1911. Вып. I.

13. Флоринский Т. Славянское племя. Киев, 1907.

14. Соболевский А. Холмская Русь в этнографическом отношении. Харьков, 1910.

15. Францев В. Карты русского и православного населения Холмской Руси. Варшава, 1909.

16. Ткач В. Очерки Холмщины и Подляшья. Холм, 1914.

17. Лисогорский Г. Галицкая Русь. М., 1915; Казанский П. Е. Современное положение Червоной Руси.

Одесса, 1914; Лазоревский Г. Русский народ в Карпатах, Галицкая Русь и ее борьба за свою национальную самобытность. Киев, 1915; Зубковский В. Галиция.

Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны. Харьков, 1914; Оссовский П. Новые владения России в Западной Европе. Киев, 1914; Онома-рев В. И. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Баку, 1915; Яринович А. Галичина в ее прошлом и настоящем. М., 1915; Уланов В. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914; Белгородский А. В. Галиция - исконное достояние России. М., 1914.

18. Крыжановский Е. Русское Забужье (Холмщина и Подляшье). СПб., 1911.

19. Лигранди А. Польша и польский вопрос. СПб., 1901.

20. Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т. I; Он же. Русское религиозное и национальное самосознание. Тифлис, 1918; Лонгинов А. Русский вопрос о Холмщине в историческом освещении. СПб., 1912; Линиченко И. А., Лонгинов А. В. Червенские города. СПб., 1886.

21. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915; Грушевский М. К. К польско-украинским отношениям в Галиции. Киев, 1905. Т. I-IV.

22. Гарэцкі Г. Межы Заходняй Беларусі ў Польшчы. Менск, 1928; Супинский А. К. Белорусы. Л., 1932; Романовский А. Очерки современной Польши. М., 1926; Галиция под пятой Польши. М., 1927.

23. Галицкая Русь - Пушкину в 100-летие годовщины его смерти. Львов, 1937.
24. Ю з в ю к Ю. Юго-восток Белостокского воеводства. Минск, 1969.
25. М а к а р ч у к С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983.
26. К а б у з а н Н. В. Украинское население Галиции, Буковины и Закарпатья в конце ХУШ - 30-х годах ХХ в. (Этнодемографическое исследование). М., 1986.
27. S w o t e k J. Lud Nadrabski (od Gdowa do Bochni). Kraków, 1983; C z y Ń s k i E. Etnograficzno-statystyczny zarys liczebności i rozszedlenia ludności polskiej. W-wa, 1909; P ł o s c h o s k i L. Chełmszczyzna i sprawa jej oderwania. Kraków, S. a. 7; W i e l o w i e j s k i H. Społeczeństwo polskie na Rusi halickiej. Kraków, 1908;
- Д з е в у л ь с к и й С. Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний. Варшава, 1909.
28. Д и м ш а Л. Холмский вопрос. СПб., 1910; S p e t t I. J. Mapa rozszedlenia ludności polskiej w Galicji. Lwów, В у я к F. Galicja. Lwów, 1908-1910. Т. I; К у р н а т о в с к и й I. Этнографическая Польша. М., 1914; З а к р ж е в с к и й А. Польша, Киев, 1916.
29. R o m e r E. Atlas Polski współczesnej. Lwów-Warszawa, 1928. Wyd. 3.
30. Т о м с з о н е к Z. Ruch ludowy na Białostoczczyźnie 1918-1939. W-wa, 1978.
31. G n o t L. Lubelszczyzna. Dzieje, ludzie, krajobraz. Lublin, 1974; K o t u l a F. Folklor szlawny osobliwy Łaszowicków, Rzeszowicków, Pogorzań. Lublin, 1963; R u c h e l K. Studia nad kulturą ludową Puszczy Sandomirskiej. Rzeszów, 1978; W o j t o w i c z J. Charakterystyka fonetyczna Gwar między Wisłą, Sanem, Wisłokem i Wisłoką. Wrocław etc., 1966.
32. Т о р з е с к и R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923-1929 rr. Kraków, 1989; Dąbski T. Ukraiński ruch narodowy w Galicji 1912-1923 rr. W-wa, 1935; B a t a A. Bieszczady w ogniu. W-wa, 1987; M e d r z e s k i W. Województwo wolińskie 1921-1939 r. Wrocław, 1988; R u s i Ń s k i W. Zarys historii polskiego ruchu spółdzielczego. W-wa, 1980. Cz. 2 (1918-1939).
33. Т о м а с з е в с к и J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985; I d e m. Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce. W-wa, 1985.
34. Л у ч а н і н М. Заходняя Беларусь под пановањем Польшы. Менск, 1926; В р у б л е в с к и й А. Польша. Київ, 1937; Б о р с к и й С. Бела Польша. Киев, 1921.
35. К л о к о в В., О р д и н А. Великий освободительный поход Красной Армии. Воронеж, 1940.
36. М а н у с е в и ч А. Я. К дипломатической истории вопроса о восточных границах послеверсальской Польши //

Исторический журнал. 1944. № 4; Ш т е й н Б. Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919-1920). М., 1949; П о в о л я е в В. Вопрос о границах Польши на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Рязань, 1950; М и н с к о М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; С и м о н е н к о Р. Г. Імперіалістична політика Антант і США щодо України у 1919 р. (Паризька мирна конференція і антирадянська інтервенція на Україні). Київ, 1962; О л ь ш а н с к и й П. И. Рижский мир. М., 1969.

37. К а р п е н к о А. Е. Иностранная военная интервенция на Украине (1918-1920). Харьков, 1966; К у ч е р о в Н. К. Коммунистическая партия Восточной Галиции во главе революционно-освободительной борьбы трудящихся Западной Украины (1918-1923 гг.). Киев, 1966; Я р о ш е н к о А. Д. В.І.Ленін і революційний рух на західно-українських землях. Львів, 1969; С л и в к а Ю. Ю. Annexия Восточной Галиции и борьба трудящихся Западноукраинских земель против иностранного порабощения за воссоединение с Советской Украиной (1921-1923). Киев, 1974; Ч е р н а я Н. В. Эмиграционное движение и динамика численности этнической структуры населения Галиции в 70-е годы XIX - 30-е годы XX в. // Этнография, антропология и смешанные дисциплины: соотношение предмета и методов. М., 1988; Им светила звезда воссоединения // Под знаменем ленинизма. Киев, 1989; Ш л ы к М. И. Политика национальной дискриминации польского буржуазно-помещичьего правительства в Западной Белоруссии (1921-1939) // 50 лет воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР в составе Союза Советских Социалистических Республик. Гродно, 1989.

38. Д а д я н и Г. Л. Советско-польская война // Военно-исторический журнал. 1990. № 5; П р и б и л о в В. И. Захват или воссоединение? // Там же. № 9-10; Я ж б о р о в с к а я И. Между Киевом и Варшавой // Новое время. 1988. № 48; Ч е р н и х М. Н. Клиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918-1921 гг. М., 1990.

39. В а г и ф с к и Н. Wojsko polskie na wschodzie. W-wa, 1921; K u t r z e b a St. Nasza polityka zagraniczna. Kraków, 1923; P r z y b y l s k i A. Wojna polska 1918-1921 rr. W-wa, 1930; K o w a l s k i J. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918-1920. W-wa, 1959; J a b l o f s k i H. Narodziny drugiej Rzeczypospolitej (1918-1919). W-wa, 1962; K r z y k a l a S. Rady delegatów na Lubelszczyźnie 1918-1920 r. Lublin, 1968; B a t o w s k i H. Linia Kurzona a była Galicja Wschodnia // dziejów stosunków polsko-radzieckich. St. i mater. W-wa, 1968. T. III; G o s t y Ń s k a W. Materiały archiwalne o tajnych rokowaniach polsko-radzieckich w Baranowiczach i Białowieży // Ibid. 1969. T. IV; D e r u g a A. Polityka

wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918-1919). W-wa, 1969; Gr Ź n b e r g K. Polskie koncepcje federalistyczne 1864-1918. W-wa, 1971; Z a k s Z. Walka dyplomatyczna o naftę wschodniogalicyską w 1918-1923 rr. // Z dziejów stosunków ... W-wa, 1969. T.IV; K o s t r o w i c k a I., P r z e c i s z e w s k i P. Bilans otwarcia // Problemy gospodarcze Drugiej Rzeczypospolitej. W-wa, 1989; O s i c a J. Na wschód od Bugu // Wiadomości historyczne. W-wa, 1989: A j n e n k i e l A. Od rządów ludowych do przewrotu majowego. W-wa, 1986; Między Polską etniczną a historyczną. Wrocław etc., 1988; M a t e r s k i W. Granica polsko-radziecka // Prawo i Życie. W-wa, 1988. № 42; K u m a n i e c k i J. Traktat Ryski // Polityka. 1988. № 11.

40. S m o g o r z e w s k i C. About the Curzon line and other lines. London, 1945; P o b o g - M a l i n o w e k i W. Najnowsza historia polityczna Polski 1864-1945. London, 1956. T. II.

41. D a j s z a k W. Lud polski na ziemiach czerwonoruskich. Lwów, 1906; B e r g u n Д. Что такое Галиция? Петроград, 1915.

42. Ж и т е ц к и й П. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876; Б р о м л е й Ю. В. Этносоциальные процессы, теория, история, современность. М., 1987; Т о к а р е в С. А. К постановке проблем этногенеза. М., 1949; К у ш н е р П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951; З а х а р о в а К. Ф., О р д о в а В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970; Ф р е й д з о н В. И. Некоторые черты формирования наций Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981; Х л е б о в ч и к Ю. Роль и функции двуязычия в процессе образования наций // Там же.

43. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Пг., 1915. Ч. I; СПб., 1912. Ч. II; Х р и с т и а н и Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии. Военно-статистическое исследование. СПб., 1902.

44. Галиция. Временный генерал-губернатор. Отчет генерал-губернатора Галиции по управлению краем с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916.

45. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963-1974. Т. I-VIII.

46. Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т. I.

47. Красная книга. Сборник дипломатических документов с 1918-1920 гг. М., 1920; История Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2.

48. Военные преступления Габсбургской монархии. 1914-1917 гг. Галицкая Голгофа. Tramsull (Conn.), 1964. Vol. I.

49. Paryska konferencja pokojowa 1919. Sprawy polskie na konferencji pokojowej. Dok. i mat. W-wa, 1965-1968. T. I-III.

ГЛАВА I. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РАЙОНАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

I. Общая характеристика этносоциальной ситуации пограничья

Районы национального пограничья сложны для изучения этносоциальных процессов. Каждое пограничье в большей или меньшей степени представляет собой область контакта различных жизненных позиций и социальных ценностей. В результате их взаимодействия происходит взаимопроникновение различных культурных, языковых, экономических, демографических и политических влияний¹. Особую сложность в оценке национальной атрибуции населения и тенденций национального развития на пограничье представляют собой районы родственных в этно-языковом отношении групп населения, к которым относится и рассматриваемое пограничье.

Современная наука считает одним из основных факторов в формировании национального облика населения в районах пограничья процессы развития в этно-языковой сфере. Наряду с этим важную роль (нередко доминирующую) сохраняют узы территориальной и социально-правовой (в том числе конфессиональной – католицизм, православие и т.д.) общности. На фоне взаимосвязи этих факторов проявляется феномен национальной ориентации. Формирование национальной позиции не обязательно охватывает ту или иную этно-языковую общность целиком. Направление различных национальных процессов на пограничье возможно как в сторону ассимиляции, так и эмансипации или их равновесия в контактирующих этно-языковых группах. Зависят они от конкретных социальных и политико-государственных условий в тот или иной период².

Исторически сложившееся господство польского помещичь-

его землевладения в западных губерниях собственно России³; дальнейшее укрепление позиций польского элемента в социально-экономической сфере оказало существенное влияние на развитие там этносоциальной ситуации. В частности, оно способствовало значительному росту польско-католического влияния. По наблюдениям исследователей того периода, "значение польского элемента в этом крае основывается не на его численности, а скорее на факторах социально-экономического порядка"⁴.

В Западном и Юго-Западном краях Российской империи действовали политические, административные, юридические, экономические, социально-культурные нормы, тождественные таковым в центральных, северных и южных губерниях, что во многом предопределило интеграцию западных губерний с государственным организмом России. Вместе с тем, в условиях православной в целом страны в западных ее губерниях вплоть до конца 30-х годов XIX в. ведущие позиции в религиозной идеологии занимала униатская церковь, находившаяся в зависимости от католического костела. Одним из направлений деятельности костела в западных губерниях была политика колонизации коренного населения.

В 1837-1840 гг. произошло воссоединение унии в Западном и Юго-Западном краях с православием. И хотя католицизм по-прежнему господствовал в этнической Литве и в некоторых районах Западного и Юго-Западного краев (прежде всего в белорусской части Виленской губернии и в Гродненской), в целом, костел понес существенный ущерб. Унию, в том числе и в районах Гродненской губернии, сменило православие. Процесс активной колонизации коренного населения был приторможен.

Католическо-польское население в западных "русских" (белорусско-малорусских) губерниях - это прежде всего привилегированные классы и зажиточные слои населения, в основном городского. Сельское же польское население было малочисленным. Так, в Волынской губернии в 1911-1912 гг. - всего 12 тыс. человек⁵, т.е. 0,3%. Такая социально-клас-

совая структура польского населения сохранялась вплоть до начала XX в. В той же Волынской губернии накануне первой мировой войны польские жители составляли 90%⁶. Все польское население составляло 6,2%⁷. По официальным данным, доля польского (и городского и сельского) населения в то время в "русских" губерниях (т.е. в восьми из девяти западных губерний России - без Ковенской) составляла:

Табл. I

Соотношение доли польского и католического населения в западных губерниях России в начале 1910-х годов⁸

Губернии	Поляки	Католики
Виленская	8,2%	58,8%
Гродненская	10,0%	24,0%
Минская	3,0%	10,2%
Витебская	3,4%	24,0%
Могилевская	1,0%	3,0%
Волынская	6,2%	9,0%
Подольская	4,0%	8,0%
Киевская	1,9%	3,1%

В условиях дальнейшего укрепления польского элемента в социально-экономической сфере, деятельность польско-католических кругов по колонизации коренного восточнославянского населения в пределах России достигла такого размаха, которого Польша не знала в период своей независимости. Так, например, только в Холмской епархии при отсутствии каких-либо существенных миграций населения и при обычных темпах естественного прироста населения, численность униатского (т.е. "русского") населения уменьшалась последовательно с 400 тыс. человек в 1820 г. до 300 тыс. в 1837 г., 240 тыс. в 1861 г. и 227 375 человек в 1866 г., пополняя численность католического (т.е. польского) населения⁹. Только в 1905-1907 гг. там же в католичество было обращено до 200 тыс. православных (бывших до 1875 г. униатами)

коренного восточнославянского населения¹⁰. (Подробнее см. ниже - в параграфе: "Холмщина".)

Царская администрация пыталась противодействовать расширению польско-католического влияния в западных губерниях России, однако, рассматривая польское помещичье землевладение в качестве составной части всей системы помещичьего землевладения России, не была заинтересована в ослаблении социально-классовых позиций польских помещиков. Все это предопределило непоследовательность и малую эффективность административных мер антипольской политики царской администрации. Эти меры не затрагивали социально-экономических корней польско-католического влияния в Западном и Юго-Западном краях.

Идея польско-католического национального единства, непосредственно связываемая с идеями польской национальной свободы в борьбе против самодержавия, глубоко проникла в различные слои польского общества. Польский элемент, составлявший значительную долю в административном аппарате в ряде западных губерний России и в том числе на пограничье (местами даже до 50%)¹¹, активно способствовал осуществлению польско-католическими кругами политики колонизации. При составлении статистических данных, католическое население рассматривалось как польское, часть же православного причислялась к полякам на основе этнической общности с католиками; в ряде случаев непольское и православное население причислялось к католикам и полякам без всяких оснований¹² и т.д. Такого рода данные легли, например, в основу Всероссийской переписи 1897 г., пропольский характер которой для западных губерний отмечался русскими исследователями¹³. Польские ученые, используя подобные данные, стремились обосновать польский национальный характер районов с компактным католическим населением. Для этого, в той или иной степени отождествляли католическое население с польским и подчеркивали ведущую роль польского элемента в экономической и социальной сфере в западных губерниях России, перспективу национального развития этих районов

видели в их колонизации.

В результате польские ученые насчитывали в девяти западных губерниях России (без Царства Польского) от 1 млн.¹⁴ до 2 млн. человек¹⁵ польского населения к 1914 г., всего же в России (с Царством Польским) — от 9,9 млн. до 10,8 млн.¹⁶ и даже более — 11,5 млн. человек¹⁷.

Согласно официальным данным, к 1913 г. польское население в девяти западных губерниях составляло 4,5%¹⁸, следовательно, около 890 тыс. человек, в том числе в восьми "русских" губерниях (т.е. без Ковенской) около 720 тыс. человек.

Русские авторы насчитывали во всей России (с Царством Польским) 7,35 млн. человек поляков¹⁹, в том числе в собственно России (без Царства Польского) — около 1,1 млн.²⁰ При этом в собственно России, кроме девяти западных губерний, насчитывалось около 300 тысяч поляков (это по данным польских ученых, опирающихся на официальную статистику²¹). В девяти западных губерниях их численность составит следовательно до 800 тысяч, в том числе в восьми "русских" губерниях около 640 тыс. человек.

Католическое же население в западных "русских" губерниях (Могилевское архиепископство), исходя из официальных данных, составило на 1894 г. около 3,1 млн. человек (всего в западных губерниях на тот же год — до 4,3 млн., в начале XX в. приблизительно 5 млн. человек)²². Однако районы со значительным католическим населением в западных "русских" губерниях (прежде всего в Белоруссии), по мнению как русских авторов XIX — начала XX в., так и ряда зарубежных, начиная с Шафарика, относились к "русской" этнической территории. Это определялось происхождением коренного населения, этническим и языковым критериями белорусско-католических и малорусско-католических районов (чего, собственно, не отрицали и польские авторы тех лет). Советские исследователи межвоенного периода также относят эти районы к восточнославянской этнической территории. Указывается, в частности, что белорусская этническая территория охватывает все

Виленское, Новогрудское и большую часть Белостокского воеводства Польши²³ (т.е. районы бывшей Виленской, Гродненской, западной части Минской губернии, где фиксировалась наибольшая доля католического населения западных губерний).

Учитывая данные официальной статистики, результаты исследований и мнение польских и русских авторов, можно предположить, что, видимо, реальная численность польского населения в западных "русских" губерниях к рассматриваемому периоду могла быть не более 700 тыс. человек. Становление к концу межвоенного периода компактного, уже католически-польского населения в районах, относимых ранее к белорусской этнической территории (прежде всего Виленины и Гродненщины), является результатом политики колонизации "восточных кресел" в Польше в межвоенный период. Католицизм как важнейший компонент "польскости" выступал в этих районах в качестве проводника польского самосознания, языка и культуры. Именно так расцениваются изменения этносоциальной ситуации там и советскими этнографами²⁴. Как уже отмечалось, к началу XX в. польское население в западных губерниях России составляло лишь незначительное меньшинство. Еврейского населения, например, там значительно больше²⁵. Поляки нигде, кроме некоторых городов (Вильно, Ковно), не образовывали компактной массы. Исходя из этого, в рассматриваемый период выделение польских или "переходных" в национальном отношении районов на территории западных губерний собственно России не представляется возможным. Районы национального пограничья к началу XX в., очевидно, следует искать между компактной польской и "русской" этническими территориями. Наибольшие расхождения в оценке этнической ситуации и национальной принадлежности районов в полосе взаимодействия "русско"-польской этнической территории отмечаются в Российской империи в западных районах Гродненской губернии и восточных районах Царства Польского, на территории Австро-Венгрии — в районах Галиции, которые и составляют основной объект исследования в настоящей главе.

Имеющиеся материалы свидетельствуют об отсутствии ка-

кого-либо резко выраженного перехода от восточнославянской к польской этнической территории, где через сменяющие друг друга с запада на восток локальные этно-языковые группы славянского населения, составляющие этно-лингвистический континуум (непрерывность), проследивается постепенное изменение характеристик этнического порядка и диалектных особенностей местной речи населения (по меньшей мере, от Одры до верховьев Днепра и Волги).

Незавершенность национальных процессов на пограничье в значительной мере сохранялась вплоть до конца XIX — начала XX в. Исследователи этого периода выделяют этно-языковые группы, сохранявшие свою самобытность, особенности происхождения, языка, материальной и духовной культуры, психического склада и т.д. Среди польского населения в районах пограничья выделяются собственно поляки (великопольяне и малопольяне), мазуры, краковяки и т.д.; среди восточнославянского населения — белорусы и малорусы^ж, которые, в свою очередь, объединяли более мелкие локальные этно-языковые группы, и относились авторами того периода наряду с великорусами (великороссами) к "русскому" населению. Такая классификация восточнославянского населения была принята в отечественной, а также и зарубежной науке вплоть до начала XX в.^{жж} Для рассмотрения вопроса общерусского куль-

^ж Употребляются в литературе и названия: белорусы, малорусы, малороссы, малоросн. По официальным данным (перепись 1897 г.) народность — белоруссы, малороссы; язык — белорусский, малорусский.

^{жж} Следует отметить, что дискуссия о существовании трех самостоятельных восточнославянских народов — русских (великорусов), украинцев, белорусов или же единого русского народа, объединявшего эти ветви восточнославянского населения, продолжалась в отечественной науке, как отмечает С.А.Токарев, "вплоть до последнего времени" (1958 г.) (Т о к а р е в С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С.28-29). Относительно точки зрения о единстве русского народа советский этнограф пишет: "В некоторых отношениях здесь известная доля истины есть... Причина обострения этих споров (о числе восточнославянских народов. — В.С.) лежит не в науке, а в области национально-политических интересов" (Там же).

турно-политического единства восточнославянского населения важное значение имеют труды Ф.Ф.Аристова, Н.И.Ульянова, С.Щеголева, С.Ю.Бендасюка, А.М.Волконского, В.Д.Плетнова и др.²⁶

Вместе с тем в исследованиях выделяются компактные обособленные этно-языковые группы населения, которые по отдельным признакам трудно полностью отнести к "русскому" (восточнославянскому) или польскому населению (любляне, по крайней мере, отчасти - курпикки (курпы), некоторые группы населения, причисляемые к мазурам на Подляшье и в Галиции). Данные русских исследователей, отчасти и польских, указывают на восточнославянское происхождение этих групп²⁷. Наличием этих групп, однако, не исчерпывается многообразие переходных зон от "русской" (восточнославянской) к польской этнической территории.

Этническая атрибуция восточнославянского населения пограничья как белорусов и малорусов (малороссов) не вполне адекватна современному пониманию белорусской и украинской национальной принадлежности этого населения. Во избежание произвольного толкования источников представляется необходимым учитывать особенности принятой тогда официальной классификации населения. В противном случае искажения в реконструкции этносоциальной ситуации будут заведомо неизбежны. Использование этносоциальной терминологии начала века по отношению к восточнославянскому населению является условным, где под населением, именовавшимся "русским" - белорусским или малорусским, следует понимать принадлежность к белорусскому или украинскому этносу в соответствии с современной классификацией. Название же "русские" в этом случае приводится обязательно в кавычках.

Незавершенность национальных процессов определяла уровень национального самосознания населения. Глубоко укоренилась среди местного населения традиция отождествления вероисповедания с национальной принадлежностью (православный или униат=русский, католик=поляк), зачастую неадекватные собственно этнографическим характеристикам населения. Как отмечал в связи с этим Е.Ф.Карский, "народ с трудом разли-

чает народность, но никогда не смешает православного с католиком, всякого католика он обыкновенно и называет поляком"²⁸. Несовпадение национального самосознания, определяемого на основе религиозной принадлежности, с этническими и языковыми характеристиками населения и данными о его происхождении было достаточно распространенным явлением в районах пограничья. Такое несовпадение носило односторонний характер: католики могли быть и поляками и не поляками, в то время как в отношении православного или униатского населения это практически не отмечалось. Православное или униатское население называло себя русский, руський (от Русь), русин^ж. Необходимо указать, что в районах пограничья было широко распространено польско-"русское" двуязычие среди католического, православного и униатского населения. Несовпадение этнографических характеристик и особенностей религиозного самосознания при двуязычии населения допускало различную трактовку его национальной принадлежности как в пользу польской стороны, так и "русской".

В районах с неоднозначной национальной принадлежностью населения в качестве неперменной характеристики местных условий отмечались сильные позиции католического костела. При этом ареал распространения католицизма на пограничье шире, чем районы с польским населением и населением неопределенной этносоциальной принадлежности. Последние же не отмечаются вне этого ареала. Вследствие специфики этнических и диалектных особенностей языка населения, а также исторических условий определяющими факторами национальных процессов являлись факторы социально-экономического порядка.

^ж Этноним "русский" применительно к восточнославянскому населению пограничья в значительной мере сохранялся вплоть до середины XX в. и даже позже — например, на западе Белоруссии и западе Украины, — на что указывают и советские авторы (ИнСЛАВ и МГУ. Полясье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983; Пашаева Н. М., Климова Л. И. Галицко-русская матица во Львове и ее издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. XXXIV. С.62).

Исходя из комплексного подхода к исследованию этносоциальных процессов и специфики региона, были приняты критерии для определения национального облика населения и выявления тенденций национальных процессов в рассматриваемом пограничье. Прежде всего это особенности местной речи и этнографические данные. Вероисповедание учитывается постольку, поскольку православие и униатство сочеталось с проявлением самобытных особенностей восточнославянского населения, а католицизм мог способствовать становлению "польскости". Национальная ориентация, происхождение населения учитываются при рассмотрении конкретных условий социально-исторического развития региона.

По условиям исторического развития и особенностям социально-экономического уклада территорию этнического пограничья можно условно подразделить на три района: Белостокский регион, Холмщина и Галиция.

2. Белостокский регион

Белостокский регион (Белостоқщина) в настоящей работе — это территория, охватывающая историко-географическую область Подляшья к северу от Буга и примыкающие к ней районы (т.е. между Бугом и бывшей прусской границей на севере). С востока она ограничивается примерно линией Гродно — Брест. Большую часть этой территории составляли три западных уезда Гродненской губернии: Белостокский, Бельский и Сокольский, меньшая часть располагалась в пределах губерний Августовской (позднее — Сувалкской и Ломжинской, входивших в состав Царства Польского).

Незавершенность процессов национального развития явилась характерной чертой этносоциальной ситуации Белостоқщины вплоть до начала XX в. Исследователи выделяют здесь несколько отличающихся по своим этно-языковым особенностям групп населения. Прежде всего белорусов — к северу от р. Нарав, малорусов (малороссов) — между Бугом и Наревом, преимущественно православных и потому относимых обычно к "русскому племени" (по современным воззрениям, к белору-

сам), мазур (которых авторы того периода выделяют как отдельную этно-языковую группу вплоть до начала XX в.), курпиков (курпов) и собственно поляков (великополян и малополян) — практически исключительно католиков и потому относимых наряду с белорусами в малорусами (мелоруссами) католической веры к "польскому племени". Если православие способствовало сохранению этно-языковых особенностей и "русского" самосознания восточнославянского населения, то католицизм способствовал утверждению польского религиозного самосознания среди населения, отождествляемого обычно с национальным самосознанием вне зависимости от этно-языковых характеристик. В связи с этим Е.Ф.Карский отмечал: "Если простолюдина белоруса здешнего из католиков спросить, почему он не говорит по-польски, если он, по его словам, поляк, он ответит, что он человек простой и по-пански, то есть по-польски говорить не научился"²⁷. Тем не менее польско-католическое самосознание вовсе еще не означало осознание массами католического населения своей причастности к польским национальным интересам. Господство польского помещичьего землевладения в крае, как и на всем пограничье предопределило значительное влияние там польско-католических кругов, что играло существенную роль в развитии этносоциальной ситуации.

По сведениям П.Шафарика, польско-восточнославянские этнические рубежи на Белостокщине проходили по линии: Гродно — Кнышин — Белосток — Бочки — устье р. Присеки (ниже Дролячина) — р. Буг³⁰. Эта линия определялась им по данным о вероисповедании населения, что вряд ли соответствовало действительным пределам польской и восточнославянской этнической территории. При этом автор признавался, что данным о языке придавалось второстепенное значение³¹. Советские исследователи указывают также на случайный характер его источников, который "определил схематичность и грубую приближенность линий этнической демаркации... славянских народов"³². Однако эта линия с небольшими изменениями принималась впоследствии многими учеными вплоть до XX в. В работах исследователей, определявших

численность и размещение населения по национальному составу с учетом не только языковых данных, но и сведений о вероисповедании, отмечается противоречивость некоторых выводов, что, по-видимому, связано с несовпадением данных о вероисповедании и языке. Вероисповедание, очевидно, не могло быть объективным фактором для определения национальной принадлежности.

В работе П.Бобровского указывается, что католическое население западных районов Белостокского и Бельского уездов располагается между территориями сплошного расселения польского (мазурского) и "русского" (белорусско-малорусского) населения³³, что в этих районах "употребляется тот же русский язык, какой около Дрогичина и Бельска"³⁴, т.е. в районах с православным и "русским" населением. По данным автора, диалект "русского" языка, так называемый "Королёвский говор", охватывал почти весь католический запад Бельского уезда³⁵. "Королёвский говор" относил к "подляшскому поднаречию русского языка" и П.Чубинский³⁶, локализуя его там же (в настоящее время этот говор причисляется к диалектам польского языка, поскольку здесьнее коренное население относится уже к этно-языковой группе польского населения).

М.Коялович насчитывал на западе Бельского уезда население "самое малое число - тысячи две"³⁷, говорившее на смешанном языке - "основа малороссийская, но произношение во многих словах мазовецкое"³⁸. Позже Е.Романов там же, в западной части Бельского уезда, фиксировал смешанный, называемый тогда "ломанный" говор³⁹, отделяя этот район от территории с мазурской (польской) речью. Коялович относил к малорусской территории весь Бельский уезд, на западе которого имелись лишь отдельные мазурские островки⁴⁰. Такой же точки зрения придерживались Будилович, а затем и советские исследователи (Гарецкий, Супинский, Волков, Токарев)⁴¹. Польские ученые в начале XX в., также отмечавшие в Бельском уезде "смешанный говор" в рамках концепции польско-католического единства, причисляли эти районы к польской нацио-

нальной территории⁴². Это мнение разделяется и современными польскими исследователями⁴³.

Противоречивость ряда данных по католическим районам отмечается и по Августовской губернии, входившей в состав Царства Польского. Так, если данные о численности белорусского населения там к последней трети XIX в., приводимые Риттихом (23 759 католиков и униатов)⁴⁴, а затем Кояловичем ("самое меньшее число — около 20 тысяч русских белорусского племени")⁴⁵, примерно схожи, то пределы расселения белорусов в этой губернии заметно отличаются, перекрываясь лишь в районе Августовского уезда. При этом в Риттих, и Коялович (а также Бобровский в работах о Гродненской губернии) указывали, что белорусское население Августовской губернии обычно причисляют к мазурам (полякам) как в официальной, так и неофициальной статистике на основе его католического вероисповедания. Ссылаясь на недостаток данных, эти авторы подчеркивают, что численность белорусов в Августовской губернии определена в самых минимальных пределах⁴⁶. Риттих свидетельствует, что в католичество здешние белорусы "переведены очень недавно"⁴⁷. Но если Риттих сумел установить принадлежность к белорусской территории район к юго-западу от Августова до р.Ляк⁴⁸, то Коялович проводит границу белорусской территории к северу от Августовского уезда по линии р.Волкуш — Сувалки — Выштинаец⁴⁹. При этом Риттих, относя за недостатком конкретных данных районы на севере от Августовского уезда к мазурско-католической территории, полагает, что, вероятнее всего, это все же белорусско-католический ареал⁵⁰ (т.е. там же, где белорусская территория по Кояловичу). Н.Галкин, принимая пределы белорусской территории в Августовской губернии, выделенные Риттихом, относит белорусский ареал Кояловича северное Августовского уезда к литовской территории (опять-таки не к мазурской, т.е. польской) и фиксирует на западе от Августова и Сувалок рассеянные униатские (т.е. "русские") приходы⁵¹.

В связи с вышеизложенным представляет интерес рассмот-

рение данных об этно-языковых группах католического населения Белостокщины, относимого к "польскому племени" (собственно поляков или великополян, мазур и курпиков) на основе материалов, представленных в работах русских, а также и польских исследователей. Отмечается относительная малочисленность собственно польского населения в крае. По мнению Бобровского, оно в Гродненской губернии составляет 20-25 тыс. человек⁵², т.е. около 2,5% ее жителей. Рассеяны они по всей территории губернии и нигде (кроме городов) не образуют компактной массы проживающих; преобладающее население городов всей губернии, и особенно трех западных уездов, - еврейское⁵³. Следующие по численности - поляки, белорусы, великорусы (великороссы) и малорусы (малороссы). Риттих же отмечает для Августовской губернии, что собственно поляки живут вдоль всей границы Царства Польского, что, в основном, это высшее духовенство и шляхта и "весьма незначительное число сельского населения"⁵⁴.

Согласно данным Риттиха, Кояловича, Галкина, Ростковского, Вольтера, Нидерле (ссылающегося на Закржавского), Томчёнека и др., Ломжинский уезд и западные районы Августовского в Августовской (позже Ломжинской и юго-западной части Сувалкской) губернии составляли мазурскую или же мазурско-курпиковскую территорию. Несмотря на слабую изученность района в этнографическом отношении, они констатируют этно-языковую обособленность мазуро-курпиковского населения от собственно поляков (велико- и малополян) ("мазовецкое племя до сих пор резко отличается от велико- и малополян")⁵⁵, сохранявшуюся вплоть до начала XX в. В восточной части Плоцкой губернии, на западе Ломжинского, юго-западе Августовского уездов Августовской губернии и на северо-западе Белостокского уезда Гродненской губернии располагались поселения курпиков (от литовского "курпе" - лапоть). По данным Кояловича, - это "смесь мазуров, белорусов и литвинов" (не менее 80 тыс. человек)⁵⁶. По мнению Риттиха, который фиксирует курпиков на юго-западе Ломжинского уезда и на северо-востоке Плоцкой губернии, католическое

Население в Августовской губернии между литовцами на севере и белорусами на юге — это вовсе не курпики, как считал Ростовский, но и не мазуры, как полагал Немира, поскольку они отличались от них по своей этнографии, но в то же время имели черты несомненной этнографической общности с белорусами. На основании аргументов этнографического и исторического характера (в частности, отсутствия исторических сведений о колонизации мазурами центрально-северных районов Августовской губернии), и, принимая во внимание распространенную там традицию причислять к мазурам белорусов, Риттих делал вывод: "Вероятно, мазуров в Августовском уезде и Сейненском надо причислить севернее Сувалок — к литовцам, южнее — к белорусам"⁵⁷. Галкин позже как раз и помещает к северу от Сувалок литовцев, отмечая к югу от Сувалок "русские" приходы.

Коялович, в свою очередь, проводит пределы расселения белорусов в губернии через Сувалки и севернее, т.е. опять-таки не считая население этих районов мазурским. Однако, ввиду недостатка точных данных, Риттих отнес это население к мазурам, поскольку это и не курпики. То же, очевидно, следует сделать в отношении курпиков Бобровского на северо-западе Белостокского уезда (на запад от линии Домброва — Кнышин, до Визны), которых он рассматривает вместе с мазурами⁵⁸. Не случайно Романов⁵⁹ и Будилович⁶⁰ в начале XX в. считали Белостокский уезд исключительно белорусским. Отмечая белорусское население в Августовском уезде, Риттих в то же время указывал, что "...из частных сведений и по указанию местных деятелей полоса эта идет еще дальше на юг до Райгорода и все называет себя племенем Русь, употребляя белорусское наречие, которое можно даже встретить еще южнее в Ломжинском уезде, в центре католицизма"⁶¹, т.е. на территории, считающейся по населению мазурской. В пользу этого автор приводит и данные топонимики.

Риттих указывает, что в юго-восточной части Ломжинского уезда население по происхождению не мазурское. Он обнаруживает там униатские церкви и остатки "русских" селе-

ний, следовательно прежних православных, а также то, что эта часть Ломжинского уезда до ополячивания "была обруселой частью завоеванной ятвяжской земли"⁶². Причем "это обрусение тянется в Люблинскую губернию и разливается сплошной площадью и жилами русицизма"⁶³, лишь в этой губернии переходя в мазовецкое наречие. Риттих называет пункты, где "по свидетельству местных деятелей белорусский язык в употреблении"⁶⁴, в частности, в юго-западной части Августовского и в восточной половине Ломжинского уездов (например, Щучин, Райгород, Сувалки, Сейны, Пятница)⁶⁵. Там же проживали и православные великорусы (великороссы) (Ставишки под Ломжей, Гута близ Щучина)⁶⁶.

Эти данные свидетельствуют о "русском" (восточнославянском) происхождении и сомнительной принадлежности к польскому населению католиков, относимых к мазурам и курпикам не только в Августовском и Сейненском уездах, но и, по крайней мере, в восточной части Ломжинского уезда*. Подтверждает это и Коялович, отмечая, что между мазурами Белостокщины "до сих пор есть православные"⁶⁷ (т.е. "русские"), говоря о неоднородности этнического происхождения там населения, относимого обычно к мазурам, указывает, что "мазовецкое племя частью составлено действительно поляками (т.е. собственно мазовшанами. — В.С.), частью омазурившееся от литовцев, белорусов и малорусов"⁶⁸. Русские исследователи отмечали "уединенные малорусские деревни в мазовецко-курпикской стране"⁶⁹.

Неоднородность этнического происхождения мазур признавалась и польскими исследователями. Закржевский (по утверждению Нидерле) различал среди мазур три этнографические группы, в их числе третья — "восточные мазуры в Бальском уезде и Подлясье"⁷⁰, т.е. в той же западной и южной части

* Интересно, что в восточных районах соседней Плоцкой губернии, составляющих западный ареал расселения курпиков, продолжающегося из Ломжинского уезда Августовской губернии, в 1863 г. отмечается коренное "русское" население (Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863. С.61, 69, 70).

Августовского уезда и восточной части Ломжинского, что подтверждает суждения Риттиха о "русском" происхождении католического населения в этих районах и их сомнительной принадлежности к мазурам (сам же Риттих замечал: "Возможно, значительная часть мазуров - белорусы")⁷¹.

По официальным данным 1863 г., собственно мазуры (мазовшане) размещались к северу от Буга лишь в Варшавской и Плоцкой губерниях, за исключением восточной части последней (где находились курпики)⁷², а никак не в Ломжинском уезде Августовской губернии, а тем более севернее и восточнее. Польский исследователь Э.Томчёнек прямо указывает, что "в повете Высокомазовецком, входившем в прошлом в Подлясье, часть крестьянского населения, особенно восточных гмин, была русского происхождения"⁷³. Риттих же отмечал наличие белорусского населения как раз в Ломжинском уезде, проживавшего от Ломжи на западе до границ Бельского и Белостокского уездов на востоке (например, в районе Годышев, Шамборн, Русь на Нареве близ Визны, Русь под Соколы, Пятница под Ломжей) и униатского (т.е. тоже "русского" населения) близ Высокомазовецка⁷⁴. В 1889 г. В.Гурко прямо констатировал, что в "восточных уездах Ломжинской губернии встречается католическое население, говорящее по-русски, принадлежащее к русской народности. Это самая западная часть белорусского племени, хотя и подвергшаяся польскому влиянию, но тем не менее удерживающая свое первоначальное белорусское наречие"⁷⁵.

Советский исследователь А.Супинский также относил восточные районы бывшего Ломжинского уезда к белорусской территории⁷⁶. Кроме белорусских, исследователи отмечают компактные поселения великорусов (великороссов) (православных и старообрядцев - 6 351 человек на 1863 г.)⁷⁷ в западной части Сейненского, в западной и юго-западной части Августовского и на севере Ломжинского уездов.

Таким образом пределы восточнославянской (белорусской) этнической территории на Белостокщине к концу XIX в. охватывали по меньшей мере все три западных уезда Гродненской

губерний и примыкавшие к ним на севере и западе районы Августовской губернии (кроме ее литовской части), в том числе Сейненский, Августовский и восточную часть Ломжинского уездов. Мазовецко-курпиковские районы на западе Августовской губернии в этот период, по-видимому, следует рассматривать как "переходную этническую зону" между польской и "русской" (белорусской) национальной территорией. В ходе дальнейшего исторического развития эта зона могла составить часть как польской, так и "русской" (белорусской) национальной территории. Исследователи говорят о польско-(великопольско)-католической колонизации, особенно в западных мазурско-курпиковских районах Белостокщины, входивших в состав Царства Польского. Создается впечатление, что население, относимое к мазурам именно на Белостокщине, по происхождению, по-видимому, не являлось собственно мазурами. Вероятнее всего, в большинстве своем это полонизуемые курпики, ранее принявшие участие в формировании "русского" этноса, и в разной степени ополяченные "русские" (белорусы). Наряду с некоторой долей собственно мазур в крае большинство ученых относили их на основании католического вероисповедания и католического (польского) самосознания "к польскому племени". Таким образом под мазурами в этих районах следует понимать, по-видимому, некое собирательное наименование неполяченного еще вполне населения пограничья (как бы "не вполне поляков"), которое подобно собственно мазурам (мазовчанам) сохраняло этноязыковую обособленность от собственно польского (великопольского и малопольского) населения.

Католическое белорусское население в северных районах Белостокщины нередко причисляли также и к литовскому, чтобы отделить население с "польской верой" от православного ("русского"), хотя никакого отношения к литовскому этносу оно не имело (на это указывает, например, Бобровский⁷⁸). Так, Галкин относит католическое население на северо-востоке от Сувалок к литовцам. По данным же Коляловича, там проживали белорусы, по мнению Риттиха — мазуры, но не ли-

товцы. В "Географическом атласе" Ю.Шокальского за 1914 г. к литовской территории отнесены Гродненский, Сокольский и часть Белостокского уездов (Виленский уезд - белорусский)⁷⁹. По официальным же данным к 1911 г. литовцы составляли 0,2% всего населения Гродненской губернии⁸⁰.

На рубеж XIX-XX вв. в западных губерниях России наблюдается дальнейшее развитие процессов национальной консолидации, возрастает активность польско-католических кругов в районах пограничья.

Польские исследователи начала XX в. писали о преимущественно польском характере Белостокщины. Г.Курнатовский, например, ратуя за отказ от признания самобытности белорусского населения на западе России, белорусов Сувалкской (северной части бывшей Августовской) губернии безосновательно считал полностью ополяченными⁸¹. А.Закржевский отмечал на юге Сувалкской губернии 37 240 человек коренного "русского" населения, из них относительно компактно проживало около 30 тысяч. Всего же в губернии насчитывалось более 40 тысяч "русских" православных и католиков. Однако он ограничивал пределы белорусской этнической территории только пятью гминами Августовского уезда (27 196 человек - белорусы, а поляков - 1 608)⁸². Три западных уезда Гродненской губернии автор считает польской территорией, не приводя никаких доказательств этого, но даже выделяя этнографическую границу между польским и белорусско-малорусским населением⁸³, схожую с линией Бобровского (причем в Бельском уезде он относит к польской территории районы так называемого "Королёвского говора"). На основе произвольного подсчета (без какого-либо обоснования) автор определяет численность польского населения в трех уездах в 197 700 человек, большую часть которого размещает в Белостокском уезде⁸⁴. Тенденция толкования национально-этнической ситуации в пользу польской стороны на основе католического вероисповедания и социально-экономической роли там польского элемента, характерная для польских авторов того периода, прослеживается и в некоторых работах современных

польских ученых⁸⁵.

Ограничение влияния польско-католических кругов в западных губерниях России, особенно после польских восстаний 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг., объективно способствовало национальному развитию коренного восточнославянского населения (в том числе и католического). Об этом свидетельствуют данные ряда исследователей и официальной статистики. Так, например, в исследованиях, расходящихся в оценке этносоциальной ситуации в Гродненской губернии в пользу польского элемента (Курнатовский⁸⁶, Закржевский⁸⁷) или белорусского (Романов⁸⁸, Гарецкий⁸⁹), исходными являются данные переписей 1897 г. и 1909 г. Из них следует, что доля польского населения в Гродненской губернии за этот период уменьшилась, а белорусского - возросла. Доля поляков уменьшилась за счет того, что часть белорусско-католического населения, относимого в 1897 г. к польскому, в 1909 г. считалась белорусами. На основе данных этих исследователей составлена таблица 2.

Табл. 2

Изменение доли польского и белорусско-католического населения с 1897 по 1909 г.⁹⁰

Уезды	Доля польского населения в %		Доля белорусско-католического населения в %	
	1897 г.	1909 г.	1897 г.	1909 г.
Бельский	34,9	9,0	3,5	73,2
Белостокский	34,1	18,4	27,3	57,5
Сокольский	1,0	1,0	98,1	82,4
Гродненская губерния	10,0	4,4	-	-

Из данных Э.Вольтера по этнографии Сувалкской (северной части бывшей Августовской) губернии следует, что часть белорусов, очевидно, говорит на великорусском наречии, так как численность говорящих на этом наречии больше, чем самих великорусов (великороссов), белорусов же больше, чем

говорящих по-белорусски⁹¹. О "русском" национальном самосознании белорусов сообщает Коялович⁹², на это же указывают другие исследователи начала XX в., отмечая, в частности, стремление белорусов-католиков Гродненской губернии обучаться в русских школах, несмотря на усиление активности польско-католических кругов в 1906-1907 гг.⁹³ О росте "русского" национального самосознания белорусов в Сувалкской губернии свидетельствуют сравнительные данные "Обзоров Сувалкской губернии" за 1905 и 1911 гг.⁹⁴ Общая численность "русских" (т.е. белорусов и великорусов) с 1887 в 1905 г. увеличилась до 35813 человек в 1911 г. Это произошло прежде всего за счет белорусов (относимых к полякам в 1905 г.), а не великорусов (великороссов) (т.е. представителей русской администрации или старообрядцев). Это не противоречит данным исследователей о численности белорусов в губернии - примерно 28-29 тыс. человек⁹⁵; такую же цифру называет польский автор Э.Чинский - 28 тыс.⁹⁶ На процесс "обрусения" католического населения Белостокщины, относимого к мазурам, указывают Коялович, Соболевский, Будилович и др.⁹⁷

К началу XX в. мазуры Бельского и Белостокского уездов, которые "приняли сначала унию, а потом, со времен Семашки (конец 30 - начало 40-х годов XIX в. - В.С.), - православие, настолько уже обрусели, что не жалят менять своих русских школ на польские"⁹⁸. По переписи 1909 г. поляки в Гродненской губернии составляли 4,4% населения⁹⁹ против 10% в 1863 г.¹⁰⁰ В 1863 г. на эти 10% приходилось всего 2,5% собственно поляков, остальные были мазурами. Поскольку уменьшение численности собственно поляков маловероятно, доля польского населения к 1909 г. могла сократиться, очевидно, прежде всего за счет мазур.

Основываясь на приведенных данных, можно сделать вывод о наличии сложных и противоречивых тенденций в развитии этносоциальной ситуации на Белостокщине к началу XX в. Несмотря на усиление деятельности польско-католических кругов по окатоличиванию и ополячиванию населения Белостокщины, про-

исходил рост этнического национального самосознания белорусов. После издания манифеста 17 октября 1905 г. о свободе, в частности, в вероисповедания, продолжалось усиление в развитии обеих тенденций. Однако процесс окатоличивания края, особенно после 1905 г., на что указывают исследователи и официальная статистика, не привел еще здесь к национально-польской консолидации католического населения (по-прежнему отделяются, например, мазуры от собственно поляков, тем более от белорусов-католиков), в то время как тенденция национального возрождения белорусского населения становилась едва ли не преобладающей. (Этому, очевидно, в немалой степени способствовало и то, что в условиях господства польского помещичьего землевладения разворачивающееся здесь аграрное движение принимало антипольский национальный оттенок). Во всяком случае, сравнение данных целого ряда исследователей более чем за 50-летний период позволяет констатировать постепенное "расширение" белорусского ареала на запад. Т.Флоринский в 1907 г. указывал белорусско-польские этнические рубежи на северо-западе Белостокщины по линии: р. Неман - Сувалки - Августов - Райгород - Гониондз¹⁰¹, т.е. севернее даже, чем Риттих (1885 г.)¹⁰² и западнее, чем Бобровский и Коялович. Е.Романов в 1911 г., отмечая предвзятость польских исследователей и официальной статистики в пользу поляков, считал Сокольский и Белостокский уезды исключительно белорусскими¹⁰³ (ср. с Бобровским, Кояловичем, Карским). Сопоставление данных Романова, Соболевского, Гарецкого, Супинского, Волкова, Кюзюка, отчасти Закржевского и др. свидетельствует о восточнославянском этническом характере Бельского уезда и в начале XX в. (как у Кояловича в середине XIX в.), включая весь район "Королёвского говора". При этом такое население отмечается и западнее его - в соседнем Мазовецком уезде Ломжинской губернии (ср. с Риттихом, Кояловичем). Филологическая комиссия, исследовавшая Бельский и Белостокский уезды в 1906 г., "вовсе не нашла там селений с преобладающим польским населением, так как тамошние католики в большинстве белорусы и малоросы"¹⁰⁴.

при этом констатируется обрусение встречающихся там мазур. В Сокольском же уезде даже по переписи 1897 г. поляки составляли всего 1% населения (1 273 человек) (ср. с данными Бобровского в 1859 г. - II, 2%)¹⁰⁵. Супинский относил к белорусской национальной территории три западных уезда бывшей Гродненской, южные районы Сувалкской и восточные районы Ломжинской губернии¹⁰⁶, Азбукин - большую часть Белостокского воеводства в межвоенной Польше¹⁰⁷.

Несмотря на полонизацию края в 1918-1939 гг., последующий обмен населением между БССР и Польшей, компактный этнический белорусский ареал и районы белорусской речи сохранились на Белостокщине и в настоящее время, на что указывают польские¹⁰⁸ и советские авторы¹⁰⁹. Западные рубежи их распространения схожи, в основном, с западными пределами расселения белорусов и малорусов (малороссов), указанными Бобровским. По свидетельству Юзвюка, в шести восточных повятах Белостокского воеводства (в том числе весь бывший Сокольский уезд) в 1964 г. насчитывалось 342 тыс. белорусов или 65% всего населения, 2 тыс. русских, 184 тыс. поляков. Всего же в одиннадцати повятах этого воеводства проживало 375 тыс. белорусов или 59% всего населения¹¹⁰. По данным 1986 г. в Польше числилось 165 тыс. белорусов¹¹¹. Исходя из официальных данных начала XX в. и материалов исследователей, можно определенно судить применительно к периоду 1914-1918 гг. о восточнославянском (белорусском, отчасти малорусском) этническом характере трех западных уездов Гродненской губернии, а также примыкающих к ним районов Сувалкской и Ломжинской губерний. Данные об этническом и языковом составе населения Белостокщины позволяют, учитывая исторические, социально-экономические, национальные особенности развития края, приблизительно определить западные рубежи расселения восточнославянского населения Белостокщины к 1914-1918 гг. Они прослеживаются по линии: Друскеницы - Сувалки - Августов - Райгород - Щучин - Цехановец. При специфике этносоциальной ситуации на пограничье она, как и другая возможная, является в той или

иной мере условной.

Эти рубежи в основном совпадают с западными пределами историко-географической территории Подляшья и границами между польскими и литовско-русскими землями XIV-XVI вв., проходившими по линии Нур - Визна¹¹².

Незавершенность национальных процессов и отсутствие четких национальных границ оставляет открытым вопрос о национально-этнической принадлежности районов Ломжинской губернии, находящихся западнее этой линии. Они относятся к "переходной" этнической зоне национального пограничья.

Принадлежность к восточнославянской территории районов на востоке от выделенных западных этнических рубежей на Белостокщине в той или иной степени находит свое подтверждение в ходе последующих социально-политических событий на пограничье.

3. Холмщина

Под Холмщиной в настоящей работе имеется в виду территория, охватывающая историко-географическую область Подляшья к югу от Буга, район собственно холмских древнерусских исторических земель и примыкающие к ним области на западе, где расселялось восточно-славянское население. На юге она простиралась до российско-австрийской границы.

В отличие от районов пограничья в составе Гродненской губернии в несколько иных социально-политических условиях оказались районы пограничья в границах Царства Польского, присоединенного в 1815 г. к Российской империи по решению Венского конгресса на правах особой административно-территориальной единицы империи со своей конституцией, сеймом, армией и местным самоуправлением. В течение XIX в., после польских восстаний 1830-1831 гг. и 1863-1864 гг., царским правительством был взят курс на постепенное упразднение особых административных институтов Царства Польского и расширение деятельности общеимперской администрации на его территории. В 1912 г. большая часть Холмщины была выде-

лена на основе национальных особенностей края из состава Люблинской и Седлецкой губерний (две последние составляли ранее одну — Люблинскую) в отдельную Холмскую губернию и выведена из состава Царства Польского.

В отличие от Белостокии, большая часть которой входила непосредственно в состав собственно России, в Холмщине, входившей в состав Царства Польского, влияние польско-католических кругов было почти неограниченным. Это существенно сказывалось на ее этносоциальной ситуации.

В Холмщине (как и в Августовской губернии, также входившей в состав Царства Польского), пожалуй, наиболее отчетливо прослеживалось состояние незавершенности процессов национального развития. В ней, особенно в западных районах, выделяются компактные группы населения, которые по ряду признаков (в частности, по происхождению и этноязыковым особенностям) могут быть отнесены как к польской, так и к "русской" национальности. Они составляли как бы "переходную" зону между польским и "русским" населением (люблине, так называемые мазуры на Подляшье). Обычно их по католическому вероисповеданию и некоторым элементам культурного облика относили к польскому населению.

Как и в других районах пограничья, религиозная принадлежность здесь имела существенное значение для определения национальности населения. Православие являлось важной характеристикой населения с "русским" самосознанием и языком. Католицизм объединял различные по языковым и этническим особенностям группы населения в "польскую" национальность.

В условиях социально-экономического господства польского элемента происходила полонизация коренного восточнославянского и литовского населения¹¹³. Важнейшим рычагом являлось воздействие в сфере религиозной идеологии. Униатская церковь, навязанная православному населению, способствовала его сближению с католичеством и ополячиванию.

После разделов Речи Посполитой большая часть униатских

приходов вошла в состав западных и юго-западных губерний собственно России, частью в состав Австрии (Галиция), лишь Холмская униатская епархия оказалась на территории Царства Польского, что оказало влияние на ее судьбы. Процесс воссоединения униатов с православием, происходивший в собственно российских губерниях в конце 30-х годов XIX в., почти не затронул первоначально Царство Польское. Переход холмских униатов в православие был ограничен лишь четырьмя приходами в Билгорайском уезде в 1840 г., т.е. территорией, примыкавшей к русско-австрийской границе. Связали его и с осуществлением мер по охране национально-государственных интересов России в приграничных районах: православие там способствовало сохранению и в XX в. "русского" языка, самосознания, и этнографических особенностей населения среди ставшего католическим (польским) окружения.

Царское правительство пыталось воспрепятствовать политике колонизации. В 1875 г. оно ликвидировало униатскую церковь в Холмщине и перевело холмских униатов в православие. Противоречивая политика царской администрации в Холмщине, когда, с одной стороны, царизм рассматривал польское помещичье землевладение как часть всей системы землевладения в стране, с другой — стремился ограничить там влияние польско-католических кругов, приводила к тому, что естественный ход национальных процессов временами взрывался и они становились причиной политического обострения ситуации. Холмская униатская епархия вплоть до ее ликвидации находилась в зависимости от Ватикана (католического костела), что способствовало постепенному усилению среди униатов духа католицизма. В рассматриваемое время городское население в Холмщине в значительной степени было опслячено, сельское же население, напротив, сохраняло свой самобытный облик — "тот же язык, физиономия, материальная культура и мысли... народ в душе русский"¹¹⁴. Е.Крыжановский отмечал, что даже в уездах с наиболее сильным католическим влиянием (например, Соколовском) униаты "простодушно причисляют себя к полякам, а молятся по-русски"¹¹⁵ и констатировал, что общую

массу нельзя признать ополяченной и окатоличенной, католики хоть и крестятся по-католически, но твердо "выговаривают" свое название - русин, "в быту сходство со всеми южно-руссами"¹¹⁶. Он наблюдал также, что на селе к полонизации и католичеству склонны лишь те, кто "в услужении в панских домах или (составляет. - В.С.) предмет особого внимания польских патронов"¹¹⁷. Это же подтверждает и П.Кушнер¹¹⁸.

Коренное восточнославянское население Холмщины в исследованиях XIX-XX вв. именуют по его самоназванию: "русские", реже "русины". Употребляются в литературе и другие названия (см. параграф "Общая характеристика этносоциальной ситуации пограничья").

Впервые в литературе этническую границу в Холмщине между поляками и малорусами (малороссами) дает Шафарик по линии: Дрогичин - Лосицы - Белая - Межиречье - Радунь - восточнее Люблина - Щебрещин - к юго-западу через Раков - Момоты в Галицию к Уланову¹¹⁹, т.е. по линии раздела между католическим и униатским населением. ("Любопытно, - замечает А.Соболевский, - что Шафарик не знает польских островов в черте русско-польской границы")¹²⁰. В то же время значительная часть русин Холмщины являлась католиками и, следовательно, размещалась западнее линии Шафарика. Это подтверждается исследованиями ученых второй половины XIX в.¹²¹ Русские исследователи полагают, что польско-католическое самосознание и наличие элементов польской культуры у коренного населения бывшей Люблинской губернии носят вторичный характер¹²². Первоначально жители здесь были православными и относились к "русскому народонаселению". Отмечается отсутствие каких-либо резких различий между униатами, православными и католиками, и подчеркивается общность их этнического происхождения.

Польские ученые XIX-XX вв., по сути, не опровергают данных об общности происхождения и сохранения элементов этнической общности католиков и православных вплоть до конца этого периода. Учитывая отсутствие резких отличий в этнических и диалектных особенностях католического, униат-

ского и православного населения, они рассматривают униатов и даже православных как "поляков греческого обряда" (в отличие от поляков-католиков). Польские авторы середины XIX в. указывают на элементы этнографической общности на период XIX - начала XX в. коренного населения в районах бывшей Люблинской губернии, польско-католического и православно-русского"¹²³.

Советские исследователи примерной границей начального размещения восточнославянского населения считают среднее течение р.Вепрь. (Эта линия в общих чертах напоминает границу между католическим и униатским населением Люблинской губернии, указываемой Шафариком).

Риттих, Витковский, Галкин и другие ученые разделяют славянское население Люблинской губернии середины XIX в. на "русское" (униатское, православное, отчасти католическое) и польское (исключительно католическое). Среди "русских" обычно выделяют так называемых "подлясаков", жителей уездов Седлецкого, Бальского, Радзинского, обитающих между Бугом и Вепрем. Они говорят языком русским с примесью польского и с особым ударением подляским... ненавидят мазуров"¹²⁴, "по внешнему виду напоминают белорусов"¹²⁵, а также малорусов (русин) в Красноставском, Грубешовском и восточной половине Замостского уездов. К польскому населению относят собственно поляков (шляхта, более 5 тыс. человек, особенно в окрестностях Лукова, в Седлецком уезде и католическое духовенство)¹²⁶, мазур в Луковском уезде, и прежде всего в его северо-западном районе, и отчасти на севере Седлецкого уезда, а также так называемых "люблян" в Люблинском, западной части Замостского и отчасти Красноставского уездов.

Витковский отмечал сходство черт духовной культуры люблян и мазур на основе католического вероисповедания, с одной стороны, и собственно русин и подлясаков на основе униатского - с другой"¹²⁷. Та же картина рисуется в "Географических очерках"¹²⁸, что примерно и соответствует границе между польским и малорусским населением, опре-

деленной Шафариком. Риттих, как Л. Альбертов¹²⁹ и другие¹³⁰, видел отличие люблян от малорусов (малороссов) в языковой сфере и в "церковных обрядах"¹³¹, при этом подчеркивалась общность "в нравах и обычаях" с русинами, любляне же характеризовались как русины-католики¹³². Фиксируется отсутствие четкого этнического разделения люблян и малорусов (малороссов), что связывалось с общностью их происхождения. Витковский, указывая на то, что русины отличаются от люблян одним только "русским" языком¹³³, одновременно отмечал "одинаковые обычаи, нравы, язык" населения южной части губернии в уездах Люблинском, Замостском, Красноставском и Грубешовском¹³⁴ (т.е. в междуречье Вислы и Буга), объединял его под "общим именем люблян", потомков "белохорватов и бужан"¹³⁵. За исключением католических праздников крестьян на западе этого ареала "...прочие почерья у люблян такие же, как у подлясаков"¹³⁶. В "Географических очерках" все славянское население к югу от мазур и подлясаков между Бугом и Вислой определялось как "южно-русское население", которое обыкновенно разделяют на люблян, живущих в юго-западной части губернии, и русинов, населяющих юго-восточную часть¹³⁷. В нравах и обычаях тех и других весьма много общего, хотя любляне говорят на польском языке, а русины на "южно-русском"¹³⁸. При этом у люблян польский язык был более чистым, чем у мазур¹³⁹. В связи с этим интересны данные о том, что в приграничных с польскими районах католическое население в быту "пользуется местным русским (малорусским) говором...", что "на стороне же при чужих людях и властях они употребляют польское наречие"¹⁴⁰. Касаясь люблян, Риттих писал, что "язык их - прежнее малороссийское наречие от примеси польского, в некоторых местностях совершенно изменился, так точно, как и во многом изменились нравы и обычаи люблян", что "нам кажется вернее причислить это оплеченное население к польскому племени"¹⁴¹. Эркерт, Михальчук, сам Риттих в 1885 г. и другие исследователи обнаруживали малорусов (малороссов) на части территории люблян (по данным Риттиха 1864 г.), что свидетельствовало об ус-

ловности разделения "русского" населения на люблян и русин. В "Географических очерках" утверждается: "Южно-русский народ, обитавший к востоку от Вислы и Сана (в нынешней Люблинской губернии и в восточной части Галиции), успел отстоять свою национальную самостоятельность, хотя часть его, ближайшая к Висле, и ополячилась"¹⁴². Галкин, относя люблян к польскому племени, отмечал: "Между тем любляне - не что иное, как ополяченные малороссы, живущие по правую сторону Вислы в западной части Люблинской губернии"¹⁴³.

Мазурское население в Люблинской губернии размещалось в западной части Луковского и северной части Седлецкого уездов, т.е. в районах Подляшья к югу от Буга, ареал расселения которого продолжался из Августовской губернии (т.е. из районов Подляшья к северу от Буга). Важно отметить, что и польские исследователи констатируют обособленность подляских мазур от собственно мазур (мазовшан). Русские ученые нередко относили их к мазурам на Подляшье условно, по католическому вероисповеданию и недостатку этнографических данных. Некоторые из исследователей, касаясь северной части ареала подляских мазур - в Августовской губернии, говорили об их "русском" происхождении и сохранении ими "русских" (белорусских) языковых и этнографических особенностей, и наличии среди них униатов. Риттих отмечал: "Это обрусение тянется в Люблинскую губернию и разливается сплошной площадью и жилами русицизма к Седльцам, Станиславу, Лукову, переходя в мазовецкxз наречие"¹⁴⁴. Т.е. обрусение охватывало продолжение ареала расселения подляских мазур в Люблинской губернии - северную часть Седлецкого и западную часть Луковского уездов (всю остальную часть Седлецкого и восточную часть Луковского уездов Риттих относил к "русской" территории). Автор отмечает здесь униатские приходы и население (например, среди католических приходов Венгровского деканата)¹⁴⁵ и даже православных среди подляских мазур¹⁴⁶. Витковский же вообще не отмечал мазур в Седлецком уезде, как и "Географические очерки". В пользу этого свидетельствуют и более поздние

данные. Наряду с этим говорится об обрусении подляшских мазур.

Собственно же польское население Люблинской губернии (т.е. без мазур и люблян), по данным Риттиха, составляло всего 157 тыс. человек¹⁴⁷, т.е. около 15% всех ее жителей. С мазурами и люблянами всего поляков, по мнению Риттиха, — 403 531 человек, что близко к данным "Географических очерков" — 400 тыс. человек или 41% населения губернии¹⁴⁸. Поляки проживали в основном в городах и посадах, т.е. не компактно. Витковский также свидетельствует о рассеянном размещении собственно поляков в губернии, об этом говорят и другие исследователи.

Указывая на недостаток точных данных, авторы "Географических очерков" насчитывают в 1863 г. "русского" населения в крае (подлясаков и южно-руссос) более 500 тыс. человек¹⁴⁹ (без ополяченных и окатоличенных, т.е. без люблян и, очевидно, мазур, хотя у последних в быту, "в его нравах и обычаях ясно проглядывает южно-русский элемент")¹⁵⁰. Близкую к этим цифру приводит Риттих — 452 376 человек "русских" (малороссос)¹⁵¹, в том числе 236 892 католиков, 213 564 униатов и 1 920 православных. Он считает ее минимальной. Учитывая же данные о расселении малорусос (малороссос), сообщаемые Шафариком, Эркертом, Крыжановским, Кояловичем и самим Риттихом в его работе 1885 г., где часть территории люблян Риттиха на 1863 г. — около половины Замостского и около трети Люблинского уездов — отнесена к малорусской территории, видимо, численность "русских" Риттиха 1863 г. с люблянами этих уездов составила бы приблизительно 506 930 человек, что почти тождественно минимуму, указанному в "Географических очерках" на тот же период. Сам Риттих предполагал в 1863 г., что в ходе дальнейших исследований результат приблизится к данным "Географических очерков"¹⁵².

При недостатке данных о языке и этнографии населения, особенно на западе губернии, определяющим для "русско"-польского разграничения становится вероисповедание. Рит-

тих относил католиков люблян и мазур к польскому населению. Территория же к востоку от них (от среднего течения Вепря) считается малорусской. "Уже очень давно, историческим путем доказано, что эта полоса безо всяких разделностей населена малороссами, с чем согласны все этнографы, а также Шафарик", — писал Риттих¹⁵³. Сплошное "русское" население (православное и католическое) в этих пределах отмечает и Галкин¹⁵⁴. Лонгинов, ссылаясь на Риттиха, западные пределы "русских" определяет примерно по линии: Стердынь — Венгров — Зелехов — Иван-Город — к западу от Гарволина—Пулавы¹⁵⁵. Почти такие же пределы у Мирковича¹⁵⁶ и позже у Величко¹⁵⁷. (Эта линия в приближении соответствовала историческим восточным границам Мазовецкого княжества). Лонгинов констатировал: "Коренное русское население и теперь еще (в 1885 г. — В.С.) довольно многочисленно в самом Люблине"¹⁵⁸. Через Люблин проводит свою границу Риттих (1885 г.)¹⁵⁹. Вблизи Люблина (чуть восточнее) проходит граница, установленная Шафариком и Эркертом. К югу от Люблина Лонгинов отмечает значительное "русское" население в Туробине и окрестностях Красника¹⁶⁰. Эркерт полагал, что в Красноставском уезде (по делению середины XIX в.) было от 50% до 80% "русских"¹⁶¹. И позже, в начале XX в., весь район к югу от Люблина и к востоку от Вислы некоторые авторы также не относили к польской территории¹⁶². В 1889 г. А.Апухтин заявил: "До настоящего времени мы должны признать русским то население, которое находится главным образом по правую сторону Вислы, а из истории здешнего края видно, что русское народонаселение распространялось даже за пределы Вислы"¹⁶³. Добавим, кстати, что там Апухтин встречал и католическое население, говорящее "по-русски".

Судя по этим данным, пределы "русской" этнической территории и во второй половине XIX в. охватывали не только восточную часть, но, очевидно, и районы в западной части Люблинской губернии. Территория люблян на западе и подлясских мазур на северо-западе губернии, по-видимому, состав-

ляет "переходную" этническую зону. Это свидетельствует о незавершенности национальных процессов и отсутствии определенным образом выраженных "русско"-польских этнических рубежей на западе Холмщины во второй половине XIX в.

Лонгинов об этом регионе писал: "Польская историография не склонна доводить распространение русского населения в Люблинской губернии до Вислы, но некогда оно несомненно в нее упиралось, оставив кое-где отпечаток своего вечевомого уклада, обычаев податных... и юридических, так называемого в актах 15-16 вв. Волинского права и религиозных обрядов"¹⁶⁴. Имелись глубокие, культурные следы "русского" элемента "в той половине Люблинской губернии, где его не подозревали"¹⁶⁵. Относительно же происхождения самого Люблина польские ученые ничего определенного не говорили. Впрочем, русское православное братство в Люблине (подобно Киевскому, Могилевскому, Львовскому и т.д.) действовало в Люблине вплоть до XVI в.¹⁶⁶

После польского восстания 1863-1864 гг. царская администрация, взявшая курс на русификацию западных губерний, обратила внимание на непольское население Забужья. Началось учреждение русских школ и училищ. Поборники политики русификации признавали важным средством для достижения своих целей возрождение православия в Холмщине.

Меры русской администрации встретились с сопротивлением католических кругов. В 60 - начале 70-х годов XIX в. большая часть униатского духовенства Холмщины так же настороженно воспринимала стремление реформировать униатство.

В этих условиях царское правительство стремилось ускорить слияние униатов Холмщины с православием. В 1875 г. последовало официальное воссоединение униатской церкви в Холмщине с православием, которое в отличие от аналогичного в западных губерниях России конца 30-х годов XIX в., свершившегося в результате длительной подготовительной работы униатского и православного духовенства, по признанию даже официальных правительственных кругов, произошло очень поспешно и во многом было формально¹⁶⁷.

Несмотря на просчеты русской администрации и вопреки стремлениям польско-католических кругов, процесс национального возрождения русин Холмщины продолжался¹⁶⁸.

После 1863 г. на повестку дня встал вопрос о выделении Холмщины из состава Царства Польского в отдельную губернию или присоединении ее частью (Подляшье) к Гродненской, частью (собственно Холмщина) к Волынской губерниям. В этот период интерес к этнографии Холмщины резко усилился, а исследования, особенно интерпретация их выводов, стали приобретать политическую остроту и направленность. Данные Риттиха, Витковского, Кояловича, Мирковича, Чубинского и других ученых, ранее не вызывавшие принципиальных возражений со стороны польских исследователей, в связи с проектом нового административного деления подверглись их резким нападкам. Одни из них вообще отрицали наличие восточнославянского населения в Холмщине, другие, признавая его наличие, всячески приуменьшали его численность, подменяли национальную принадлежность религиозной и т.д. Царский манифест 17 октября 1905 г. о свободе, в том числе и вероисповедания, вызвал взрыв польско-католического шовинизма. В крае начались преследования на религиозной почве¹⁶⁹. Следствием этого был массовый переход православных в католичество (от 150 до 200 тыс. человек по разным источникам¹⁷⁰; не представляется, однако, возможным определить, кто сменил вероисповедание по принуждению, а кто по убеждению).

Царская администрация, не без оснований считая момент критическим для судеб православия и "русского дела" в крае, предприняла меры к созданию Холмской губернии и выделению ее из состава Царства Польского.

В 1909 г. вышла работа В.А.Францева, где были опубликованы первые и единственные крупномасштабные карты православного и "русского" населения Холмщины на 1 января 1908 г.¹⁷¹ Автор находил "русское" население в уездах: Билгорайском, Грубешовском, Замостском, Красноставском, Томашовском, Холмском, Яновском, Бельском, Влодавском, Любартовском, Константиновском, Радинском, Соколовском и

Седлецком. Он выделял (прежде всего на западе Забужья) районы со смешанным населением в различных соотношениях, а пределы компактной "русской" территории Забужья располагал восточнее, чем его предшественники, особенно Риттих. Францев не проводил этно-исторического и социально-политического анализа размещения жителей губернии и не касался вопроса о смешанном населении, а лишь фиксировал состояние на 1 января 1908 г. Поскольку массовый переход в католичество происходил в 1905-1907 гг., то выводы Францева приходится на пик успехов католического наступления на территории Холмщины. В этом случае его данные отражают не соотношение "русского" и православного населения с польским, а скорее результат польско-католического наступления против российской администрации и официального православия в крае к 1908 г.

Данные Францева подверглись острой критике со стороны польских научных и общественных кругов, хотя отчасти и были использованы ими. При этом появилась концепция "о польско-русской этнической перемешанности Холмщины". (С точки зрения католическо-польского национального единства она не была лишена внутренней логики). Этот взгляд разделяется и польскими учеными второй половины XX в. По их мнению, польская и русская историко-этническая колонизация междуречья Вислы и Буга шла одновременно и с запада, и с востока¹⁷². Русские авторы начала XX в. констатируют, что "польских работ по русской этнографии едва ли не больше, чем по польской"¹⁷³.

Идея этнической "чересполосицы" Холмщины в том или ином виде была воспринята некоторыми русскими (Францев¹⁷⁴, а затем и советскими исследователями¹⁷⁵).

Другие ученые придерживались мнения о сплошном, компактном расселении коренного "русского" населения в восточной части междуречья Вислы и Буга (Шафарик, Коялович, Крыжановский, Миркович, Чубинский, Галкин, Ткач и др.) и об общности "русского" происхождения всего коренного населения на этой территории в целом (Витковский, Риттих,

Галкин, Лонгинов, Линниченко и др.) и даже районов на левобережье Вислы. Отмечается, что в Холмщине "русский народ" живет сплошной массой. Выделяя локальные этно-языковые группы и диалекты коренного "русского" населения (подляшские бужане, полевики, бояре, озеряне, боровики и т.д.)¹⁷⁶, они указывали "язык бесспорно малорусский, нет нигде сближения или уподобления польскому, тот же, что на Волыни и в Гродненской губернии"¹⁷⁷, подчеркивая, что "вся русская сельская Холмщина имеет один русский язык"¹⁷⁸. Более того отмечается, что живущие там поляки (например, в Томашовском уезде) "имеют домашней речью русскую местную мову"¹⁷⁹.

Появление "русско-польской перемешанности", связанное с переходом части православного населения в католичество (особенно в 1905-1907 гг.), имело не этнические, а социально-политические корни. По утверждению Д. Чихачева, крестьяне, отказывавшиеся говорить по-польски и считаться поляками, изгонялись из ординаций, например, графа Замоиского, владения которого охватывали почти четыре уезда Холмщины¹⁸⁰. По данным Францева, на владения Замоиского приходился как раз очень низкий процент православного и русского населения или оно вовсе отсутствовало. Здесь находился район с высокой долей католического и польского населения, который вдавался "языками" в массив восточнославянского населения. Польско-католические круги требовали от местного населения подписку о переходе в православие, о том, чтобы оно именовало себя католиками и поляками, пользовалось польским языком и т.д. Л. Плохоцкий отмечал, что 100 тыс. русин, перешедших в католичество сразу же после манифеста 1905 г., и по этнографическим признакам, и по языку, несомненно, относились к восточнославянскому населению, но они, будучи католиками, считали себя поляками¹⁸¹. Таким образом с переходом населения в католичество создавалась так называемая этническая череполосица. Собственно же поляки в Холмщине и в начале XX в. были, очевидно, прежде всего горожанами и жителями пригородов, а также являлись помещиками и представителями католичес-

кого духовенства. Политические, национальные, административные противоречия, намерения и соображения препятствовали выяснению этнической ситуации¹⁸². При составлении официальных статистических данных католики рассматривались как поляки независимо от их языка, поляками считались говорящие по-польски независимо от вероисповедания.

Перепись 1897 г. фиксирует наличие 300 486 малорусов (малороссов) в Холмщине¹⁸³. Францев в 1908 г. насчитывал не менее 350 тыс. "русских", к которым, по его мнению, надо прибавить и часть католиков, говорящих "по-русски"¹⁸⁴. По данным Соболевского, было не менее 450 тыс. "русских", в том числе 150 тыс. католиков¹⁸⁵. Комиссия по выделению Холмской губернии (ссылаясь и на Соболевского) нашла до 500 тыс. "русских"¹⁸⁶. Эти данные относились к районам в основном восточнее р.Вепрь, что, в целом, соответствует территории выделенной Холмской губернии по линии: Сарнаки - Лосицы - Ольшанка - Красностав - Еданов - Рабечница - Белгорай - Крешов (комиссия находит в этих границах около 464 тыс. "русских" и лишь 30-40 тысяч к западу от них)¹⁸⁷. Однако, учитывая сведения предшествующего периода, данные комиссии о численности "русских" в Холмщине (около 500 тыс. человек) представляются заниженными: сравним - 400 тыс. "русских", только униатов (т.е. без католиков) в 1820 г.; свыше 500 тыс. всех "русских" в 1863 г.; 450-550 тыс. только православных (т.е. без католиков) к 1905 г.¹⁸⁸ Липранди приводит цифру - I млн. "русских" в Холмщине в 1901 г.¹⁸⁹ и у Нечуй-Левицкого - к 1905 г. до I млн. человек¹⁹⁰.

Не претендуя на исчерпывающее освещение вопроса, предложим свою точку зрения относительно восточнославянского населения Холмщины к рассматриваемому периоду. Францев, ссылаясь в своей работе (1908 г.) на данные Чубинского (1872 г.), считает, что численность католиков, говорящих "по-русски" на этих территориях, сильно возросла за период с 1872 по 1908 гг. У Чубинского же численность униатов, говорящих по-польски не 1872 г., почти в три раза меньше католиков, говорящих "по-русски" в том же году (10 251 чело-

век против 32 041 человек)¹⁹¹. По мнению Францева, численность бывших униатов (православных с 1875 г.), говорящих по-польски, возросла максимално до 100 тыс. человек (т.е. примерно в 10 раз) к 1908 г.¹⁹² Следовательно, численность католиков, говорящих "по-русски", должна была возрасти к 1908 г. не менее, чем до 320 тыс. человек (32 041 x 10). Таким образом, всего "русских" и православных, и католиков, исходя из данных Францева и Чубинского, было не менее 670 тыс. человек (350 + 320 тысяч). Если же считать всех православных к 1905 г. "русскими" (около 450 тысяч по Францеву)¹⁹³, то "русских" православных и католиков будет к 1905 г. до 770 тыс. человек (450 + 320 тысяч). Это требует расширения пределов "русской" территории за границы выделенной в 1912 г. Холмской губернии, поскольку общая численность всего ее славянского населения (и "русских", и поляков) — около 732 тыс. человек¹⁹⁴. (Общая численность населения Холмской губернии — около 1 087 тыс. человек "русских", поляков, евреев, немцев и др.)¹⁹⁵.

На основании сравнительного анализа имеющихся данных попытаемся приблизительно определить численность восточно-славянского населения Холмщины в начале XX в. Подсчеты не претендуют на абсолютную точность, однако, представляются целесообразными для настоящего исследования.

За основу берем соотношение населения по национальному и религиозному составу, определенное Риттихом, довольно точное для своего времени. Они согласуются с данными по тем же параметрам со сведениями, представленными его современниками (Коялович, Крыжановский, Петров и Малишевский) и более поздними исследователями (Филевич), сопоставимы с материалами начала XX в. При расчетах опираемся на данные Риттиха о соотношении численности католического и униатского (позже православного) населения, они соотносятся с численностью православных к 1905 г. у Филевича (550 тысяч)¹⁹⁶ и конкретным географическим размещением населения.

Первый вариант:

Табл.3

Сравнительная таблица возможной численности
восточнославянского населения в Холмщине в начале XX в.

Состав	Соотношение католиков и униатов	Примерная чис- ленность "рус- ских" к 1905 г. (млн. человек)
"Русские" с частью люблян (на основе подсчетов Риттиха) 506930 человек	1,36 : 1	ок. 1,3
"Русские" без люб- лян свыше 450 тыс. человек	примерно 1 : 1	св. 1,1

Второй вариант. В нем учитывается возможность полной колонизации всех люблян к 1905 г. (в первом — только большей их части). Если считать поляками всех люблян, то, как у Риттиха в 1863 г., "русских" будет 45,3% жителей Люблинской губернии против 40% поляков¹⁹⁷ или, примерно, в 1,1 раза больше (что сходно с данными "Географических очерков": в 1863 г. — 500 тыс. "русских" против 400 тыс. поляков, т.е. в 1,25 раза). Соотнеся с численностью всего славянского населения Забужья в 1905 г. (около 1 886,5 тыс. человек)¹⁹⁸, получаем к 1905 г. опять-таки свыше 1 млн. человек "русских". Согласно данным Холмитянина, к 1912 г. только в Люблинской губернии "русские" к востоку от условной линии: р. Вепрь — Стенница — западнее Туробина — Горай — Билгорай — Гута Крепшевская насчитывали 530 тыс. человек¹⁹⁹ и составляли сплошную компактную массу. Поляки же располагались лишь в северо-западной части губернии примерно в таких пределах: р. Вепрь — Стенница — западнее Туробина — Быхава — южнее Неджице — южнее Белжице — к Висле, составляя всего 250 тыс. человек²⁰⁰. Остальную часть губернии (т.е. как раз южную

часть сплошной территории люблян Риттиха) заселяло "особое", "переходное", население, отличающееся от польского (и по языку, материальной культуре и "складом народного характера"), его насчитывалось всего 260 тыс. человек. В связи с этим Холмитянин писал: "На русском официальном языке они почему-то называются поляками"²⁰¹. Если следовать тенденции, просматривающейся в работах многочисленных авторов²⁰² и доверять официальной статистике в начале XX в., то в Седлецкой губернии "русских" проживало в 1,3 раза меньше, чем в Люблинской, а исходя из данных Холмитянина, получим цифру – около 407 тыс. "русских" в Седлецкой губернии или в обеих губерниях около 937 тыс. человек, а вместе с "особыми" (т.е. частью люблян) – около 1,2 млн. человек в Забужье.

В работах авторов начала XX в. прослеживается развитие процесса пробуждения к национальной жизни русин Холмщины. Отмечается массовое стремление крестьян дать детям образование. Появляется местная интеллигенция – выходцы из коренного "русского" населения: относительно много учителей, православного духовенства (в том числе один епископ), один профессор; формируются местные русские общественные организации (например, в Беле – "Русское патриотическое общество Холмщины и Подляшья"²⁰³). Наличие компактной территории коренного восточнославянского населения в Холмщине, сохранившего значительные масштабы своего распространения там, отмечают и советские авторы в межвоенный и послевоенный период; польское население в Холмщине перед первой мировой войной составляло лишь меньшинство края²⁰⁴, заселена она "преимущественно украинским населением"²⁰⁵. Согласно данным Рудницкого и Скрипника (1924 г.), линия сплошного восточнославянского (украинского) населения охватывала примерно такой район: Стердынь – восточнее Седлеца и Лукова – Межиречье – Радин – Красностав – Замостье – Шебрешин – Билгорай – Тарногород – Синява²⁰⁶. У Токарева (1958 г.), хотя и на мелкомасштабной карте (1:2 000 000), линия западной границы восточнославянских языков и диалектов про-

ходит еще западнее, примерно поровну разделяя между речье Вислы и Буга²⁰⁷. Польские же авторы в начале XX в. насчитывали всего 335-368 тыс.²⁰⁸ и даже 310 тыс. "русских"²⁰⁹ в районах, примыкающих к Бугу с запада. Как незначительную, расценивают долю восточнославянского населения в районах Холмщины начала XX в. и современные польские авторы²¹⁰. Итак, на основании утверждений ряда исследователей конца XIX - начала XX в. о том, что восточнославянский ("русский") этнос размещался сплошной массой в крае, а также с учетом роли польско-католического натиска в складывании этносоциальной ситуации там²¹¹, представляется обоснованным считать численность коренного восточнославянского ("русского") населения в Холмщине к 1914-1918 гг. минимально до 1 млн. человек.

Возможно выделить населенные пункты, отмечающиеся в работах по исследуемому периоду, как самые западные поселения с православным или "русским" населением, т.е. порубежные с польско-католическим. Географическая локализация их в Холмщине с севера на юг позволяет представить условную границу, в пределах которой может уместиться "русское" население численностью до 1 млн. человек: Волька Окронгла - Венгров - Садлец - Луков - Любартов - Бискупнице - Закржувок - Уланов. Специфика же этносоциальной ситуации в крае, отсутствие необходимых исследований не позволит все же с абсолютной достоверностью говорить о пределах "русской" и польской территорий в Холмщине в начале XX в. Любая конкретная линия здесь весьма условна. Как результат обобщения этносоциальной ситуации в Холмщине на основе данных науки середины XX в.²¹², применительно к рассматриваемому периоду, локализацию "русской" территории в начале XX в. можно определить в восточной половине между речья Буга и Вислы.

Недостаток данных по языку и этнографии этого периода не позволяет более-менее определенно выявить национальные особенности районов, примыкающих к указанной территории с запада. Одновременно, по имеющимся данным, отнести к польской национальной территории районы к северу и, особенно,

к югу от Люблина (вплоть до Вислы) на начало XX в., представляется сомнительным. Эти районы незавершенных процессов национальной консолидации составляли, очевидно, так называемую "переходную этническую зону" в междуречье Буга и Вислы. Западные пределы выделенной "переходной зоны" примерно схожи с политическими русско-польскими рубежами до XI-XII вв., которые, согласно русским ученым, проходили в этом районе по линии: устье Сана - Висла - устье Вепря - Луков - Рад - Сикоры - Нур²¹³.

4. Галиция

Речь пойдет о территории, перешедшей к Австрии после разделов Польши, в границах, сформировавшихся окончательно к середине XIX в. Большую, восточную, часть Галиции занимало униатское ("русское") население - русины; меньшую, западную - преимущественно католическое (польское). Положение Галиции в составе Австро-Венгерской империи, исторически сложившееся господство польского помещичьего землевладения на ее территории, как и в других районах пограничья явились важными факторами, определившими своеобразие этносоциальной ситуации в крае. Для "русского" населения, представленного практически лишь малоземельным крестьянством и униатским духовенством (в основном низшим), место в социально-классовой структуре и религиозная принадлежность были почти тождественными понятиями. В отличие от Холмщины и особенно Белостокщины, в экономической и политической жизни всей Галиции почти безраздельным было господство польского элемента сверху донизу, чему способствовала политика, проводимая в крае правящими кругами Австро-Венгрии. В условиях двуединой империи правящей Вене было выгодно покровительствовать польским имущим классам, поощряя их стремление к "польскому триединству", предоставить некоторые свободы, в частности возможность для деятельности интеллигенции и пропаганды освободительной борьбы на территории Российской империи. В то же время непримиримая позиция польских помещиков и аристократии по отношению к национальным

интересам русин в крае, а также рост социально-экономических противоречий между имущими классами в Галиции (практически исключительно польскими по национальному составу) и крестьянским населением (как униатским, так и католическим), а также нарождавшимся рабочим классом (нефтяные разработки) разделило галицийское население на два национальных лагеря – "русский" и польский. Униатская церковь в Галиции, ставшая фактически "национальной религией" русин в крае, была более независимой от костела, а ее общественно-политическая роль стала гораздо более значительной, чем в Холмщине.

В самосознании подавляющего большинства русин жила идея общерусского единства, т.е. единства всего восточно-славянского населения²¹⁴, отмечавшаяся вплоть до второй половины XX в., когда коренное население, констатировал Токарев, "считает и называет себя русским ("русский", "русин"), а в литературе часто обозначается как "русины"²¹⁵. Сохранявшийся сравнительно низкий уровень национального самосознания населения Галиция, где как и на всем пограничье, вероисповедание выступало основным критерием национальной принадлежности населения, свидетельствовал о незавершенности процесса его национальной консолидации. Сохранялась самобытность этно-языковых групп как среди католического (польского) населения – так называемые галицкие мазуры, гуралы (горалы), краковяки, так и среди униатского ("русского", в рамках "русского" самосознания) – лемки, бойки, гуцулы, подоляне и т.д. "Русское" население края, продолжавшее этнический массив восточнославянского населения Подолии, Волыни, Холмщины, наиболее часто обозначалось как русины. В научной литературе название "русины" закрепилось прежде всего именно за "русским" населением Австро-Венгрии, обозначаемым также в работах русских исследователей как малорусы (малороссы).

Самоназвания же "украинец", "украинский", по мнению российских историков Н.М.Пашаевой и Л.Н.Климковой, не было в Галиции еще в середине XIX в.²¹⁶ и первоначально, по ут-

верждению исследователей, а также русского и австрийского военных ведомств, оно являлось понятием политическим, а не национальным²¹⁷. Так, в секретных австрийских наблюдениях времен уже первой мировой войны констатировалось: "Пока что украинская идея не совсем проникла в русское престолярное, тем менее замечается это в российской Украине"²¹⁸. В работах выходцев из коренного "русского" населения Галиции отмечается, что термин "украинец" к рассматриваемому периоду отождествлялся с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства. Термин этот, например на Лемковщине, не отождествлялся у "русского" населения с национальным самосознанием²¹⁹.

На основе идеи единства восточнославянского населения в XIX в. в Галиции определилось массовое культурно-политическое течение, получившее название "русофильство" или "москвофильство", представители разных поколений которого, хотя и отличались по своему социальному мировоззрению, но высказывались за объединение всего русского населения под эгидой России. Москвофилы решительно выступали против национально-религиозного и социального гнета польских имущих классов. Они стремились приобщить население к "общерусской культуре", пропагандируя русский литературный язык, достижения культуры, завязывали прочные контакты с общественными, политическими, религиозными и культурными деятелями современной им России. Движение сыграло значительную роль в национальном возрождении галичан.

В начале XX в. среди москвофилов определилась группа "галицко-русских социалистов", издававших во Львове журнал "Новая жизнь", где приветствовалось приобщение к русской художественной и общественно-политической литературе, "начиная Пушкиным и кончая плевдой "молодых", слотившихся вокруг Горького, не говоря уже об экономистах, начиная Плехановым, Железниковым, Богдановым и кончая Лениным-Ильиным"²²⁰. Связывая судьбу "русского" населения в Галиции с историческими судьбами России, москвофилы в период вступления русских войск в Галицию в 1914 г. актив-

но сотрудничали с российской администрацией. В период продвижения Красной Армии в ходе польско-советской войны в 1920 г. в Галицию эта тенденция сохранялась²²¹.

Культурно-политическое течение "украинофилов" (украинцев) или "народовцев" возникло во второй половине XIX в. Украинофилы ратовали за национальное развитие на основе региональной самобытности. В отличие от москвофилов они подчеркивали общность происхождения и исторических судеб русин Австро-Венгрии прежде всего с восточнославянским населением Холмщины, Волыни, Подолии, Украины²²² и видели будущее восточной Галиции в единстве "всех украинских земель от Карпат до Дона". Выступая, как и москвофилы, против всеявлия польских имущих классов в Восточной Галиции, украинофилы также отражали стремление русин Галиции к освобождению от польского национально-религиозного и социального гнета²²³. Однако, если москвофилы в антипольской борьбе искали опору прежде всего в исторических традициях духовной общности с Россией и "всем русским народом", то украинофилы ориентировались на поддержку австрийских правящих кругов, как более реальную опору. Движение украинофилов, объединявших, как и москвофилы, целый ряд партийных группировок, приобретало, особенно в начале XX в., все более резкую антирусскую и антироссийскую направленность. Австрийская администрация, со своей стороны, поддерживала украинофильское течение в крае, как союзника в борьбе против традиционного стремления русин к единению с Россией. Деятельность же москвофилов, особенно к концу XIX - началу XX в., рассматривалась венским кабинетом как проявление сепаратизма по отношению к австро-венгерской монархии. Не случайно расцвет украинофильства в Галиции приходился на период складывания германо-австро-венгерского блока, противостоящего странам Антанты.

Все это к началу первой мировой войны предопределило дальнейшее разделение культурно-политических течений русинской общественности на два непримиримых по своей идеологической направленности и национально-политической ориентации лагеря, что всемерно использовалось как австрийскими

правлящими кругами, так и польскими господствующими классами²²⁴.

Разумеется, что существовала этническая общность, во всяком случае олизость восточнославянского населения Австро-Венгрии с населением Украины (русские и зарубежные авторы XIX – начала XX в. и тех, и других относили к малорусам (малороссам), но считать все восточнославянское население Австро-Венгрии украинским при наличии сторонников идеи общерусского единства представляется спорным с исторической и социально-политической точки зрения.

Для рассмотрения вопроса о русской идее в Карпатах важное значение имеют труды Ф.Ф.Аристова²²⁵, а также С.Ю.Бандасюка²²⁶, В.Р.Ваврика²²⁷ и др. Польская верхушка в Галиции в свою очередь использовала раскол русинской общественности на два лагеря для продолжения политики ее ополячивания и окатоличивания. Официальные и неофициальные польские политические круги рассматривали русин Галиции как часть "исторической польской народности", подчеркивая, что в Галиции нет двух национальностей – есть две религии. Предпринимались и непосредственные меры по "ополячиванию" и заселению русинской части Галиции польско-католическим населением. Скупались и перепродавались земли малоимущих крестьян-русин. Следствием экономического и национально-религиозного гнета явилось массовое обезземливание и вынужденная эмиграция, преимущественно в Америку. Только с 1880 по 1910 гг. выехало свыше 800 тыс. человек, главным образом русин²²⁸. Это также оказало влияние на своеобразие этносоциальной ситуации в Галиции к 1914–1918 гг.

Преобладание поляков в административном аппарате Галиции при их социально-экономическом господстве предопределило пропольскую направленность официальной статистики относительно численности и размещения населения Галиции по

национальному составу. Католическое вероисповедание и распространение польского языка служили признаком "польскости". Вот почему, несмотря на имеющуюся довольно значительную литературу по этнографии Галиции к 1914 г., трактовка этносоциальной ситуации была, в основном, односторонней. В работе Шафарика, одной из первых о размещении русин и поляков в Галиции, русинско-польский рубеж определяется по линии Уланов - Гродзиск - Березов - Змигород - Дукля - Горлице - Грибов - Попрад (плюс 4 деревни за Попрадом)²²⁹. Эта линия была принята без изменений (или с незначительными поправками) подавляющим большинством исследователей. Однако линия Шафарика фиксировала рубежи между компактным католическим и униатским населением. Это предопределяло существенные неточности в цифрах численности и в данных о размещении населения края по национальностям в пользу поляков за счет русин-католиков. При этом, как свидетельствовал Будилович, Шафарик, исходя из того, что все католики - это поляки, считал, что "русских" в Австро-Венгерской империи (включая Буковину и Закарпатье) было меньше, чем поляков²³⁰. Будилович же полагал, что значительная часть католиков - это малорусы (русины), их он насчитывал только в Галиции до 150 тысяч на 1875 г.²³¹ Он подчеркивал, что австрийские и венгерские ученые, хотя и увеличивают численность поляков за счет "русских", тем не менее признают преобладание здесь "русских", а не поляков²³². Об этом же говорят данные официальной статистики по Галиции на 1869 г.: 44% "русских" и 42,4% поляков²³³. Г.Симоненко в 1879 г. указывал на значительное преобладание "русского" населения над польским в Галиции²³⁴. Риттих (1874 г.) также считал, что "русских" там больше, чем поляков²³⁵.

К концу XIX в. и особенно в начале XX в. численность поляков, по австрийской статистике, уже существенно превышала численность "русских", что, очевидно, связано с усилением антирусской политики, проводимой австрийскими властями в Галиции. Польские исследователи рассматриваемого периода, исходя из этих данных, довольно единодушно

писали о преобладании здесь польского населения. При отсутствии резких переходов в этнических особенностях и местных диалектах от польского населения — к "русскому", польские исследователи рассматривали восточнославянское население Галиции как потомков польских колонистов²³⁶. В связи с этим они отрицали социальное и национальное угнетение русин, а тревога за социально-экономические интересы польских помещиков в Галиции выдавалась за защиту польских национальных интересов²³⁷. Польские исследователи фактически отрицали наличие среди русин католиков, а среди поляков отмечали униатов и даже православных. К полякам нередко относили тех, "кто близок" по обычаям, культуре, вероисповеданию²³⁸. Под предлогом употребления польского языка к польскому относили и почти все еврейское население Галиции (в Восточной Галиции оно составляло большую долю, чем в Западной Галиции — 13,5% и 8%)²³⁹. Евреи наряду с "русскими" католиками образовывали большинство в "польских" этнических островах Восточной Галиции²⁴⁰. Польские ученые, исходя из данных австро-венгерской статистики, к 1910 г. находят в Восточной Галиции 1 350 858 католиков (во всей Галиции — 3 731 569)²⁴¹. В связи с этим они отмечают районы с большинством польского населения, прежде всего вокруг Львова и сам Львов, вокруг Самбора и Дрогобыча, а также польские меньшинства (от 10 до 50%) в других уездах Восточной Галиции²⁴². Всего в Восточной Галиции указывается до 35% польского населения²⁴³. Наибольшее внимание польские авторы уделяли Восточной Галиции и полякам на ее территории, а о этносоциальной и религиозной ситуации в Западной Галиции сообщали лишь самые общие сведения.

Это, конечно, отражается на выводах о численности и размещении польского и "русского" населения в Галиции. Русские ученые, особенно в начале XX в., критически оценивали данные австрийской статистики. Они отрицали правомерность причисления евреев, а также всех католиков к полякам, и указывали, что численность поляков в Восточной

Галиции была заведомо преувеличена "включением крещенных евреев и русин-католиков"²⁴⁴, что униатами и православными были только русины. В связи с этим данные официальной статистики о численности униатов ближе к фактической численности "русских", чем данные по собственно национальному составу (в австрийской статистике — по родному языку). Кроме того, следует учесть, что значительная часть русин-католики и небольшая часть — православные. Среди католиков, говорящих по-польски, было много тех, кто помнил свое русинское происхождение и не считал себя поляком²⁴⁵, много и двуязычного (польско—"русского") населения. Часть же "русского" населения причисляла себя к полякам в силу социально-экономических условий существования²⁴⁶. Поэтому выводы русских исследователей о численности "русских" в Галиции, составленные на основе австрийской статистики, даже по данным о численности униатов — 3 378 тысяч²⁴⁷ (австрийские данные — 3 379,6 тыс.)²⁴⁸ на 1910 г. и с поправкой (от 200 до 500 тыс.) на католиков-русин²⁴⁹ (всего следовательно от 3 578 до 3 878 тысяч) при общей численности населения Галиции 8 025—8 030 тыс. человек²⁵⁰ следует признать заниженными (М. Грушевский насчитывал в Галиции и Буковине до 3,5 млн., в том числе в Восточной Галиции — 70% украинцев и 16% поляков, всего в Австро-Венгрии до 4 млн. украинцев)²⁵¹.

Особый интерес представляют русские данные непосредственно предвоенного и военного периода. При этом данные некоторых русских исследователей в известной степени могли быть тенденциозными и должны были "обосновывать" стремление правящих кругов России к территориальной экспансии. Возможны аналогичные цели исследователей с австрийской стороны. Кроме того, российские власти, заинтересованные в привлечении на свою сторону польской буржуазии и помещиков, были вынуждены считаться с их позицией как в Царстве Польском, так и в Галиции и вряд ли могли идти на обострение русско-польских противоречий, к тому же в отношении не завоеванной еще территории.

Общественно-политическая ситуация в Галиции накануне войны в немалой степени повлияла на формирование национальной ситуации в крае. В связи с гонениями на москвофилов Г. Лисогорский отмечал, что во время последней переписи (очевидно, 1910 г.) многие униаты, опасаясь репрессий, принимали католичество и объявляли своим родным языком польский²⁵². А. Яринович указывал, что более 150 тыс. русин приписало себя к полякам из-за своих социально-экономических условий²⁵³. Вместе с тем в связи с борьбой русин за национальное равноправие, ростом их национального самосознания происходило обрусение "польского населения в Восточной Галиции"²⁵⁴. Австрийская перепись 1910 г. выявила значительный прирост (с 1900 г.) униатского и "русского" по языку населения в Западной Галиции (помимо "русского" и униатского населения Лемковщины), и даже его появление в уездах, в которых оно ранее не отмечалось (уезды Мелец, Лиманова)²⁵⁵. Русские исследователи говорили о значительном преобладании "русского" населения под польским в Галиции и полагали, что при изучении западных районов Галиции будут выявлены "не вполне утратившие свою русскую народность группы (населения. - В.С.). Все они должны быть отнесены к русскому народу"²⁵⁶. "Русско"-польская этническая (т.е. униатско-католическая) граница определялась ими в общих чертах - примерно от устья Сана вверх по нему до впадения Вислока, по Вислоку далее в направлении к Дунайцу между Карпатами и Вислой²⁵⁷ (общее направление этой линии нашло подтверждение в более поздних работах)²⁵⁸.

По данным русского генштаба, русских, польских ученых и отчасти официальной австрийской статистики, национальный состав Галиции к 1914 г. представляется в таком виде. Из 8 030 тыс. человек населения всей Галиции на Восточную Галицию приходилось 5 334 тысяч²⁵⁹, на Западную Галицию - 2 696 тысяч человек. Еврейское (иудейское по вероисповеданию) население в Восточной Галиции составляло 13,64% всего населения²⁶⁰, в Западной Галиции - 7,95%²⁶¹, немцы, соответственно - 3,7%²⁶² и 1,5%²⁶³. В Восточной Галиции часть

евреев относилась к немцам (до двух третей)²⁶⁴. По данным П.Оссовского, только в Восточной Галиции было около 18% (1 млн. человек) евреев²⁶⁵. На прочие национальности, кроме основного славянского населения, приходилось в Восточной и Западной Галиции не более 0,1% всего населения²⁶⁶.

С учетом процентного соотношения население Галиции распределялось таким образом:

Табл.4

Численность населения Галиции по национальному составу к 1914 г.

Территория	Славянское население: "русские" и поляки (последние с частью евреев и немцев-католиков) (человек)	Евреи (человек)	Немцы (человек)	Другие национальности (человек)	Общая численность (человек)
Восточная Галиция	4403750	859130	65786	5334	5334000
Западная Галиция	2438532	214332	40440	2696	2696000
Вся Галиция	6842282	1073462	106226	8030	8030000

Согласно данным М.Грушевского, первый австрийский губернатор Галиции - Перген насчитывал в крае в конце ХУШ в. при общей численности 2 млн. человек, - две трети "русских" и около одной четверти поляков²⁶⁷. Учитывая, что даже по австрийским и польским данным, прирост униатского населения (т.е. даже только части "русского"), по меньшей мере не уступал приросту католиков (русские же исследователи писали, что прирост "русских" - "очень велик и постоянно повышается"²⁶⁸, а "русский" этнический массив "очень устойчив"), то из 8,03 млн. человек населения Галиции к 1914 г. "русских" могло быть не менее 5,35 млн. человек при двух млн. поляков (к последним, очевидно, относились евреи, немцы и

др., по крайней мере частично, поскольку вместе их численность значительно больше оставшихся 680 тыс. человек). Г.Линсогорский в 1915 г. указывал, что из восьми с лишним млн. человек населения Галиции, при последней переписи числилось около 5 млн. человек "русских" и три с небольшим млн. поляков²⁶⁹ (это, видимо, включая евреев и др., а также часть "русского" католического населения). Он считал, что численность поляков была сильно завышена ("много ли из них было настоящих поляков?")²⁷⁰ и полагал, что "кровных родовых поляков в Галиции почти нет"²⁷¹. Москвофилы также указывали на то, что поляки Галиции – это большей частью считающиеся полонизованными русины²⁷². Сходные данные приводили Д.Вергун²⁷³, П.Казанский²⁷⁴, П.Оссовский²⁷⁵ и В.И.Пономарев²⁷⁶. Советские авторы насчитывали к 1914 г. в Галиции и Холмщине 6 780 тыс. человек восточнославянского населения, поляков же 1 040 тысяч²⁷⁷, т.е. на Галицию "русских" приходится значительно более 5 миллионов и менее 1 млн. поляков. Представляется обоснованным остановиться на цифре численности "русского" населения Галиции к 1914 г. в 5 млн. человек, в том числе в Восточной Галиции – 4 млн. человек, считая это лишь минимумом. Тогда в соответствии с приведенными выше расчетами, соотношение "русского" и польского населения Галиции представляется следующим:

Табл.5

Предполагаемое соотношение "русского" и польского населения в Галиции к 1914 г.

Территория	"Русские" (млн.человек)	Поляки (вместе с частью католиков-евреев и немцев) (человек)
Восточная Галиция	4	4 037 500 (7,57%)
Западная Галиция	1	1 438 532 (53,36%)
Вся Галиция	5	1 842 282 (22,94%)

По данным же австрийской переписи (1910 г.), в Галиции численность "русских" по языку 3 208 092 человек (40,2%),

поляков 4 672 500 человек (58,55%), католиков же - 3 732 961 человек (46,5%)²⁷⁸.

В Восточной Галиции поляки составляли наряду с евреями большую часть горожан. "Русское" же население проживало компактно, составляя почти сплошное сельское население, так же, как и на Лемковщине в Западной Галиции, где среди русин не было ни одного католика. Но если "русские" составляют 4 млн. человек населения Восточной Галиции и 3,4%²⁷⁹, т.е. 91 664 человек "русских" униатов в Западной Галиции, то оставшейся части "русского" населения (908 336 человек) больше расселяться негде, как в католической Западной Галиции, которую подавляющее большинство исследователей традиционно относило к польской по национальному составу территории.

В связи с этим важна характеристика католического (польского) населения, образующего сплошную массу населения в районах Западной Галиции. По данным русского генштаба, польское (т.е. католическое) население Западной Галиции разделилось на три группы: краковяки или кракусы в окрестностях Кракова, горалы (гуралы) в Прикарпатье, к юго-западу от Кракова, и мазуры, которые занимали всю остальную часть Западной Галиции от р. Рабы до Сана²⁸⁰. Исследователи указывали на резкое отличие мазур от краковяков (собственно поляков, т.е. малополян), (Муханов же, относя по традиции католиков-мазур к польскому населению, в то же время отделял мазур от поляков и даже противопоставлял им)²⁸¹. По психологическим особенностям и физическому облику мазуры, отличаясь от краковяков, обнаруживали прямое сходство с "русским" населением Галиции²⁸². При этом краковяки говорили "на чистом польском языке", мазуры же "неправильно говорят по-польски", они "говорят на смешанном наречии, вставляя ... много малороссийских слов"²⁸³. Польский исследователь Свентек свидетельствует об отличии мазур (в районе Рабы) от их западных соседей и по особенностям духовной и материальной культуры, самосознанию, разговорной речи и по происхождению (они считали себя мазурами "и говорят речь мазурской", т.е. непольской), шляхты между ними нет, "все крестьянского сословия"²⁸⁴. В.Дайчак отмечал, что мазуры

в Восточной Галиции — это католики, говорящие "по-русски"^{285ж}. По национальному самосознанию, краковяки (собственно поляки) "не любят русское правительство и государство ... враждебны к России и всему русскому"²⁸⁶. Мазуры же "отличаются особой ненавистью к ксендзам и панам", "наиболее склонны к сближению с русским населением", более прочих поляков (католиков) являются "склонными к дружбе с Россией"²⁸⁷. По сведениям генштаба "горалы сходны на характер мазур"^{288жж}. Исследователи отмечали, что галицкие мазуры в Восточной Галиции быстро утрачивают "свою национальность и вполне сливаются с русинами"²⁸⁹. На это указывал и Дайчак²⁹⁰, и советские ученые²⁹¹.

† Общность населения на мазурской территории по особенностям элементов материальной и духовной культуры, самосознания (мазуры "четко отличают себя от поляков, а свою речь от польской"), по чертам местной речи, связанной с распространением "русских диалектных особенностей" и сходства этого населения по различным этнографическим параметрам с "русскими" прослеживается позже в работах польских этнографов до второй половины XX в. При этом ими указывается на связь особенностей духовной культуры населения с особенностями некогда бывшей здесь "греческой церкви", т.е. православной (согласно русским авторам — вплоть до XIV—XV вв.).

†† На общность элементов этнографии горалов (гуралей), по крайней мере в Татрах, и населения так называемой "Руси Шляхтовской" — к востоку от них, указывают польские этнографы XX в. (См.:

Особый интерес представляют данные о национальной ориентации галицких мазур. Как отмечал А.Погодин, в середине XIX в. "мазурский крестьянин о Польше ничего не знал, называл себя только цесарским", национальной пропаганды эмигрантов польской эмиграции "не понимал и не верил им" (например, в окрестностях Тарнова). По словам Г.Симоненко, они говорили, "мы галичане, мы цесарские, а не поляки"²⁹². Е.Вульфсон писал, что в 1897 г. "поляки - крестьяне Западной Галиции (т.е. "мазуры". - В.С.)" объединились с одной из русофильских галицких партий "против польской партии"²⁹³.

Данные свидетельствуют в пользу того, что отмеченные выше особенности "мазур", сближающие их с русинским населением и отличающие от собственно поляков, прослеживаются и в плоскости социальных отношений. Характерно, что исследователи разделяли поляков в Галиции на "мазур" (т.е. крестьян) и шляхту (т.е. собственно поляков). Подобно русинам в Восточной Галиции (в огромном большинстве - это крестьяне), "мазуры" видели в единении с Россией и русским народом путь к решению социальных проблем²⁹⁴. Так, например, в Галицком сейме в 1890 г. один из депутатов заявил, что представители от галицких мазур неоднократно обращались к царю с просьбой о помощи в решении аграрного и других социально-политических вопросов²⁹⁵.

Недостаток данных, отсутствие специальных исследований не позволяют сделать каких-либо определенных выводов о национально-этнических особенностях галицких мазур. В то же время их традиционные пророссийские национальные симпатии и антипольская социально-политическая ориентация (что, очевидно, в значительной степени обусловлено и положением мазур в социально-классовой структуре края), наводит на мысль о сомнительном национально-политическом единстве между польскими господствующими классами и обособленными от собственно поляков в этническом и языковом отношении крестьянами-мазурами в Галиции в рассматриваемый период. Объединяющим началом для отнесения тех и других к польскому населению здесь выступало, по сути дела, лишь католическое вероисповедание (польским языком в той или иной сте-

пени владела подавляющая часть населения всей Галиции).

В связи с этим следует отметить, что общность происхождения "русского" (униатского) и польского (католического) населения всей Галиции не вызывала сомнений у русских исследователей XIX-XX вв.²⁹⁶, что не противоречит и данным польских, русских и советских авторов о постепенном изменении этнических особенностей и местных диалектов у населения в широтном направлении от польской этнической территории - на восток. Польские научные и общественно-политические круги в Галиции, по сути, также свидетельствуют в пользу единства происхождения коренного населения всего края, подчеркивая, что в Галиции "нет двух национальностей, есть две религии"²⁹⁷, указывалось на совпадение религиозных и национальных рубежей в крае. В мазурской же (мазовецкой) колонизации с севера (из Мазовии) сомневаются даже польские исследователи второй половины XX в. (Я.Войтович, Ф.Котула)²⁹⁸. По-видимому, под мазурами в Галиции, по аналогии с мазурами Белостокщины и Холмщины, следует понимать этнически непольское (и не собственно мазурское), но католическое население (подобно собственно мазурам-мазовшанам). Вероисповедание здесь выступало в качестве ведущего фактора разделения восточнославянского населения. Как отмечается в связи с этим в материалах русского генштаба, "благодаря фанатизму и нетерпимости католицизма, при том громадном влиянии, которым пользуется католическое духовенство на простой народ, оно заставляет польское (т.е. католическое. - В.С.) население края держаться в стороне от русского и образует глубокую пропасть между ними" ²⁹⁹.

Слабо изучена этносоциальная ситуация в католических районах Западной Галиции. В этих условиях, вслед за польскими исследователями, русские, а затем и советские, авторы относят католические районы Западной Галиции довоенного периода к польской национальной территории. Решающим фактором в пользу этого выступает лишь католическое вероисповедание и употребление населением польского языка. Ис-

следователи свидетельствуют о распространении в прошлом (до XIII-XIV вв.) православия среди славянского населения всей Галиции³⁰⁰.

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным в рассматриваемый период искать следы "русского" населения кроме Восточной Галиции и Лемковщины также и среди католического населения Западной Галиции, т.е. на территории расселения галицких мазур и, по-видимому, по крайней мере восточной части расселения горалов (гуралей) в районе Татр, примерно к востоку от линии: устье Сана - Висла - Раба - Черный Дунаец - Карпаты. В эти пределы "вписываются" и меньшинства униатского и "русского" населения среди католического населения Западной Галиции*. Католические районы к востоку от этой линии составляют, очевидно, так называемую "переходную зону" между восточнославянской и польской территориями в начале XX в. Исследователями, а также австрийской статистикой униатское "русское" население отмечается и западнее этой линии в пределах уездов: Величка - 0,7% "русских", Краков - 0,3% "русских", даже в самом Кракове - 1,8% униатов, Освенцим - 0,4% "русских", а также в уезде Хржанов на левом берегу Вислы - 0,1% "русских"³⁰¹.

Советские исследователи относили к восточнославянской территории Восточную Галицию и Лемковщину по линии: Жегестов - Горлицы - Санок - Дубецко - Ярослав - Синява³⁰² или Карпаты - Грибов - Горлице - Дукля - Санок - Ярослав³⁰³. Токарев же свидетельствовал, что западные пределы восточнославянских языков и диалектов проходят, примерно, между Карпатами и Вислой (т.е. еще севернее и западнее)³⁰⁴.

Таким образом можно предположить, что в начале XX в. восточнославянская территория в Галиции охватывала район, примерно, по линии: р. Сан - р. Вислок - г. Новый Сонч - Кросьценко, что в целом подтверждается и более поздними данными. Однако, в силу специфики этносоциальной ситуации, выделен

* Интересно, что выделенные пределы примерно схожи с политическими рубежами между русскими и польскими землями, которые проходили до XI-XII вв. условно по линии: "Татры-Бохния - вдоль левого берега Вислы - устье Сана" (Сборник статей, разъясняющих польское дело ... Вып. I. Карта).

ная здесь линия, как и на всем пограничье, достаточно условна.

С началом первой мировой войны австрийские правящие круги под предлогом борьбы с москвофильством, развернули массовый террор против "русского" населения, принявший форму откровенного геноцида³⁰⁵. Те, кто открыто разделял идею об общности происхождения и этнической общности русин Галиции и русского населения России (не говоря уже о сочувствующих действиям российских войск и администрации в Галиции), объявлялись военными преступниками и подлежали физическому уничтожению. Для выявления наиболее активных сторонников идеи общерусского (но не общеукраинского) единства, были привлечены силы полиции, армии, украинские организации (украинцы). Борьба против москвофилов не могла не затронуть широкие массы населения, придерживавшегося идеи общерусского единства. Признать себя русином (а не украинцем) зачастую было все равно, что подписать себе смертный приговор. Была создана сеть концлагерей, где содержались многие тысячи русинов – сторонников единства с Россией, открыто называвших себя русскими, австро-венгерские власти при этом не щадили женщин и детей. Концлагери "вскоре превратились в пункты физического уничтожения людей"³⁰⁶. Символом этой политики геноцида стал знаменитый концлагерь Талергоф в Австрии³⁰⁷. За годы первой мировой войны только в Восточной Галиции население уменьшилось (включая, очевидно, миграцию) не менее, чем на 500 тыс. человек (прежде всего во Львовском уезде – 114 тысяч, Станиславовском – 159 тысяч, Тернопольском – 176 тысяч)³⁰⁸. Все это сказалось на политической обстановке в крае и развитии национальных процессов.

Таким образом в рассматриваемый период на пограничье имели место противоречивые тенденции в развитии этносоциальной ситуации. С одной стороны, это – продолжавшаяся польско-католическая колонизация пограничья, имевшая давнюю историческую традицию и приносящая свои плоды.

С другой – рост национального самосознания у коренного

"русского" (восточнославянского) населения пограничья (как православных и униатов, так и католиков). В Галиции наряду с традиционным стремлением коренного "русского" населения к культурно-политическому единству с русским населением в пределах Российской империи, отмечается также тенденция к единству прежде всего украинского населения в Австро-Венгрии и России на основе противопоставления "украинцев" и России, и русским, пользующаяся поддержкой австрийских правящих кругов.

В силу исторических особенностей католицизм на востоке выступал в качестве неотъемлемой характеристики польской национальности, отличающей ее в районах пограничья от православного и униатского населения. В условиях социально-экономического господства польского элемента и активной деятельности польско-католических кругов православное и униатское население, составляя этническое единство с католиками, имело три возможности национального развития. В одном случае оно представляло собой как бы потенциальный резерв для становления коренного католического польского населения в районах пограничья. В другом — оставалось "общерусское" единство. В третьем — усиливались черты национальной обособленности от "польскости" — украинизация (позже и белорусизация). Польское помещичье землевладение составляло социально-экономическую базу ферпостов "польскости". К ним по мере окатоличивания коренного населения "подтягивались" пределы польской национальной территории, где формировался специфический культурно-политический и хозяйственный уклад жизни населения. При отсутствии дифференцированных данных, размещение польского населения в районах пограничья, начиная с шафарика, отождествляется, в целом, с пределами сплошного католического населения. Концепции польско-католического единства славянского населения не затрагивают этнических корней общности католического и православного (и униатского) населения. Серьезных комплексных исследований региона на основе современных методов практически не проводилось. Деяние ученых XIX — начала XX в.

свидетельствуют о принадлежности регионов пограничья первоначально к территориям с православным и "русским" населением³⁰⁹. В этом случае католический и польский облик части славянского населения пограничья представляет собой как бы вторичное явление, корни которого имеют не этническое, а скорее социальное происхождение, где католицизм выступает проводником "польскости".

Процессы национального развития населения пограничья в сторону его полонизации, или "русификации", взаимно накладываясь друг на друга, создавали довольно сложную картину этносоциальной ситуации в регионе, что в свою очередь определяло и остроту геополитического звучания проблемы национального размежевания на пограничье.

При определенных социально-политических условиях районы пограничья, и прежде всего так называемые их "переходные зоны", в ходе дальнейшего развития процессов национальной консолидации могли, очевидно, в перспективе составить, как часть польской, так и "русской" (белорусско-малорусской) национальной территории. Социально-политические и экономические условия, мероприятия государственных органов явились ведущими факторами развития национальных процессов там в пользу полонизации или "русификации".

До первой мировой войны процесс "обрусения" имел перспективу заметного развития на пограничье, как в пределах России, так и в австро-венгерской Галиции. Этому способствовало и то, что в условиях господства польского помещичьего землевладения разворачивавшееся аграрное движение на пограничье принимало антипольский национальный оттенок.

В межвоенный период на пограничье, оказавшемся в пределах независимой Польши, возобладал процесс полонизации (особенно в западных районах Белоруссии). Однако аграрное движение, по-прежнему сохранявшее антипольский освободительный характер, тормозило процесс полонизации.

К 1914-1918 гг. западный ареал компактной территории "русского" (восточнославянского) населения пограничья охватывал район по условной линии (здесь генерализовано): от

Прусской границы на севере - Щучин - Визна - Цехановец - Венгров - Седлец - Луков - Любартов - Бискупице - Закржувок - Уланов на Сане - Лежайск - р. Вислок - Новый Сонч - Кросьценко, что лишь несколько западнее восточных пределов сплошного расселения католиков на пограничье к концу XX в. Западные пределы так называемых "переходных" этнических зон прослеживаются примерно в пределах: Ломжа - Венгров - Зелехов - Люблин - Белжице - р. Висла - по Висле до ее истоков - Карпаты. Принадлежность к восточнославянской (белорусской и украинской) территории ареала Белостокщины, Холмщины, Восточной Галиции и Лемковщины в Западной Галиции в той или иной степени находит свое подтверждение в ходе последующих социально-политических событий на пограничье.

Дальнейшие пути развития национальных процессов на территории всего пограничья после 1914-1918 гг. определялись социально-политическими условиями развития этих регионов в пределах польского государства и, частично, с 1939 г. - в пределах СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хлебовчик Ю. Роль и функции двуязычия в процессе образования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С.103.
2. Там же. С.102-107.
3. Закржевский А. Польша. Киев, 1916. С.Ш.
4. Там же.
5. Брокгауз - Эфрон. Новый энциклопедический словарь. СПб., Т.II. С.518.
6. Русская энциклопедия. СПб., 1912. Т.4. С.362.
7. Брокгауз - Эфрон. Новый энциклопедический... Т.II. С.518.
8. Русская энциклопедия. Пг., [6/г]. Т.6. С.306-307.
9. Материалы к вопросу об образовании Холмской губернии. Варшава, 1908. С.65.
10. Там же.
11. Липранди А. Польша и польский вопрос. СПб., 1901. С.57.
12. Там же. С.114.
13. Романов Е. Материалы по географии Гродненской губернии. Вильно, 1911. Вып. I. С.12.
14. Закржевский А. Польша... С.118.
15. Курятовский Г. Этнографическая Польша. М., 1914. С.48.
16. Закржевский А. Польша... С.112, 118.

17. Курнатовский Г. Этнографическая Польша... С.48.
18. Закржевский А. Польша... С.110.
19. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания (Под ред. С.Н.Южакова). СПб., 1903-1904. Т.15. С.421.
20. Брокгауз - Эфрон. Энциклопедический словарь. 1889. Т.47. С.459.
21. Закржевский А. Польша... С.118.
22. Брокгауз - Эфрон. Энциклопедический словарь... Т.28. С.732; Брокгауз - Эфрон. Новый энциклопедический словарь... Т.21. С.278.
23. Большая Советская Энциклопедия. М., 1927. Т.5. С.352.
24. Кушнер П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С.15.
25. Русская энциклопедия... Т.6. С.306-307.
26. Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. М., 1916. Т.1; Он же. Русское религиозное и национальное самосознание. Тифлис, 1918; Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966; Щеголов С. Современное украинство: его происхождение, рост и задачи. Киев, 1914; Бендасюк С. Ю. Историческое развитие украинского сепаратизма. Львов, 1939; Волконский А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Нью-Йорк, 1981; Плетнев В. Д. Вопросы жизни. Украинский вопрос. Может ли существовать изолированная Украина. Прага, 1928; Соболевский А. И. Русский народ как этнографическое целое. Львов, 1911; Ширяев Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991; Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений... Т.1. С.458; Брокгауз - Эфрон. Энциклопедический словарь... Т.54. С.142; Большой всемирный атлас Маркса. Пг., 1909-1916; Павленков Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1910. С.2199.
27. Риттих А. Приложение к материалам по этнографии Царства Польского, губернии Люблинская и Августовская. СПб., 1864; Галкин Н. Н. Объяснительная записка к этнографической карте Царства Польского. СПб., 1870; Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845; Gnот L. Lubelszczyzna: Dzieje, ludzie, krajobrazy. Lublin, 1974; Kotula F. Folklor sławny osobliwy Łasowiaków, Rzeszowiaków, Pogorzań. Lublin, 1963; Ruсhеl K. Studia nad kulturą ludową Puszczy Sandomirskiej. Rzeszów, 1978; Wоjтowіc z J. Charakterystyka fonetyczna Gwar między Wisłą, Sanem, Wisłukiem i Wisłoką. Wrocław etc. 1966.
28. Карский Е. Ф. Опыт о поездке в Белоруссию в 1902 г. СПб., 1905. С.31.
29. Там же.
30. Шафарик П. Славянское народонаселение. М., 1843. С.27.
31. Там же. С.11.
32. Кушнер П. И. Этнические территории... С.15.

33. Б о б р о в с к и й П. О. Материалы для географии и статистики России. Гродненская губерния. СПб., 1863. С. 622, 649.
34. Там же. С. 647.
35. Там же. С. 644.
36. Труды этно-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1877. Вып. 2. Т. 7. С. 483-484, 496.
37. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна, 1885. Вып. I. С. 100-101.
38. Там же.
39. Р о м а н о в Е. Материалы по географии... С. 11-12.
40. К о я л о в и ч М. О. Чтения по истории Западной России. СПб., 1884. (Карта в приложении).
41. Г а р а ц к ъ Г. Межи Заходный Беларусі ў Польшчы. Менск, 1928; С у п и н с к и й А. К. Белорусы. Л., 1932. (Карта в приложении).
42. З а к р ж е в с к и й А. Польша... С. 33.
43. Acta Baltica Slavica. XI. Wrocław etc., 1977; AtYas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Wrocław etc., 1980. Т. I. С. 123.
44. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 16.
45. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып. I. С. 95.
46. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 16.
47. Там же.
48. Там же. (Карта народонаселения Августовской губернии по исповеданиям и племенам).
49. К о я л о в и ч М. О. Чтения по истории... (Карта в приложении).
50. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 17-18.
51. Г а л к и н Н. Н. Объяснительная записка... С. 64. (Карта: Этнографическая карта Царства Польского, составленная по новейшим сведениям в 1889 г. действительным членом Императорского Русского географического общества Н. Н. Галкиным).
52. Б о б р о в с к и й П. О. Материалы для географии... С. 676.
53. Там же. С. 690.
54. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 20.
55. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып. I. С. 99.
56. Там же. С. 101.
57. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 17-18.
58. Б о б р о в с к и й П. О. Материалы для географии... С. 650.
59. Р о м а н о в Е. Материалы по географии... С. 12.
60. Б у д и л о в и ч А. Холмская Русь и поляки. СПб., 1907. С. 28.
61. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 16.
62. Там же. С. 17-18.
63. Там же.
64. Там же. С. 16.
65. Там же.
66. Там же. С. 17

67. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып. I. С. 100.
68. Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вильна, 1887. Вып. II. С. 379.
69. Там же. Вып. I. С. 102.
70. Н и д е р л е Л. Обзорение современного славянства. СПб., 1909. С. 56.
71. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С. 18.
72. Географические и статистические очерки Царства Польского. СПб., 1863. С. 63.
73. Т о м с з о п е к Z. Ruch ludowy na Białoostoczczyźnie 1918-1939. W-wa, 1978. S. 20.
74. Р и т т и х А. Приложение к материалам... (Карта народонаселения Августовской губернии...).
75. Труды Варшавского Статистического Комитета по десяти губерниям Царства Польского. Варшава, 1890. Вып. II. С. 112.
76. С у п и н с к и й А. К. Белорусы. Л., 1932. (Карта в приложении).
77. Р и т т и х А. Приложение к материалам... (Карта народонаселения Августовской губернии...).
78. Б о б р о в с к и й П. О. Можно ли вероисповедание принять в основание племенного различия славян Западной России. СПб., 1864. С. 23-25.
79. Учебный Географический Атлас (Под ред. Ю. Шокальского). СПб., 1914. (Карта 22).
80. Русская энциклопедия. Т. 6. С. 306-307.
81. К у р н а т о в с к и й Г. Этнографическая Польша... С. 29-30.
82. З а к р ж е в с к и й А. Польша... С. 19, 35, 37.
83. Там же. С. 31.
84. Там же.
85. Т о м с з о п е к Z. Ruch ludowy... S. 21.
86. К у р н а т о в с к и й Г. Этнографическая Польша... С. 41; Г а р а ц к и Г. Межи Заходняй Беларусі... С. 88; Р о м а н о в Е. Материалы по географии... СПб., 1912. Вып. II. С. 39.
91. В о л ь т е р Э. Списки населенных мест Сувалкской губернии как материал для этно-исторической географии края. СПб., 1901. С. 308-309.
92. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып. I. С. 95.
93. Польский вопрос в Государственной думе 3-го созыва 1-й сессии. Вильна, 1909. С. 137-139.
94. Обзор Сувалкской губернии за 1905 г. Сувалки, 1906; Обзор Сувалкской губернии за 1911 г. Сувалки, 1912.
95. К а р с к и й Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. Пг., 1917. С. 10.
96. С з у ф и с к и Е. Etnograficzno-statystyczny zarys historyczności i rozsielenia ludności polskiej. W-wa, 1909. С. 56.

97. Петров Н. И., Малышевский И. И. Холмская Русь, исторические судьбы русского Забужья. СПб., 1887. С.4.
98. Будилович А. Холмская Русь... С.28.
99. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1964. Т.П. С.633.
100. Бобровский П. О. Материалы для географии... С.649.
101. Флоринский Т. Славянское племя. Киев, 1907. С.26.
102. Риттих А. Славянский мир. Варшава, 1885.
103. Романов Е. Материалы по географии... С.12.
104. Будилович А. Холмская Русь... С.28.
105. Бобровский П. О. Материалы для географии... С.614.
106. Супинский А. К. Белорусы... (Карта в приложении).
107. Большая Советская Энциклопедия. М., 1927. Т.5. С.352.
108. Acta Baltica Slawica ...; Atlas gwar wschodnio-slawiańskich ...
109. Юзвюк Ю. Юго-Восток Белостокского воеводства. Минск, 1969. С.20-21; Ширяев Е. Е. Беларусь, Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991.
110. Юзвюк Ю. Указ.соч. С.20-21.
111. Брук С. Ю. Население мира (Этнодемографический справочник). М., 1986. С.246.
112. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып.П. С.8.
113. Кушнер П. И. Этнические территории... С.15.
114. Крыжановский Е. Русское Забужье (Холмщина и Подлясье). СПб., 1911. С.139,144.
115. Там же. С.146.
116. Там же. С.165-166.
117. Там же. С.164.
118. Кушнер П. И. Этнические территории... С.132.
119. Шафарик П. Славянское народонаселение... С.21.
120. Соболевский А. Холмская Русь в этнографическом отношении. Харьков, 1910. С.9.
121. Риттих А. Приложение к материалам...; Географические и статистические очерки...; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Люблинская губерния. СПб., 1851. Т.ХУ. Ч.4. С.200-201; Альбертов Л. Опыты в русской словесности. СПб., 1851. С.30.
122. Риттих А. Приложение к материалам...; Галкин Н. Н. Объяснительная записка...; Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т.ХУ. Ч.4; Лонгинов А. Червенские города. Варшава, 1885. С.52-53.
123. Atlas polskich strojów ludowych. Cz. V. Strój Biłgorajsko-Tarnobródzki. Wrocław, 1958. S. 4.
124. Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т.ХУ. Ч.4. С.200-201.

125. Географические и статистические очерки... С.69.
 126. Военно-статистическое обозрение Российской империи... С.178.
 127. Там же. С.215.
 128. Географические и статистические очерки... С.70.
 129. А л ь б е р т о в Л. Опыты...
 130. Географические и статистические очерки... С.70.
 131. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С.23.
 132. Географические и статистические очерки... С.70.
 133. Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т.ХУ. Ч.4. С.214, 200.
 134. Там же.
 135. Там же.
 136. Там же. С.218.
 137. Географические и статистические очерки... С.70.
 138. Там же.
 139. Военно-статистическое обозрение Российской империи... Т.ХУ. Ч.4. С.214.
 140. Исторические записки о Холмской Руси и г. Холма. СПб., 1897. С.28.
 141. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С.23.
 142. Географические и статистические очерки... С.63.
 143. Г а л к и н Н. Н. Объяснительная записка... С.12.
 144. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С.23.
 145. Там же. С. 17, 18, 25.
 146. Там же. С. 17, 18.
 147. Там же. С.20.
 148. Географические и статистические очерки... С.62.
 149. Там же. С.60.
 150. Там же.
 151. Р и т т и х А. Приложение к материалам... С.26.
 152. Там же. С.25.
 153. Там же. С.27.
 154. Г а л к и н Н. Н. Объяснительная записка... С.64 (Этнографическая карта...).
 155. Л о н г и н о в А. Червенские города... С.52-53.
 156. М и р к о в и ч И. Этнографическая карта славянских народностей. СПб., 1875.
 157. В е л и ч к о Г. Народописная карта Украина-Русского народу. Б.м. 1889.
 158. Л о н г и н о в А. Червенские города... С.80.
 159. Р и т т и х А. Славянский мир. Варшава, 1885.
 С.26.
 160. Л о н г и н о в А. Червенские города... С.53.
 161. Э р к е р т Э. Этнографический атлас Западно-Русских губерний. СПб., 1863. Т.III.
 162. Х о л м и т я н и н /псевд./. Культурные нужды Холмщины. СПб., 1912. С.40.
 163. Труды Варшавского Статистического Комитета... С.II2.
 164. Л о н г и н о в А. Русский вопрос о Холмщине в историческом освещении. СПб., 1912. С.17, 21.
 165. Там же.
 166. С о б о л е в с к и й А. Холмская Русь... С.6.

167. Ч и х а ч е в Д. К образованию Холмской губернии. СПб., 1912. С.4.
168. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып. I. С.95.
169. Б у д и л о в и ч А. Холмская Русь... С.14.
170. Там же. С.9.
171. Ф р а н ц о в В. А. Карты русского и православного населения Холмской Руси. Варшава, 1909.
172. G n o t L. Lubelszczyzna. Dzieje, ludzie, krajozrazy. Lublin, 1974. S. 158; Atlas strojów ludowych. Cz. V. ... S. 4.
173. С о б о л е в с к и й А. Новости этнографической литературы. СПб., 1908. С.1.
174. Ф р а н ц о в В. А. Карты русского...
175. К у ш н е р П. И. Этнические территории...
176. Т к а ч В. Очерки Холмщины и Подляшья. Холм, 1914. С.6, 7, 9, 38-45.
177. Там же.
178. Там же.
179. Там же.
180. Ч и х а ч е в Д. К образованию... С.93, 95.
181. P u o s h o s k i L. SzeXmszczyzna i sprawa jej odzyskania. Krakow. /S.a./ S. 57.
182. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1910. Т.8. С.31.
183. Ф р а н ц о в В. А. Карты русского... С.ХП-ХШ.
184. Там же. С.ХП.
185. С о б о л е в с к и й А. Холмская Русь... С.13.
186. Ч и х а ч е в Д. К образованию... С.12 (Карты).
187. Там же.
188. Материалы к вопросу об образовании Холмской губернии. Варшава, 1908. С.65; Географические и статистические очерки... С.60; Ф р а н ц о в В. А. Карты русского... С.ХП.
189. Л и п р а н д и А. Польша и польский вопрос... С.132, 137.
190. Die Anzahl der Ruthenen in Europa Azien und Amerik. Ruthen Revue. III. 1905. № 10. S. 253.
191. Ф р а н ц о в В. А. Карты русского...
192. Там же.
193. Там же.
194. Ч и х а ч е в Д. К образованию... (Таблицы - Приложение № I, С.153-158).
195. Там же.
196. Материалы к вопросу об образовании... С.65.
197. Р и т т и х А. Приложение к материалам... Карта народонаселения Люблинской губернии по исповеданиям и племенам.
198. Труды Варшавского Статистического Комитета... Варшава, 1906. Вып.ХШ. С.46.
199. Х о л м и т я н и н /псевд./. Культурные нужды... С.40.
200. Там же.
201. Там же.

202. Труды этно-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1877. Вып.2. Т.7; Материалы к вопросу об образовании...
203. Т к а ч В. Очерки Холмщины и Подляшья... С.105-107, 113.
204. Большая Советская Энциклопедия. М. Т.60. С.25-26.
205. Я р о щ е н к о А. В. І. Ленин і революційний рух на західно-українських землях. Львів, 1969. С.25.
206. Р у д н и ц ь к и й С., С к р и п н и к Т. Обзорно-політично економічна карта Західної України. Етнографічна межа Українського народу. Київ, 1929.
207. Т о к а р е в С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. С.28-29.
208. З а к р ж е в с к и й А. Польша... С.15.
209. К у р н а т о в с к и й Г. Этнографическая Польша... С.32.
210. G u o w a s k a - M a k w u s h a k U. Gubernia Siedlecka w latach rewolucji 1905-1907. W-wa, 1985. S. 19, 23.
211. А в р е х А. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966. С.103.
212. Т о к а р е в С. А. Этнография народов... С.28-29.
213. Сборник статей, разъясняющих польское дело... Вып.П. С.10.
214. А р и с т о в Ф. Ф. Русское религиозное и национальное... С.33.
215. Т о к а р е в С. А. Этнография народов... С.33.
216. П а ш а е в а Н. М., К л и м к о в а Л. И. Галицко-русская матица во Львове и ее издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. Сб., XXXIV. М., 1977. С.62.
217. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Пг., 1915. Ч.1; Ч.П. СПб., 1912; Х р и с т и а н и Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии военно-статистическое исследование. СПб., 1902; Галиция. Временный генерал-губернатор. Отчет генерал-губернатора Галиции по управлению краем с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916; Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917 гг. Галицкая Голгофа. Tramsull (Conn.), 1964.
218. Военные преступления... С.31.
219. Карпато-русский календарь "Лемко" на 1922 г. Ужгород, 1922. С.42.
220. М а л к и н В. Первая русская революция и активизация русофильского движения в Галиции. Львов, 1956. С.15.
221. Z a k s Z. Radziecka Rosja i Ukraina wobec sprawy państwowej przynależności Galicji wschodniej 1920-1923 // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Kr.-W-wa, 1970. T. VI. S. 73-74.
222. Записки наукового товариства імені Шевченка. Львів. Д.г.7.
223. Галичина, Буковина, Угорская Русь. М., 1915; Г р у ш е в с к и й М. С. К польско-украинским отношениям в Галиции. Киев, 1905. Т.І-ІУ.

224. Ястребов Н. В. Галиция накануне Великой войны 1914 г. Пг., 1915.
225. Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели...
226. Бендасюк С. Ю. Историческое развитие украинского сепаратизма. Львов, 1939.
227. Ваврик В. Р. Справка о русском движении в Галичине. Львов, 1930.
228. Зубковский В. Галиция. Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны. Харьков, 1914. С.12-13.
229. Шафарик П. Славянское народонаселение... С.21.
230. Будилович А. Статистические таблицы распределения славян. СПб., 1875. С.13-21.
231. Там же.
232. Там же.
233. Австро-Венгрия. Отдел III. Военный обзор восточных областей. СПб., 1879. С.146.
234. Симоненко Г. Сравнительная статистика Царства Польского. Варшава, 1879. С.416.
235. Австро-Венгрия. Отдел I. Общая статистика. СПб., 1874. С.41.
236. Вуцjak F. Galicja. Lwów, 1908-1910. T.I. S.80.
237. Ibid. S. 76-79.
238. Курнатовский Г. Этнографическая Польша... С.21.
239. Христиани Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии... С.273.
240. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений...; Грушевский М. К польско-украинским отношениям...; Макаручук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983. С.39.
241. Курнатовский Г. Этнографическая Польша... С.26.
242. Там же.
243. Там же.
244. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений... С.421.
245. Уланов В. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914. С.4.
246. Яринович А. Н. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1915. С.24.
247. Дежкин К. Галиция, Буковина. Угорская Русь. Пг., 1915. С.4; Зубковский В. Галиция. Краткий обзор... С.12.
248. Podręcznik Statystyczny Galicji. Lwów, 1913. T. IX. Cz. II. S. 8.
249. Казанский П. Е. Современное положение Червоной Руси. Одесса, 1914. С.6; Грушевский М. К польско-украинским отношениям... С.14.
250. Вульфсон Э. Галиция до великой европейской войны. М., 1915. С.29; Дежкин К. Галиция, Буковина, Угорская Русь... С.4.

251. Грушевский М. К польско-украинским отношениям... С.16-55.
252. Лисогорский Г. Галицкая Русь. М., 1915. С.62.
253. Яринович А. Галичина... С.24.
254. Dąbrowski W. Ląd polski na ziemiach Czerwono-ruskich. Lwów, 1906. S. 14; Оссовский П. Новые владения России в Западной Европе. Киев, 1914. С.21.
255. Podręcznik Statystyczny ... S. 17.
256. Казанский П. Е. Современное положение... С.6.
257. Лазоревский Е. Русский народ в Карпатах, Галицкая Русь и ее борьба за свою национальную самостоятельность. Киев, 1915. С.7-8.
258. Тарнович Ю. Илюстрована Історія Лемківщини. Львів, 1926. С.9-10.
259. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Восточно-Галицийский район. Пр., 1915. Ч.1. С.142.
260. Христиани Г. Г. Передовой театр... С.270.
261. Там же.
262. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Ч.1. С.151; Там же. Ч.2. С.120; Ву́ж а к F. Galicja ... С.7.
263. Там же.
264. Ву́ж а к F. Galicja ... S. 7.
265. Оссовский П. Новые владения России... С.22.
266. Ву́ж а к F. Galicja ... S. 7.
267. Грушевский М. К польско-украинским отношениям... С.14.
268. Грушкевич М. Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси в связи с великой войной. Ростов-на-Дону, 1917. С.22.
269. Лисогорский Г. Галицкая Русь... С.64.
270. Там же.
271. Там же.
272. Белоконский И. П. Галичина під час Російської окупації. Львів, 1915. С.27.
273. Вергун Д. Что такое Галиция. Пр., 1915. С.10.
274. Казанский П. Е. Современное положение... С.67.
275. Оссовский П. Новые владения России... С.15.
276. Пономарев В. И. Австро-Венгрия и ее славянские народы. Баку, 1915. С.37.
277. Ученые записки. Ростовский на Дону финансово-экономический институт. Ростов-на-Дону, 1948. Т.2. С.113.
278. Podręcznik Statystyczny ... S. 8.
279. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание... Ч.2. С.120.
280. Военно-географическое описание Галиции. Киев, 1904. С.67.

281. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 Ч.2. С.75.
282. Там же; Австро-Венгрия. Обзорение восточных областей. Галицийская область. СПб., 1899. Ч.1. С.132-133.
283. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 Ч.2. С.74-75.
284. S w e t e k J. Lud Nadrabski (od Gdowa do Bochni). Kraków, 1893. S. 56.
285. Д а ј с з а к W. Lud polski ... S. 14.
286. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 Ч.2. С.74-75.
287. Там же. Ч.2. С.75; Х р и с т и а н и Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии... С.264.
288. Х р и с т и а н и Г. Г. Передовой театр Австро-Венгрии... С.264.
289. О с с о в с к и й П. Новые владения России...
 С.21.
290. Д а ј с з а к W. Lud polski ... S. 60.
- С.39.
291. М а к а р ч у к С. А. Этносоциальное развитие...
 С.416.
292. С и м о н е н к о Г. Сравнительная статистика...
 С.416.
293. В у л ь ф с о н Э. С. Галиция до великой... С.85.
294. Положение Галицкой Руси в так званой "Новой Эре". Львов, 1892. С.96.
295. Там же.
296. Л о н г и н о в А. Русский вопрос о Холмщине...; Л и н и ч е н к о И. А., Л о н г и н о в А. В. Червенские города. СПб., 1886; З у б р и ц к и й Д. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой Руси. М., 1845.
297. Л о з и н с к и й С. Национальный вопрос и политические партии в Австро-Венгрии. М., 1907. С.15.
298. W o j t o w i c z J. Charakterystyka fonetyczna ... S. 15; К о т у л а F. Folklor sławny ... S. 18.
299. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 Ч.1. С.154-155.
300. З у б р и ц к и й Д. Критико-историческая повесть...; Л о н г и н о в А. Русский вопрос о Холмщине...; Военно-статистическое обозрение Российской империи...
 Т.ХУ. Ч.4. С.176.
- Ч.2. С.120.
301. Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание...
 С.364.
302. Большая Советская Энциклопедия. М., 1929. Т.14.
303. Р у д н и ц ь к и й С., С к р и п н и к Т. Оглядно-політично...
 С.28-29.
304. Т о к а р е в С. А. Этнография народов СССР...
 С.28-29.
305. О с е ч и н с к и й В. К. Галичина под гнетом Австро-Венгрии в годы первой мировой империалистической войны. Львов, 1949. С.14.
306. Там же.

307. Военные преступления Габсбургской монархии...
308. Ярошенко А. В.И. Ленин... С.73.
309. Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть... С.58; Лонгинов А. Русский вопрос о Холмщине... С.17.

ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ НА ПОГРАНИЧЬЕ В 1918-1921 гг.

I. Политика российской администрации в Галиции в начале первой мировой войны и национально-политическая ситуация в крае

С началом первой мировой войны приобрел международное значение польский вопрос.

14 августа 1914 г. верховный главнокомандующий русской армией вел. кн. Николай Николаевич обратился с воззванием к полякам, в котором одной из задач войны со стороны России провозглашалось объединение всех польских земель под скипетром царя. Более конкретные выраженные планы России в отношении польских земель получили в проекте послевоенного территориального переустройства, представленном министром иностранных дел Российской империи Сазоновым послам союзных держав 14 сентября 1914 г. В нем, в частности, отмечалось: "... 3) Россия присоединила бы к себе нижнее течение Немана и восточную часть Галиции. Она присоединила бы к Польскому королевству (Царству Польскому. - В.С.) восточную часть Познани, Силезии ... и западную часть Галиции"¹. Западные державы считали польский вопрос внутренним делом России. Народовые демократы (эндэки) и примкнувшие к ним согласны были получить для объединенной Польши автономию из рук царя.

Что касается Германии и Австро-Венгрии, то ни та, ни другая не могли выдвинуть программу объединения польских земель, не задевая интересов друг друга. Опубликованное 9 августа 1914 г. воззвание главного командования германской и австро-венгерской армиями призывало поляков к совместной борьбе с Россией взамен неопределенных обещаний

вольности и свободы.

Австрофильские политические круги ратовали за создание из русской и австрийской частей бывшей Речи Посполитой государства под эгидой Габсбургов². На стороне Центральных держав выступали польские легионеры, одним из организаторов которых был Ю.Пилсудский.

После вступления русских войск в Галицию они заняли почти всю ее территорию и даже подошли к стенам Кракова. К весне 1915 г. фронт стабилизировался по линии Висла-Дунаец-западнее Тарнова-Горлиц-Карпаты и российская администрация приступила к проведению ряда мероприятий для закрепления края за Россией. Как свидетельствовал русский генерал-губернатор Галиции граф В.Бобринский, в планах царской администрации, наряду с задачами непосредственного содействия русским армиям, преследовалась цель: "Подготовить ко времени мирных переговоров слияние края с Империей в политическом и национальном отношении"³.

Одним из аспектов политики "слияния края с Империей" явился вопрос "разграничения" интересов российских властей и польских буржуазно-помещичьих кругов в Галиции. Программа "разграничения" была изложена в заявлении Бобринского при встрече во Львове 10 сентября 1914 г. с делегацией местных польских помещиков и буржуазии. В нем подчеркивалось, что восточная Галиция и Лемковщина рассматриваются как "коренные русские области", являются бесспорным достоянием России, где будет введена российская система законодательства и исполнительной власти, русский язык в качестве официального и т.д.⁴ Относительно западной части Галиции Бобринский заявил: "В ней я буду применить начала, объявленные в воззвании верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича польскому народу"⁵.

В Австро-Венгрии Восточная и Западная Галиция имели конкретные административные границы с разделением на уезды. Однако в заявлении российской администрации в 1914 г. ничего об их границах не говорилось. Это, очевидно, было связано с тем, что результаты войны еще далеко не были яс-

ны и администрация оставляла себе свободу рук в вопросе разделения края на "русскую" и "польскую" части.

Территория созданного Галицкого генерал-губернаторства, в состав которого вошли восточные районы Галиции в июне 1915 г. разделялась на четыре губернии: Львовскую, Тернопольскую, Перемышльскую и Черновицкую (последняя включала земли историко-географической области Буковины). Границы уездов совпали с границами уездов по австрийскому административному делению. В состав Перемышльской губернии вошли восемь уездов Восточной Галиции, которые относились к русинской части Галиции (в том числе Перемышльский, Самборский, Добромильский и др.) и шесть уездов Западной Галиции - Проворский, Ланьгутский, Решевский, Колбушевский, Нисковский, Тарнобжегский, где сплошную массу населения составляли так называемые "галицкие мазуры" - католики, относимые к польскому населению. При этом пределы Перемышльской губернии простирались от верховьев Днестра до Вислы. Но если большая часть уездов и территории Перемышльской губернии составляли районы "коренной русской" части Галиции, то очевидно и вся ее территория рассматривалась как "русская часть" Галиции. Как уже отмечалось, галицкие мазуры по этнографическим, языковым, психологическим особенностям, национальным симпатиям, элементам национального самосознания и даже физическому облику непосредственно сближались или были прямо идентичны русинскому населению Галиции, отличаясь от собственно поляков. В период вступления русских войск в Галицию ряд общественных деятелей в крае указывали на то, что "нынешние поляки в Галичине - это большей частью "перекинчики" (полонизированные русины) и что по мере укрепления России в крае они "вернутся снова до русского народа"⁶. На это же указывают и русские исследователи этого периода, отмечая, что собственно поляков (велико- и малополян) в Галиции почти нет⁷, а дальнейшее изучение края "откроет, конечно, и другие ... не вполне утратившие свою русскую народность группы"⁸.

С началом войны польские политические объединения ав-

строфильской ориентации в Галиции обратились с меморандумом в МИД Австро-Венгрии, где, между прочим, отмечалось: "Поляки, если они хотят сохранить свою национальность, не могут быть друзьями России..."⁹.

Известны факты восторженной встречи наступающих русских армий коренным местным населением, прежде всего сельским, как в Восточной, так и в Западной Галиции. В связи с этим Белоконский свидетельствовал, что польские крестьяне (т.е. мазуры) встречали русские войска так, что "нельзя желать лучшего"¹⁰. В то же время отношение собственно поляков (т.е. прежде всего представителей господствующих классов, административного аппарата, католического духовенства) "характеризуется... политикой выжидания и в связи с этим крайней консервативностью"¹¹. Интересно, что, как отмечает Белоконский, в период вступления русских войск в районы Галиции ... у поляков (т.е., очевидно, прежде всего мазур. - В.С.) заметно стремление как можно скорее научиться "русской мове"¹².

Таким образом при "разграничении" края в состав русского генерал-губернаторства вошла часть мазурских уездов Западной Галиции, считавшихся католическо-польскими. Остальная мазурская часть Западной Галиции, которую царское правительство пообещало включить в состав "объединенной Польши", очевидно, являлось той ценой, которую царизм платил польским буржуазно-помещичьим кругам за привлечение их на свою сторону, впрочем ценой не слишком дорогой, имея в виду всю будущую "объединенную Польшу" в составе Империи.

В целом для осуществления политики интеграции края с Россией складывались довольно благоприятные национально-политические условия. Большинство сельского населения как униатского в Восточной Галиции, так и католического в Западной, составлявшее в целом по краю 80% всего населения¹³ (в том числе среди униатов-русин - 95%¹⁴, среди католиков - 67%, последние, очевидно, прежде всего "мазуры"; остальную часть католиков составляли в основном собственно поляки, евреи-католики и немцы-католики), занимало русофильские позиции.

С началом войны и вступлением русских войск в Галицию обострилась борьба между двумя культурно-политическими течениями среди русинской общественности – русофильской (москвофилы) и австрофильской (украинофилы) ориентации.

Как свидетельствует очевидец, "современники помнят еще главные периоды и черты внутренней борьбы между русским национальным движением и т.н. "украинофильством"... Эта борьба велась за утверждение в нашем народе двух противоположных, исключаящих себя идейно-политических мировоззрений – с русским народом, с Россией или против них"¹⁵. Согласно русским и австрийским источникам того периода, основные политические принципы москвофильских организаций получили широкий отклик среди коренного русинского населения, которое, не отождествляя себя с великорусами (великороссами), в то же время считало себя частью русского народа. Как отмечал в связи с этим Бобринский, в борьбу украинофилов и москвофилов "втягивалось сельское население, значительная часть которого сознательно или бессознательно разделяла принципы этой последней партии"¹⁶. Именно поэтому террор австро-венгерских властей против русофилов принял формы массового геноцида русинского населения, причем подавляющее большинство репрессированных составляли крестьяне. Как свидетельствуют очевидцы, открылась "сплошная полоса неразборчивого в средствах бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население Прикарпаття"¹⁷, "целые районы края буквально сровняли с землей"¹⁸. (Террор затронул и польское, т.е. католическое, сельское население в Западной Галиции, – очевидно, "мазур", которое "подозревали в измене", т.е. в пророссийских настроениях, на что указывают русские, польские и советские авторы)¹⁹. Согласно и австрийским, и русским источникам, национально-политические идеи украинофилов или же украинцев, напротив, не имели опоры в народных массах. Движение адептов этой идеи рассматривалось в документах лишь как политическое течение. По свидетельству Бобринского, это течение, называемое "украинским" или

"мазепинским", пользуется поддержкой австрийцев и политических кругов польского общества, характеризуя его как самое нелояльное по отношению к российским властям в Галиции²⁰. По документальным данным, "украинцы" приняли самое активное и непосредственное участие в организованном австро-венгерскими властями массовом терроре, направленном против русофильства среди коренного населения, целиком и полностью поддерживая курс австро-венгерских правящих кругов на "украинизацию" русинского населения. Согласно позиции официальных австрийских кругов периода войны, "в Австро-Венгрии никогда не было, нет и быть не может никакого русского народа, а есть лишь один верноподданный "украинский" народ. Поэтому кто лишь осмеливается признавать себя русским... уже тем самым совершает тяжкое государственное преступление"²¹. Вместе с тем "украинцы" под руководством австрийских властей, начиная с периода войны, пытались выступать от имени всего русинского населения Галиции в качестве "представителей украинского народа". Следует отметить сплоченность и единодушие всех украинских политических партий Галиции на антирусской и австрофильской почве в те годы. Украинских партий или группировок иной национально-политической ориентации в Галиции тогда просто не было.

Создается впечатление, что не было широкой поддержки со стороны населения у сторонников украинской национальной идеи, антирусская политика которых поддерживалась австро-венгерскими покровителями при сочувствии польских буржуазно-клерикальных кругов в пределах их политических интересов. Ряд советских авторов рассматривает термин "украинец", "украинский" только как обозначение национальной принадлежности коренного населения Восточной Галиции применительно к периоду, о котором идет речь. Однако, именно такой подход затрудняет исследование национально-политической ситуации в крае, что, возможно, является одной из причин неизученности исторических особенностей развития всей Восточной Галиции. В свя-

зи с этим важно корректное отношение к источникам.

Русофильская ориентация значительной части населения Галиции, наличие организаций москвофильского толка, стремившихся к сотрудничеству с российской администрацией в целях культурно-политического сближения Галиции с Россией, благоприятствовали осуществлению политики царской власти по закреплению края за Российской империей. Однако, правительство России не было последовательным в осуществлении собственной политической программы, стремясь, с одной стороны, ограничить влияние польских буржуазно-помещичьих кругов на западных окраинах, с другой — было вынуждено считаться в условиях войны с интересами польских помещиков, видя в помещичьем землевладении интегральную часть всей государственной системы Империи, а сохранение его в Галиции — условие интеграции ее с Россией. Противоречие между целью и средствами в осуществлении национальной политики определили ее непоследовательность и нерешительность, поскольку она не затрагивала основу польско-католического влияния в крае — польского помещичьего землевладения. Как отмечал Бобринский, управление генерал-губернаторством "должно быть основано на русских началах", но "без коренной ломки существующего строя"²². Отсюда половинчатость решений царских властей в различных аспектах национальной политики. Так, российская администрация сохранила многочисленные частные польские школы, являвшиеся рассадником католицизма и служившие в тех условиях средством полонизации Восточной Галиции. Москвофилы же требовали изъять польский язык из преподавания в школах для русинского населения и призывали к более решительному введению в общественно-политическую жизнь русского литературного языка. Если москвофилы добивались решительной поддержки начавшегося стихийного перехода униатов в православие, то царская администрация заняла здесь сдержанную позицию, ориентируясь на телеграмму Главкома, подтвержденную царем "относительно осторожного разрешения религиозных вопросов в Галиции"²³. Сохранялась система австрийского законодательства в суде, вся

польская и австрийская администрация, согласившаяся сотрудничать с российскими властями. Крайне осторожно российские власти относились к земельной собственности польских помещиков, даже тех, кто открыто выступал против России (последние через международные организации добились сохранения за ними прав на земельную собственность в занятых русскими войсками районах). Считалось нежелательным "наносить без нужды материальный ущерб будущим подданным Империи"²⁴. Москвофилы же требовали безоговорочной конфискации земель у польских помещиков в пользу прежде всего русинского крестьянского населения.

Политика российской администрации "по утверждению русских начал" в Галиции вызвала недовольство руководителей москвофилов, открыто обвинявших ее в нерешительности. Антипольская деятельность москвофилов в условиях, когда господствующие классы края были представлены почти исключительно поляками, принимала социальный оттенок, созвучный с классовыми стремлениями русинского крестьянства. Но это было неприемлемо для правящих кругов царской России. Противоречия между руководством москвофильского движения и царской администрацией постепенно приняли настолько резкие формы, что Бобринский был вынужден отметить в своем отчете следующее: "Занятая партией русской народной организации позиция по отношению к русским властям не только не облегчает власть в деле управления, но могла повести к необходимости применения к этой партии репрессий" (1)²⁵.

В то же время действия российской администрации встретили понимание не только со стороны москвофилов (они выражали недовольство как раз по поводу недостаточности таких действий), но и широких масс населения. Начался добровольный переход униатов в православие, добровольное вступление в русскую армию. После ее отступления население уходило вместе с ней целыми селами, и в отдельные дни количество прибывших из Галиции в Россию исчислялось десятками тысяч человек²⁶. Позднее (1919 г.) староста Рава-Русского повята отмечал, "что по сегодняшний день жалуются селяне о том, как они говорят, времени, когда тут после российского нас-

тупления правила россияне, и как они говорят, это были "наши люди"²⁷.

Летом 1915 г. в результате австро-германского наступления почти вся Галиция была занята австрийскими и немецкими войсками.

К концу войны украинofilские (украинские) военные формирования под командованием австрийских офицеров остались, по существу, единственной организованной военно-политической силой в Восточной Галиции. Этим объясняется, что они быстро овладели властью в этом регионе в ноябре 1918 г.

2. Проблема восточных польских границ в период Брестского мира

Летом 1915 г. германские и австро-венгерские армии оккупировали Царство Польское и вытеснили русскую армию из Галиции. Территория Царства Польского была поделена на германскую и австрийскую зоны. 5 ноября 1916 г. оккупационные власти провозгласили создание независимого польского королевства на землях Царства Польского, оставляя открытым вопрос о его границах. В декабре 1916 г. этими властями был образован Временный Государственный Совет, в сентябре 1917 г. замененный Регентским Советом.

Правительство царской России выступило с резким протестом против действий австро-германских оккупантов и подтвердило свою позицию в польском вопросе.

После свержения царизма в России Временное правительство опубликовало 17(30) марта 1917 г. "Воззвание к полякам", в котором заявило о необходимости создания "независимого польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом" и соединенного военным союзом с Россией. Решение проблемы границ оставалось за учредительным собранием России.

Правительства западных держав, ранее рассматривавшие польский вопрос как внутреннее дело России, высказались в начале 1918 г. за необходимость создания польского государства, объединяющего земли с исключительно (неоспоримо) поль-

ским населением.

В соответствии с Декретом о мире 8(21) ноября 1917 г. советское правительство обратилось с нотой к послам союзных стран, в которой содержалось "формальное предложение немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров". Главы военных миссий союзных стран при ставке 10(23) ноября выразили "самый энергичный протест... против нарушения условий договора от 5 сентября 1914 г., заключенного союзными державами", предупредив, что нарушение этого договора повлечет за собой "самые серьезные последствия".

Правительства Германии и Австро-Венгрии были заинтересованы в ликвидации Восточного фронта. 20 ноября в оккупированном немцами Брест-Литовске начались мирные переговоры между делегацией Советской России и Центральными державами.

Ко времени начала мирных переговоров линия фронта проходила от Рижского залива до Черного моря, примерно, по линии Рига-Динабург-Барановичи-Пинск-Луцк-южные Карпаты-устье Дуная, оставляя за германо-австрийской стороной Царство Польское, Литву, Курляндию, западные районы Белоруссии, Пolesья, Волыни, входившие до войны в состав Российской империи. На территории Царства Польского и Литвы германскими властями, как уже отмечалось, было провозглашено создание польского (1916 г.), а также и литовского (1917 г.) "государств"; находившихся в полной зависимости от оккупантов. Германия и ее союзники стремились к установлению экономического и политического преобладания Германии в регионе.

Советская делегация предусматривала заключение мира на основе самоопределения населения. В конспекте программы переговоров о мире для советской делегации, написанной В.И. Лениным, пути реализации самоопределения народов излагались следующим образом: "...2) Право на самоопределение осуществляется путем референдума всего населения самоопределяющейся области. 3) Географические границы самоопределяющейся области устанавливаются демократически избранными представителями этой и смежной областей"²⁸. На первом

пленарном заседании 9(22) декабря 1917 г. советская делегация изложила основные принципы ведения переговоров — отказ от присоединения захваченных территорий, вывод отсюда войск, восстановление политической самостоятельности народов, которые во время войны были ею лишены, и свободное самоопределение тех народов, которые до войны не имели самостоятельности.

Представители Центральных держав формально согласились с этими принципами, но позже отвергли их.

Важное место в брестских переговорах занимал вопрос о Польше и ее границах на востоке. Газета "Известия" от 10(23) декабря 1917 г. сообщала, что советское правительство считает, что Польша должна "включать в себя все части бывшего польского государства, где преобладало польское население, и быть страной глубоко демократической". Советская делегация предложила пригласить польских представителей на конференцию, хотя и выражала сомнение в праве созданной оккупантами польской администрации выступать от имени польского народа. Она предложила австро-германской стороне вывести с оккупированных земель войска, чтобы предоставить возможность свободного волеизъявления населения.

Германская делегация в Бресте получила предписание от Стаивать "4) Независимость Польши и ее связи с Центральными державами"²⁹. Она отказалась вывести войска с оккупированных территорий, заявив, что эти территории уже якобы самоопределились, и пригласить польских представителей на переговоры.

Польский вопрос являлся важным элементом взаимоотношений Германии и Австро-Венгрии. Германия добивалась установления послевоенной польско-германской границы по линии Варта-Нотец. В связи с этим предусматривалась возможность компенсации Польше за счет белорусских земель. В Германии польский вопрос рассматривался в тесной связи с украинским и литовским. В ходе войны пангерманцы выдвинули идею окружения Польши с востока территориями только что созданных и зависимых от Германии литовского и украинского госу-

дарств. Осуществление этих планов способствовало бы еще более полному вовлечению Австро-Венгрии в сферу интересов Германии в случае возможного австро-польского решения вопроса. (Последнее же, как полагали германские власти, уже само по себе вело к ослаблению позиций Германии в созданной ею в период оккупации "независимой" Литве из-за влияния там польских буржуазно-помещичьих кругов). Германские представители стремились использовать польско-литовские и польско-украинские противоречия³⁰. На переговорах они старались навязать свою трактовку принципа права наций на самоопределение.

К концу 1917 г. в районах Прибалтики, Белоруссии, большей части Украины и Молдавии, остававшихся к востоку от линии фронта, почти повсеместно установилась советская власть и начался процесс национального самоопределения, шедший тогда в рамках РСФСР. Еще 4 марта 1917 г. в Киеве блоком буржуазных и мелкобуржуазных партий была образована Центральная Украинская Рада во главе с М. Грушевским, С. Петлюрой и В. Винниченко, которая 3 июля заявила о поддержке Временного правительства. 7(20) ноября 1917 г. в Третьем универсале Центральная Рада декларировала образование Украинской Народной Республики (УНР) в рамках общероссийской федерации и объявила себя ее центральным органом. 4(17) декабря правительство РСФСР признало УНР. 12(25) декабря 1917 г. I Всеукраинский съезд советов рабочих и солдатских депутатов в Харькове провозгласил Украину республикой советов, Федеративной частью Российской республики. 20 декабря 1917 г. (2 января 1918 г.) советское правительство предложило Центральной Раде начать переговоры об урегулировании отношений.

Германия стремилась использовать Центральную Раду в своих планах. 13(26) декабря представители Рады были допущены на переговоры в Бресте. На заседании 28 декабря 1917 г. (10 декабря 1918 г.) была оглашена нота УНР ко всем воюющим и нейтральным странам. В ней говорилось, что УНР стремится к созданию федеративного союза всех республик, какие возник-

ли в данный момент на территории бывшей Российской империи, при этом одновременно "становится на путь самостоятельных международных отношений" до образования общегосударственной федеративной власти в России³¹.

Представители Германии предъявили советской делегации карту территорий, на которые они претендовали. Линия границы шла от Рижского залива до Брест-Литовска, охватывала территорию Моозунда, южной Латвии, Литвы, части белорусских земель, земли бывшего Царства Польского. Участок же границы южнее Бреста австро-германская делегация намеревалась определить с участием представителей УНР. Рассчитывая на поддержку Германии, Центральная Рада II (24) января 1918 г. провозгласила полную независимость УНР, отказавшись от всех форм федерации с Россией.

Делегация РСФСР неоднократно указывала, что вопросы границ Украины не могут быть решены без согласования с Россией. Представитель Советской Украины в составе советской делегации заявил, что Украина составляет часть Российской Федеративной Республики³². Делегаты от РСФСР дали понять, что дальнейшее развитие событий на Украине может привести там к полной победе советской власти³³. Австро-германская делегация отклонила эти доводы советской делегации, ссылаясь на то, что Центральная Рада не признает советов и отказалась признать полномочия представителей Советской Украины.

Делегация Центральной Рады стремилась укрепить позиции Рады на Украине и домогалась передачи ей Холмщины, входившей в австрийскую зону оккупации, и Восточной Галиции, входившей в состав Австро-Венгрии, на том основании, что большую часть населения их составляли украинцы. К концу января Центральная Рада отказалась от мысли получить Восточную Галицию, но продолжала настаивать на передаче под ее власть Холмщины, предлагая в обмен украинский хлеб. Претензии Центральной Рады на расширение своего влияния были на руку Германии для осуществления как непосредственных, так и перспективных задач. Передача Холмщины Раде, хотя и внесла бы коррективы в планы Германии и Австро-Венгрии, отвечала на-

мерениям расширения влияния Германии на востоке Европы. Как отмечают советские исследователи, передача Холмщины Центральной Раде (при включении Белоруссии в состав Литвы) должна была ослабить Польшу и создать в противовес ей сильное государство на Украине. В результате не возникло бы никаких препятствий установлению господства Германии в этом районе³⁴.

Под нажимом Германии правящие круги Австро-Венгрии были вынуждены пойти на уступки Центральной Раде и согласиться на передачу ей Холмщины. Германия требовала отказа РСФСР от суверенитета и над белорусскими районами Виленской и Гродненской губерний, в том числе Белостокщины. Вместе с тем она не согласилась с требованием австрийского союзника присоединить Белостокскую область к "независимой" Польше в качестве компенсации за передачу Холмщины Центральной Раде и намеревалась передать Белостокщину Литве.

Советская делегация настаивала на решении вопроса о польско-украинской границе при участии польских представителей.

Однако германо-австрийские делегаты оставили это без внимания. 9 февраля 1918 г. был заключен мирный договор между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и Украинской Народной Республикой — с другой.

В договоре констатировалось желание установления состояния мира между УНР и державами, находящимися в состоянии войны с Россией. Граница между Австро-Венгрией и Украиной совпадала с границей 1914 г. между Австро-Венгрией и Россией, далее шла по линии: Тарногород—Билгорай—Шебрешин—Красностав—Пугачев—Радин—Межиречье—Сарнаки—Мельник—Высоко Литовск—Каменец Литовский—Пружаны—Вигоновское озеро. Граница от Тарногорода до района севернее Брест-Литовска должна была быть установлена в соответствии с этнографическими (этническими) условиями с учетом желания населения³⁵.

Договор предусматривал также обмен "излишками сельскохозяйственной продукции" на условиях Германии, т.е. вывоз

продовольствия с Украины в Германию.

Правительство РСФСР осудило позицию на конференции делегатов Центральной Рады.

10 февраля германо-австрийские представители предъявили советской делегации условия мира, предусматривавшие утрату Россией территории размером свыше 150 тыс. кв. км. 18 февраля германо-австрийские войска начали наступление по всему Восточному фронту.

Договор Германии с Центральной Радой и передача последней Холмщины вызвали резкое возражение с польской стороны³⁶. Регентский совет, буржуазные партии, СДЖПиЛ, ИПС-левица осудили этот политический акт. Однако трактовка сущности договора 9 февраля польскими общественно-политическими кругами, организованными и возглавившими движение "дней национального траура", сводилась в основном лишь к нарушению целостности Польши.

Польские протесты против отделения Холмщины вынудили германо-австрийские власти сделать некоторые коррективы. В результате появился "дополнительный протокол" соглашения с Центральной Радой от 4 марта 1918 г., который допускал изменение линии границы в пользу Польши, но отодвигал окончательное разрешение вопроса о границе на неопределенное время³⁷. Впоследствии в связи с ухудшением военного положения Германия выражала готовность отказаться от договора с Центральной Радой, т.е. соглашалась на возвращение Польше Холмщины и части Подляшья с дальнейшим ее территориальным расширением на востоке, на передачу ей Белостокского и Гродненского округов. Не отвергалась возможность уступок Польше в последующем³⁸.

В договоре между РСФСР и Центральными державами от 3 марта 1918 г. было зафиксировано следующее: "... Области, лежащие к западу от ... линии (начиная от пролива, отделяющего острова Даго и Эзель от материка через Рижский залив, к востоку от Лиды, через Волковыск, Пружаны, Камень Литовск и к северу от Брест-Литовска) и принадлежащие России, не будут более находиться под ее верховной властью...

Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза..."³⁹.

В соответствии с обязательствами, принятыми в Бресте 29 августа 1918 г., Совет Народных Комиссаров РСФСР отменил декретом "все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши".

Державы Антанты осудили Брестский договор, констатируя, что Польше угрожает четвертый раздел: "...Таких мирных договоров, как эти, мы не будем и не можем признавать"⁴⁰.

В научной литературе передача Холмщины Центральной Раде в 1918 г. обычно отождествляется с разделом польской национальной территории. Но по-видимому не следует механически переносить политическую оценку конкретного исторического факта на трактовку этнической характеристики края. Как отмечалось в первой главе, в Холмщине к 1918 г. преобладало восточнославянское (украинское) население. В Бресте делегация РСФСР не отвергала наличия национальной основы разграничения в договоре с Центральной Радой.

В конце 1918 г. (после капитуляции Германии и Австро-Венгрии) территория Холмщины, на которую к этому времени распространялась власть администрации УНР, была захвачена польскими военными отрядами.

3. Восточная политика Польши в конце 1918-1919 г.

В ноябре 1918 г. Польша провозгласила свою независимость.

В это время германо-австрийская оккупация на востоке охватывала территорию Прибалтики, Белоруссии, Украины. Германский оккупационный войсковой округ "Белосток-Гродно" объединял находившиеся под управлением Литовской Тарибы литовские этнические земли и часть белорусских в Сувалкской и Гродненской губерниях (в том числе Белостокщину). Районы Бреста, Кабинцы, Кобрина, Пинска и Холмщины контролировали украинские

гражданские власти и отделы милиции УНР. Во Львове на территории Восточной Галиции 18 октября 1918 г. была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). Под управлением Регентского Совета Королевства Польского на востоке была почти вся территория бывших Ломжинской и Люблинской губерний.

7 ноября 1918 г. в Люблине образовалось правительство во главе с И. Дашинским, которое провозгласило Польскую народную республику и объявило низложенной власть Регентского Совета. На следующий день под Парижем было подписано Компьенское перемирие (11 ноября вступило в силу), которое фиксировало победу Антанты и поражение германского блока в первой мировой войне. По условиям перемирия аннулировались Брестский и Бухарестский мирные договоры и дополнительные договоры Германии и ее союзников, соответственно с Россией (а также с УНР) и Румынией. Одним из его условий также явился отвод германских войск в пределы границ на 1 августа 1914 г.: "... Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в пределы Германии ... как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий".

13 ноября 1918 г. ВЦИК принял постановление об аннулировании Брестского договора и дополнительных соглашений с Германией и ее союзниками. В нем советское правительство констатировало: "Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей объявляются недействительными...". Провозглашалось право трудящихся бывшей царской России на оккупированных землях самим решать свою судьбу, в том числе и польского народа — обрести самостоятельность и единство.

После капитуляции Германии Ю. Пилсудский 11 ноября 1918 г. прибыл в Варшаву. Регентский Совет передал ему власть, а 22 ноября он был объявлен начальником государства. 17 января 1919 г. было образовано новое правительство

во главе с И. Падеревским. 26 января 1919 г. на территории бывшего Царства Польского и Западной Галиции (примерно до р. Сан) прошли выборы в Учредительный сейм. В феврале 1919 г. польское правительство было признано державами Антанты.

Правительство РСФСР, признавая независимость Польши, стремилось установить с ней отношения, но польская сторона уклонялась от этого. Декрет советского правительства об отъезде РСФСР от договоров, касающихся разделов Польши, трактовался польскими правящими кругами как автоматическое восстановление границ Польши 1772 г.⁴¹ Они не считались с тем, что после освобождения от немецкой оккупации на территориях Белоруссии, Литвы, Украины происходило становление независимых государств. Идея возрождения независимой Польши в исторических границах имела глубокую традицию⁴². Среди последователей воссоздания "исторической Польши" были сторонники как унитарного (инкорпоративного), так и федеративного по своему устройству польского государства.

Программа пилсудчиков предполагала объединение в рамках польского государства на основе федерации (или включение в сферу ее влияния) Литвы и Белоруссии (так называемой Литвы исторической), большей части Украины и даже Кубани и Кавказа. Пилсудский, как отмечают польские исследователи, был сторонником идеи "ягеллонской Польши, доминирующей в Центральной и Восточной Европе"⁴³. Пилсудчики делали ставку на круги местной буржуазии в целях реализации собственных территориальных планов, на применение силы.

Территориальные концепции ППС и ППСД предусматривали создание федерации Польши с независимым литовско-белорусским политическим объединением (т.е. Литвой исторической), а также независимым украинским государством на основе "добровольного союза". Польские социалисты рассчитывали на поддержку части местных национальных политических групп. При этом признавалось, что военными мерами федеративного "добровольного союза" с Польшей достигнуть нельзя.

В отличие от программы федералистов, территориальная

концепция эднции строилась на принципах инкорпорации. Она предполагала присоединение к этнической Польше прежде всего тех непольских районов на востоке, где поляки были относительно многочисленны, а население по большей части исповедовало католицизм и потому легче поддавалось ассимиляции. Р.Дмовский, один из идеологов эднции и автор ее территориальной программы, предлагал достигнуть на востоке границы, где бы поляки составляли не менее 60%, чтобы за 25 лет довести их до 75-80%, что явилось бы гарантией против национально-социальных потрясений⁴⁴. По его мнению, к Польше должны были отойти на востоке бывшие Ковенская, Виленская, Гродненская, большая часть Минской, почти вся Волынская, частично Подольская губернии и Восточная Галиция.

Если федералисты рассматривали восточнославянское население Украины и Белоруссии как самостоятельные народы (украинский и белорусский), подчеркивая их отличие от великорусов (великороссов), то эднция признавала их обособленность от последних на уровне локально-этнографических различий внутри "русского народа" как единой национальной общности. (При этом и федералисты, и инкорпоратисты исходили из одних и тех же особенностей в развитии этносоциальной ситуации на белорусских и украинских землях). Дмовский указывал, что украинское национальное движение неминуемо объединится с выступлениями против польского помещичьего землевладения, признание же независимости Украины может обернуться для Польши утратой Восточной Галиции, Волыни и других территорий⁴⁵. Раздел же украинских земель с "Белой" Россией, также не заинтересованной в развитии украинского национального движения, уменьшал опасность для территориальной целостности будущей Польши. Как отмечал А.Даруга, с социально-политической точки зрения эднция проявляла себя как "классовый союзник" Колчака и Деникина, в то время как федералисты, и прежде всего пилсудчики, выступали "за союз" с украинской буржуазией⁴⁶. Однако, если лидеры российского белого движения считали, что над Днестром нет украинцев, а есть "малороссияне", так же как в Восточной

Галиции "западные русские", то эндеки, соглашаясь с первым, выступали против второго, рассматривая всю Галицию как неотъемлемую составную часть будущей Польши. При этом католическое население на востоке рассматривалось ими как польское. Эндеки негативно оценивали территориальные концепции пилсудчиков, опасаясь, что они могут "замкнуть Польшу в этнографических границах". Они также выступали за осуществление политики силы на востоке, отказываясь от сотрудничества с украинской буржуазией в осуществлении своих территориальных планов. Программа эндеции предусматривала отказ от границ 1772 г. и раздел белорусских и украинских земель между Польшей и возрожденной (буржуазной) Россией. Представители эндеции понимали, что Россию нельзя исключить из общеевропейского исторического процесса, особенно учитывая возможность экспансионистской политики Германии в Восточной Европе.

Ни та, ни другая программа не отвечала полностью стремлениям тех польских кругов, интересы которых были непосредственно связаны с судьбами "восточных кресов". Программы федералистов предполагали для них ряд уступок в пользу местной буржуазии, программа инкорпоративистов оставляла на востоке от планируемых пределов Польши значительные районы хотя и польских земель, но с немалой долей польского помещичьего землевладения в их экономике. В основе политической программы этих кругов лежало требование границ 1772 г. Они особые надежды возлагали на воссоздание так называемого Великого Княжества Литовского, объединявшего литовские и белорусские этнические земли, на Украине же они ратовали за войну как против советской власти, так и против российских белогвардейцев и украинских национальных сил⁴⁷. На формирование политического курса польского государства в той или иной степени оказали влияние все эти политические направления.

Польские социал-демократы (объединившиеся в декабре 1918 г. с ШС-левицей в Коммунистическую Рабочую Партию Польши - КРПН) рассматривали восточную экспансию польских

правлящих кругов как антипольскую антинародную политику, не идентифицируя с Польшей земли Украины, Подляшья, Литвы исторической (литовские и белорусские этнические земли). Ю.Мархлевский считал, что Польша должна ограничиться на востоке национальными пределами, которые, по его мнению, доходили лишь до Буга, но охватывали Белостокский регион и исключали Восточную Галицию⁴⁸.

В ноябре 1918 г. между германским военным командованием и Пилсудским было достигнуто соглашение относительно польско-германской демаркационной линии на востоке, проходившей вдоль железной дороги Ковель-Брест-Граево. на запад от этой линии до довоенных границ Германии были эвакуированы германские войска. Эвакуация же германских войск на восток от этой линии откладывалась вплоть до особого решения западных союзников⁴⁹, стремившихся не допустить здесь установления контроля со стороны советской власти.

Польские власти намеревались поскорее занять территории, которые покидали германские войска. В декабре 1918 г. ими была разработана программа ввода польских войск и администрации поэтапно в уезды Подляшья, Гродненской, Сувалкской, Виленской и Минской губернии, а также в уезд Езеры⁵⁰.

8 февраля 1919 г. Пилсудский выступил с заявлением относительно организации военного и гражданского управления на оккупированных на востоке землях. Главным средством управления здесь становились так называемые "этаповые округа", районы с особым статусом под эгидой военных властей, что являлось как бы первым шагом на пути включения этих районов в состав польского государства. в зону этапных округов входили: Округ "А"-Белосток, "В"-Брест, "С"-Холм, "D"-Замостье, "Е"-Перемышль, в которых самыми западными были уезды: Бельский, Белостокский, Сокольский, Бело-Подляский, Константиновский, Влодавский, холмский, Красноставский, Замостский, Билгорайский, Ниско, Проворск, Ланьцут, Ярослав, Перемышль, Санок, Березов, т.е. уезды Белостокщины, Холмщины, западные уезды восточной Галиции и восточные уезды Западной Галиции.

4 февраля польские войска вошли в Ковель, 9 февраля в Брест. Между 9 и 14 февраля первые польские части, пропущенные через линию германского фронта, заняли рубеж: р.Неман от Скиделя - р.Зельвянка - р.Рожанка - Пружаны - Кобрин, а затем и оставленный германскими войсками Белосток.

18 февраля Польша и Германия по настоянию маршала Ф.Фоша заключили перемирие в районе Познани и Польша смогла сосредоточить на востоке значительные силы. 2 марта польские войска взяли Слоним, а 5 марта Пинск. При этом осуществлялась на востоке инкорпорация этих территорий⁵¹.

Польская администрация вела интенсивную работу по закреплению территорий этапных округов за Польшей как в плане обеспечения международного признания польской аннексии этих районов, так и в плане "подготовки" к этому местного населения. В связи с этим проводились реквизиции, гонения на православную церковь и т.д.⁵² Стремясь обеспечить правовое обоснование включения этих районов в состав Польской республики и доказать его интегральность с ней, польское правительство организовало в марте-июне 1919 г. выборы в польский сейм на территории этапных округов. Выборы в значительной мере бойкотировались населением. Значительная часть местных жителей не желала присоединиться к Польше, например в уездах Подляшья и Холмщины⁵³.

Военные действия польской армии велись в трех направлениях: юго-восток (ЗУНР), восток (Украина, Белоруссия), северо-восток (Литва). Восстановление советской власти на освобожденных от германской оккупации территориях Украины, Белоруссии, Прибалтики расценивалось польскими правящими кругами как прямая угроза устоям их молодого государства. Отношения накалялись. Рассматривая районы Украины, Белоруссии и Литвы в качестве составных частей будущего обширного государства, Польша выразила протест против продвижения Красной Армии на запад, юг, в Прибалтику. В связи с этим советское правительство заявило, что его войска не только находятся на значительном расстоянии от польских границ, но, кроме того, отделены от нее территорией Литвы

и соседней частью Украины⁵⁴.

Литовская Тариба предусматривала включение в состав литовского государства всех литовских и белорусских земель.

1 декабря 1918 г. Временное революционное правительство Литвы издало манифест о переходе власти в Литве в руки советов. 22 декабря 1918 г. СНК РСФСР признал независимость Литовской Советской Республики.

1 января 1919 г. на освобожденной территории Белоруссии была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика. На первом съезде Советов Белоруссии 3 февраля 1919 г. было принято решение об объединении БССР с РСФСР на федеративных началах.

Провозглашение советских республик Литвы и Белоруссии, с одной стороны, подрывало позиции российских белогвардейцев, выступавших под лозунгом "неделимой России", с другой — было направлено против аннексионистских планов польских правящих кругов. Такое решение национального вопроса в Литве и Белоруссии уменьшало возможность трактовать урегулирование территориальных вопросов на востоке в плоскости противоречий между Польшей и РСФСР.

Первый съезд советов Белоруссии принял решение об объединении советских республик Белоруссии и Литвы. Такое же решение принял и съезд советов Литвы в феврале 1919 г. в Вильно. 27 февраля было образовано правительство (СНК) Литовско-Белорусской Социалистической Советской Республики. Столицей объединенной республики стал г. Вильно.

Объединение Литовской и Белорусской советских республик позволяло полнее использовать местные национально-исторические и этнические особенности в борьбе за советскую власть.

В январе 1919 г. было объявлено, что в состав БССР входят все белорусские губернии и районы Смоленщины (т.е. те территории, кроме смоленских, на которые претендовали тогда и Тариба Литвы, и Польша). В начале февраля 1919 г. в состав БССР входили уже только две губернии — Минская и

Гродненская. Смоленская же, Витебская и Могилевская, согласно решению их губернских съездов советов, вошли в состав РСФСР. (К этому времени Литовская Тариба отказалась уже от притязаний на все белорусские губернии, требуя присоединения к Литве лишь Минской и Гродненской. Территории этих же двух губерний составляли первый этап оккупаций белорусских земель в планах Польши). Эти же две губернии — Минская и Гродненская (последняя еще была оккупирована немцами) вошли в состав Литовско-Белорусской советской республики, объединявшей еще Виленскую, Ковенскую и Сувальскую (последняя, как и районы Ковно-Паланга, еще была оккупирована немцами), т.е. в тех же пределах, в которых виделась в тот период независимая Литва Литовской Тарибой. Таким образом, решение советских правительств Белоруссии и Литвы относительно административно-территориального устройства Белорусской и Литовско-Белорусской республик явилось своего рода противовесом этим планам и было направлено на создание Литовско-Белорусского государства, но советского типа. Учет и использование национальных особенностей в этом случае являлись своеобразным средством осуществления политических целей.

Продвижение в феврале 1919 г. польских войск на территорию Гродненской губернии вызвало энергичный протест советского литовско-белорусского руководства, которое в ноте польскому МИД от 16 февраля 1919 г. подчеркивало: "Трудовые массы Белостокского уезда чувствуют свою неразрывную связь с Советскими республиками Литвы и Белоруссии, ибо, несмотря на все затруднения, существовавшие для них при германской и польской военной оккупации, представители от рабочих и крестьян этого уезда принимали участие во всех съездах, имевших место за последнее время на Литве и Белоруссии. Эта связь с указанными республиками подтверждается также этнографическим составом населения уезда, где польский элемент составляет только меньшинство"⁵⁵. В ноте отмечалось, что республика стремится к созданию единой федеративной социалистической советской республики с Россией,

Украиной, Латвией, Эстляндией. Выражалась готовность разрешить "полюбовно и мирно все спорные территориальные вопросы" с Польской республикой и предлагалось образовать "смешанную комиссию, которая должна будет установить государственную границу между создавшейся Социалистической Советской Республикой Литвы и Белоруссии, с одной стороны, и Польской Республикой - с другой"⁵⁶. (В июле 1919 г. Литовско-Белорусская советская республика, большая часть которой уже была оккупирована польскими войсками, объединилась с РСФСР).

Западные державы были не склонны признавать в рассматриваемый период право Польши на Подляшье (включая Белостокщину) и Холмщину и относить их к польской национальной территории. Категорически возражали против этого и лидеры российского белого движения⁵⁷. Польское правительство, добываясь от Парижской мирной конференции признания прав Польши на белорусские и литовские земли, не рассматривало еще официально территории этапных округов, в том числе уезды Белостокщины, по их статусу как часть польского государства.

Особенности географического положения Белостокщины на границе Белоруссии, Литвы, Польши и Восточной Пруссии (Германия) делали ее важным в экономическом и стратегическом отношении районом в ходе борьбы за расширение позиций советской власти и развития революционного движения. В связи с этим польский историк А. Деруга указывал на стремление советского руководства к достижению общей границы с Восточной Пруссией (Германией)⁵⁸, отделив при этом Литву от Польши.

Сувалкская губерния, выходящая на границу Белоруссии, Литвы и Германии, была заявлена как составная часть Литовско-Белорусской советской республики. По-видимому, не случайно, что в условиях продвижения к весне 1919 г. советских войск в Литве и Белоруссии на линию: восточнее Ковно - Гродно - западнее Пинска эксперты конференции в Париже предложили в апреле 1919 г. признать уезды Белостокщины и южной части Сувалкщины вместе с г. Сувалки за Польшей (хотя ранее великие державы придерживались иного мнения). Это

отделяло Белоруссию от Германии, а Польша получала общую границу с Литвой. Такое решение могло способствовать юридическому обоснованию передачи Белостокщины Польше. При этом принимались во внимание особенности ее экономико-географического и военно-стратегического положения между советскими республиками, Германией и Польшей. (Предложение экспертов не было еще в это время официально признано мирной конференцией в Париже. Она занимала выжидательную позицию по вопросу статуса территорий, на которые претендовали и лидеры белого движения - А.И.Деникин, А.В.Колчак и др.).

Польское правительство оставляло без внимания предложения СНК и НКВД РСФСР в конце 1918 - начале 1919 г. об урегулировании советско-польских отношений, разрешении спорных вопросов, в том числе о границах, с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Польские войска продолжали продвижение на восток. 16 апреля они заняли Лиду, 19 апреля - Новогрудок и Барановичи, 21 апреля после упорных боев - Вильно, важнейший после Петрограда политический и стратегический центр на северо-западе советской обороны. (Взятие Вильно Пилсудский рассматривал как возможный пролог к восстановлению унии с Литвой. Однако Тариба не желала вести даже переговоры с Польшей по этому поводу). 9 августа после упорных боев Красная Армия оставила Минск, а затем польские войска продвинулись до Житомира и Березины, к осени 1919 г. они захватили почти всю Белоруссию. Все - без объявления войны.

Местное население не оказывало поддержки польской армии, успехи которой обеспечивались ее военным преимуществом, а не политической программой правительства. Пилсудский делал ставку на удачное стечение обстоятельств. Расчеты на поддержку Антанты строились осмотнительно: та была заинтересована в победе российского белого движения, лидеры которого не признавали притязаний Польши.

26 мая 1919 г. Верховный Совет союзников в Париже направил ноту правительству Колчака, предлагая ему, в частно-

сти, признать независимость Польши; в случае невозможности разрешения вопросов границ в переговорах правительства Колчака с Польшей передать их решение Лиге Наций. Колчак ответил 4 июня. Он соглашался признать независимость Польши, оставляя, однако, решение вопросов границ с ней Учредительному собранию. Верховный Совет в ноте от 12 июня счел ответ Колчака удовлетворительным, высказался в пользу его правительства, обещая помощь и поддержку в его борьбе против советов.

Признание в июне 1919 г. западными державами правительства Колчака в качестве официального — российского; территориальная программа которого предусматривала закрепление за Россией всех литовских, белорусских и малорусских земель, в том числе Подляшья, Холмщины и всей Восточной Галиции⁵⁹, вызвало серьезное беспокойство у польских правящих кругов.

В ходе неофициальных переговоров между советскими и польскими представителями Красного Креста в июне-июле 1919 г. в Барановичах и Беловеже (возобновленных в октябре-декабре в Микашевичах) польская сторона отказалась от установления границы по фактической линии фронта, который достигал тогда Молодечно⁶⁰. Мотивировкой было то, что правительства стран Антанты не допустят заключения советско-польского соглашения в это время⁶¹. Но в период наступления Деникина на Москву польские войска приостановили свое движение. (Представители Пилсудского на переговорах с Деникиным мотивировали это тем, что цель польской армии — линия: Двинск — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь — Каменец-Подольский. Она была почти достигнута — "далее идут исконно русские земли")⁶². Польское правительство не было заинтересовано в его победе. В программе Деникина подчеркивалось требование "единой и неделимой России", включавшей всю Белоруссию, Литву, Украину. "Зондаж взглядов Деникина и других белых генералов убедил Пилсудского, что их позиции не позволяют надеяться не только на федерацию, но даже на сохранение только что обретенной независимости.

Максимум - автономия"⁶³. Таким образом, если для польского правительства вопросы пограничного размежевания на востоке являлись в значительной степени самоцелью в их восточной политике, то для советского правительства они представляли собой прежде всего средство для закрепления завоеваний советской власти.

Одним из направлений восточной экспансии польских правящих кругов в конце 1918 - начале 1919 г. являлись Холмщина и Волынь. Польские власти подавляли революционно-освободительные выступления местного населения. Районы Холмщины и смежные земли Волыни были включены ими в состав "этаповых округов" (округа Замостье, Холм, частично Брест).

После заключения Брестского мира германские войска оккупировали Украину. 28 апреля 1918 г. они разогнали Центральную Раду, а 29 апреля организовали так называемый съезд "хлеборобов", провозгласивший П.П.Скоропадского "гетманом всея Украины", вся деятельность которого находилась под их контролем.

После аннулирования Советской Россией Брестского договора началось изгнание германских оккупантов. 28 ноября 1918 г. Временное Рабоче-Крестьянское Правительство Украины объявило о низложении гетмана и восстановлении советской власти на Украине. Однако 14 декабря в Киеве была образована Украинская Директория во главе с В.К.Винниченко и С.В.Петлюрой. В опубликованном 24 декабря 1918 г. заявлении НКВД РСФСР в связи с этим констатировалось: "...Украина не признается более Советским правительством Российской Республики самостоятельным государством..."

3 января 1919 г. в Харькове была провозглашена Украинская Социалистическая Советская Республика, образовано правительство - СНК Украины.

1 января 1919 г. Директория объявила войну Советской России. Петлюровцы стремились заручиться поддержкой стран Антанты, которые оказали помощь, однако, воздержались от признания независимости Украины, считая возможным восстановление единой российской государственности в случае победы белых армий.

В январе 1919 г. на I-м трудовом конгрессе в Киеве, созданном Директорией, был провозглашен акт об объединении Украины Галицкой и так называемой Великой Украины. Правительство ЗУНР стало играть роль краевого центра Западной области Украинской Народной Республики.

На границе Холмщины и Волыни продолжались боевые действия между войсками Директории и польской армии. Однако в целях укрепления антисоветского фронта между Директорией и представителями Польши с начала 1919 г. шли переговоры об урегулировании отношений между ними. При этом петлюровская Директория продолжала требовать признания в рамках "Великой Украины" Холмщины, а также Восточной Галиции и Лемковщины⁶⁴. Однако впоследствии петлюровцы, потерпев поражение в борьбе с советами на Украине, были вынуждены отказаться от своих притязаний. Согласно договору от 24 мая 1919 г. между представителем Петлюры Б. Курдиновским и премьер-министром Польши И. Падеревским, польско-украинская граница определялась по Збручу и Стырь, оставляя за Польшей Галицию, Холмщину и Волынь.

К апрелю 1919 г. украинская Красная Армия разгромила основные силы Директории и вышла к Збручу и на Волынь. Под властью Директории осталась лишь небольшая часть Подольской губернии. Именно в апреле эксперты мирной конференции в Париже предложили признать за Польшей все Подляшье, т.е. и северные районы Холмщины, непосредственно прикрывавшие направление на Варшаву. В то же время эксперты оставили открытым вопрос о линии восточных рубежей польской территории к югу от широты г. Холма, где православное население составляло абсолютное большинство и активность украинских политических кругов была наиболее значительна в Холмщине. При этом комиссия экспертов считала, что вопрос с границе на этом отрезке должен быть увязан с решением о Восточной Галиции, где польские войска продолжали войну с ЗУНР. Мирная конференция в Париже воздержалась от утверждения предложенной экспертной комиссии.

Польское правительство оставило без ответа ноту НКВД

РОФСР от 15 апреля 1919 г., где польская сторона уведомлялась о военном разгроме Директории и готовности правительства УССР при посредничестве РОФСР войти в переговоры с польским правительством с целью мирного разрешения вопроса о границах между Украиной и Польшей, "исходя из принципа организованного выражения воли трудящихся спорных местностей"⁶⁵.

Холмщина и Волынь советскими правительствами Украины и РСФСР рассматривались в этот период как часть национальной территории УССР. Об этом говорит, в частности, доклад военного отдела, созданного ЦК КП(с)У, об организации подпольной работы в тылу польских войск. диверсионные группы и инструкторы, организаторы повстанческого движения направлялись "в Дубно, Луцк, владимир-Волынский, Холм", особенно выделялась роль инструкторов в организации отрядов в Беловежской пуще и Холме⁶⁶.

Попытки Пилсудского добиться у стран Антанты признания за Польшей Холмщины и Волыни, основываясь на соглашениях с петлюровцами в 1919 г., успеха не имели (основные силы петлюровцев были разгромлены уже весной 1919 г.). Признание же Парижской конференцией всего Подляшья (Белостокщины и северной Холмщины) и собственно Холмщины за Польшей в декларации о временной восточной границе Польши от 8 декабря 1919 г. было связано, очевидно, с изменением военно-политической обстановки в регионе (поражение белых армий). Оно не предreshало вопроса об окончательном разграничении.

Со становлением независимости Польши ее правящие круги немедленно приступили к осуществлению планов включения Галиции, которую рассматривали как сферу "жизненных интересов польской нации", в состав Польши. И эндеки, и пилсудчики были единодушны в планах присоединения всей Галиции к Польше. В ноябре 1918 г. в Восточной Галиции власть перешла "из рук в руки" от австрийской администрации, неспособной уже контролировать ситуацию в крае, к украинским воинским формированиям. При участии всех украинских политических партий и группировок были образованы Высший

представительный орган ЗУНР – Национальная Рада во главе с Е.Петрушевичем, "державный секретариат" во главе с К.Левчицким. В январе 1919 г. в состав ЗУНР вошли Буковина и Закарпатье.

Антипольская политика властей ЗУНР, идущая по линии ограничения господства польских помещиков в крае, в известной степени отвечала интересам населения Восточной Галиции, борьба против аннексионистских устремлений Польши также поддерживалась ими. Вследствие этого руководство ЗУНР сумело организовать упорное сопротивление польским войскам. Польша вынуждена была держать с ноября 1918 г. по апрель 1919 г. 60–80% своих вооруженных сил на галицийском фронте.

В политической жизни ЗУНР существовали два течения. Одно представлялось в основном украинской буржуазией; оно склонялось к воссоединению с петлюровской Директорией в единую Украинскую республику от Карпат до Дона. Это и было осуществлено в январе 1919 г.

Другое традиционно стремилось к воссоединению с Россией, "со всем русским народом". Как отмечал представитель межсоюзнической комиссии западных держав в Галиции П.Монтагью, русины "имеют намерение присоединиться к России"⁶⁷. Следует отметить, что этносоциальные особенности края учитывались польскими правящими кругами, державами Антанты и лидерами российского белого движения в их политике по отношению к Галиции, где униатское и православное население обычно рассматривалось ими как часть "русской" этнической общности. (В воззвании Всероссийского ЦИК СНК от 3 ноября 1918 г. к народам бывшей австро-венгерской монархии упоминались в числе других – русины, а не украинцы). Советское правительство в конце 1918 г. предусматривало разрешение галицийского вопроса на путях самоопределения населения края.

В конце 1918 – начале 1919 г. Польша заявила свои притязания прежде всего на Львов и нефтяные районы Прикарпатья. Польские власти стремились доказать, что эти районы в значительной мере польские по овоему национальному составу. В то же время в состав "этаповых округов", выделен-

ных польскими властями, которые они не относили к польской национальной территории и где еще только нужно было "подготовить" местное население к присоединению к Польше, входил и Перемышльский округ в составе уездов: Львов, Перемышль, Ниско, Проворск, Добромилль, Санок, Ланьцут, Лиско, Ярослав, Березов, т.е. охватывавший не только западные уезды Восточной Галиции, но и часть восточных уездов Западной Галиции. При этом, как отмечал Деруга, армия ЗУНР не имела планов захвата уездов на левобережье Сана, выделение польским правительством восточных уездов Западной Галиции в состав "этаповых округов", не вызывалось военной необходимостью⁶⁸.

Правительства держав Антанты, обеспокоенные успехами Красной Армии на Украине, прилагали усилия для скорейшего прекращения польско-украинской войны. Без урегулирования галицийского вопроса Польша не могла вести более активные действия против советских войск в Литве и Белоруссии. Вместе с тем правящие круги Антанты стремились обеспечить политическую стабильность в нефтеносных зонах Восточной Галиции, использовать нефтяные богатства Прикарпатья в своих интересах. Все это предопределило пути урегулирования конфликта. В апреле 1919 г. в Польшу была доставлена из Франции 70-тысячная армия генерала Галлера. На польско-украинском фронте в Галиции обозначился перелом в пользу Польши. Под натиском польских войск армия ЗУНР в июне 1919 г. отошла на Правобережную Украину для соединения с петлюровцами. (Этот союз был недолговечен: в ноябре 1919 г. армия ЗУНР соединилась с силами Деникина, а после его поражения - с Красной Армией, большая же часть ее погибла от тифа. Петрушевич бежал в Вену).

В июне 1919 г. державы Антанты приняли решение об оккупации польскими войсками всей Галиции до р. Збруч, воздерживаясь в то же время от признания юридических прав Польши на оккупированные районы этой территории.

4. Вопрос о польской восточной границе на Парижской мирной конференции

На Парижской мирной конференции вопрос о восточной границе Польши рассматривался в непосредственной связи с попытками разрешения "русского вопроса". Предполагая его решение как восстановление буржуазной России, ее участники расходились в оценке роли и места этого будущего государства в восточноевропейском регионе. В игру входила и возможность сохранения Советской России. Правящие круги Франции, рассчитывая использовать Польшу для укрепления своих позиций в упомянутом регионе, высказывались теперь за Польшу с максимальными границами на востоке. Стремление Великобритании не допустить усиления позиций Франции в континентальной Европе, и в частности расширения ее "польского плацдарма", сочеталось с ориентацией на российское белое движение как наиболее существенную силу в борьбе с революциями в регионе. В связи с этим создание независимой Польши представляло скорее "пассив" для ее политики.

Представители США также не были склонны поддерживать планы расширения польского государства за счет непольских земель. Поэтому английские и американские представители предложили ограничить пределы Польши ее этнической территорией.

Развитие социально-политических и военных событий в регионе, казалось, выдвигало армии российских белогвардейцев на передний край антисоветской борьбы. Белое движение выступало под флагом "единой и неделимой" России. Еще 6 января 1919 г. в ставке Колчака в Омске было проведено совещание по вопросу ее границ на западе, где было принято решение, что вся Литва и Белоруссия (включая Белостокщину), Холмщина, а также Галицкая Русь должны составлять неотъемлемую часть России⁶⁹. При этом предусматривалась необходимость выработки устава с правах национальных меньшинств как для России, так и для Польши⁷⁰. Омское совещание при решении пограничного вопроса исходило из эт-

нической ситуации и допускало известные компромиссы с обеих сторон. Эта программа также была доведена до сведения конференции.

Интересы Польши на Парижской конференции представлял созданный деятелями эмиграции Польский Национальный Комитет (ПНК) в Париже. ПНК еще осенью 1917 г. был признан странами Антанты в качестве официальной польской организации. Председатель ПНК Р.Дмовский 25 февраля 1919 г. направил ноту о восточных польских границах председателю комиссии по польским делам Ж.Камбону. В качестве исходного выдвигался принцип исторических границ, однако к Польше должны были отойти лишь те районы, где с точки зрения ПНК процент польского (католического) населения "был достаточно высок" и которые "бесспорно принадлежат" к сфере польского влияния⁷¹. В ноте ПНК председателю Комиссии по польскому вопросу от 3 марта 1919 г. была предложена линия восточных границ Польши, включавшая в ее пределы большую часть Белоруссии, Волинь, всю Галицию и часть Подолии. При этом коренное население на всей территории в границах 1772 г. на востоке рассматривалось лишь как этнографический субстрат для колонизации или русификации, соответственно, к западу и к востоку от предложенной границы, в пределах Польши или возрожденной России.

При наличии таких противоречивых программ Франция под давлением Англии и США согласилась на этнический принцип как основу для определения польско-русских границ. В то же время державы Антанты воздерживались от каких-либо конкретных обязательств по вопросу границ. Стремление лидеров белого движения отложить решение вопроса границ "до созыва учредительного собрания" вполне соответствовало такой политике.

Вопрос о восточной границе Польши рассматривался комиссией Ж.Камбона. Ею учитывались данные ПНК и царской статистики⁷², которые заметно различались (по статистике большинство населения уездов Подляшья и Холмщины, а тем более восточнее их, относились к "русским", а не полякам). Противо-

речивость же данных, представленных конференции по порубежным территориям, способствовала возможности маневра в определении конкретной линии границ на этнической основе.

Решающее влияние на разработку комиссией вопроса о восточных польских границах оказывало развитие военной и социально-политической обстановки в регионе. Комиссия Камбона приступила к работе в начале марта 1919 г., когда советские войска, продвигаясь на запад, находились уже вблизи от польских земель, когда существенного размаха достигло революционное движение, особенно Венгрии и Германии.

27 марта 1919 г. подкомиссия комиссии Камбона под председательством генерала Ле Ронца предложила на утверждение проект участка границы от Восточной Пруссии до широты г. Холма (по линии: от границ Восточной Пруссии - охватывающая с севера Пуньск - обходя с востока Берзники - течение р. Черная Ганьча - течение Немана - Яловка - восточнее Гайновки - 9 км северо-восточнее Мельника - вверх по Бугу), т.е. той ее части, которая непосредственно была обращена к фронту наступавшей Красной Армии. Однако к моменту начала наступления войск Колчака комиссия еще не определила своего мнения относительно этого участка границы. Но почти сразу после провозглашения 13 апреля 1919 г. Советской республики в Баварии комиссия Камбона 22 апреля одобрила проект этой части границы, признавая за Польшей Подляшье, отделявшее (через Белостокщину) советскую Белоруссию от Германии.

В то же время в связи с тем, что любое предложение комиссии по галицийскому участку границы в случае одобрения его конференцией, вело к затягиванию польско-украинской войны, комиссия в рапорте 22 апреля подчеркивала, что снимает с себя ответственность от "какой-либо окончательной рекомендации в вопросе границы, проходящей через Восточную Галицию"⁷³. Предложения комиссии относительно галицийского участка последовали летом 1919 г., когда вся Галиция уже была оккупирована войсками Польши.

Однако ни летом, ни осенью 1919 г., когда наступление

Деникина имело значительные шансы на успех, конференция не торопилась с одобрением решения комиссии Камбона. Лишь в декабре 1919 г. в изменившихся для советских республик условиях было принято решение о линии границы от Восточной Пруссии до Галиции, рекомендованной комиссией от 22 апреля 1919 г. (она оставляла за Польшей Белостокщину и Холмщину), с добавлением проекта разграничения участка границы от широты г. Холма до Галиции.

При определении восточных польских границ комиссия Камбона руководствовалась теми же принципами, что и для западных. В ее протоколах говорилось, в частности, о необходимости: обратить внимание на "линию этнического раздела, но таким образом, чтобы урегулировать вопрос для обоих заинтересованных народов"; допустить в ряде мест изменение границ в пользу той или иной стороны "тогда, когда другие соображения и принципы берут верх над этническими"; иметь в виду линию религиозного раздела; сделать небольшие поправки в линии, опирающейся на предыдущие принципы, в соответствии с линией исторических границ; учесть "естественно-экономические отношения и существующие коммуникационные особенности"; принять во внимание положение Польши между Россией и Германией. Подчеркивалось, что с позиции всех вышеизложенных условий предполагалось учесть стратегическую обоснованность границ нового польского государства⁷⁴. Особо акцентировалось значение "оборонного принципа" для Польши, не имеющей значительных естественных рубежей обороны⁷⁵.

Такой выбор принципов предполагал возможность многовариантных результатов и неоднозначность решения, исходя при этом из одной и той же основы - этнической концепции. Расхождение этнического принципа с другими - религиозным, историческим, экономическим или оборонным - позволяло "передвинуть" границы Польши на восток от собственно этнических пределов. В этом случае данные ИНК в большей степени отвечали этническому обоснованию этих принципов, чем данные царской статистики. Следует отметить, что протоколы вполне оп-

ределенно предусматривали возможность маневра в выборе конкретной линии границы и отход от этнической основы как таковой. При этом комиссия констатировала, что изучение восточной границы повлекло за собой неизбежные вопросы политического характера, которые не возникали в случае западной границы⁷⁶, и предложила дополнительные принципы. Комиссия учитывала декларацию Временного правительства России от 17(30) марта 1917 г. и имела в виду "создание независимого польского государства, составленного из всех территорий, населенных польским большинством", и полагала, что округа, этнический характер которых сомнителен или неясно там настроение населения, не могут быть в настоящее время признаны за Польшей⁷⁷. Она рекомендовала точнее выяснить языковой и религиозный состав населения и его национальные симпатии к востоку от намечаемой линии. Окончательное разрешение вопроса комиссия считала возможным лишь после формирования такого российского правительства, с которым заинтересованные державы могут вести переговоры.

Таким образом политические факторы могли повлиять на обоснование пределов польской национальной территории на востоке. Иными словами, комиссия Каморона возможность дальнейшего территориального расширения Польши на восток фактически поставила в зависимость от социально-политической ситуации в регионе. Не случайно, очевидно, именно в этот период для нее данные Польского национального комитета представлялись более убедительными, чем данные российской статистики⁷⁸. Не случайно также, что Парижская конференция приняла решение комиссии лишь в конце 1919 г. По мере крушения попыток свержения советской власти на Западе усиливалась тенденция в пользу признания за Польшей большей территории на востоке⁷⁹.

Сама комиссия в отчете от 22 апреля 1919 г. представила такое описание отдельных участков границы: "а) Район между Гродно и Брест-Литовском. В этом районе граница была определена безусловно на восток от линии, в пределах

которой известно, что поляки составляют этнографическое большинство. Это было сделано в целях обеспечения связи Польши с польской частью Сувальской губернии и удовлетворительной оборонительной границы вдоль реки Свислочь и окраины Беловежской Пуши. Граница проходит вдоль линии географического раздела в этом районе и отвечает экономическим интересам его населения... б) Крепости Гродно и Брест-Литовск... Целостность (Брестской, - В.С.) крепости была принесена в жертву... интересам обеспечения судоходства по реке (Бугу, - В.С.)... В случае же с Гродно граница отходит от Немана и держится на запад от всяких фортов... с) Северная часть Холмской губернии. Предполагаемая граница идет руслом реки Буг, которая представляет собой географическую и историческую линию раздела в этом районе. Население этого округа сильно перемешано, а русский элемент, кроме того, относительно немногочисленный, среди которого имеется тенденция к исчезновению национального самосознания. Система права (кодекс Наполеона) действовала до 1912 г., такая же обязательная как и в остальной Конгрессовой Польше, а экономическая жизнь и цивилизация этого округа тяготеет скорее к Польше, а не к России. В этих условиях историческая граница способна не только обеспечить Польше целостную, естественную линию обороны, возможной на этой территории, но также отвечает интересам местного населения"⁸⁰.

Для Белостокщины одним из аргументов было соединения этнической Польши с южной частью Сувальской губернии, относительно которой на конференции позже отмечалось, что население последней не имеет ярко выраженного национального самосознания (т.е., очевидно, и польского) и к тому же немногочисленно⁸¹. Если для северной части Холмщины (южное Подляшье) комиссией признается смешанный (т.е. опять-таки не польский в целом) этнический состав населения, то для собственно Холмщины она даже не рискнула высказать какие-либо обоснования в пользу Польши, оставив линию границы примерно на широте г. Холма. Основны-

ми в определении линии границы были военно-стратегические и экономические обстоятельства, что красной нитью проходит через ту часть рапорта, которая касалась оценки предложенной линии. (В связи с этим следует отметить стремление стран Антанты установить в бассейне Вислы, включая Буг и Нарев, контроль "международного правительства". Принятая линия вполне отвечала этим планам, что вызвало протест польской делегации, указывавшей на то, что в этом случае преимущество получила бы Германия)⁸². Как указывал Деруга, комиссия Камбона исходила здесь из российской статистики на территориях, признанных за Польшей (очевидно Белостокщины и северной Холмщины), в которых "проживало в 1912-1913 гг. - поляков 157 000, русских 48 000, украинцев 77 000, белорусов 298 000, евреев 131 000, немцев 9 000"⁸³, где поляки составляли таким образом около одной пятой части населения, и прежде всего часть городских жителей. Всего же, согласно рапорту комиссии, за Польшей признавалось 749 000 "велико-, бело- и малорусов"⁸⁴, а также 40 000 литовцев⁸⁵, оставалось за ее пределами 300 000 поляков⁸⁶. Очевидно, и в связи с этим 28 июня 1919 г. в Версале был подписан договор держав-победительниц с Польшей о защите прав национальных меньшинств. Вместе с тем, в договоре отмечалось, что Польша осуществляет суверенитет "над частями бывшей Российской империи, населенной в большинстве поляками".

Этнический принцип, принятый Парижской конференцией, был таким образом лишь исходным пунктом территориальной конденсации польского государства. Он не предполагал отождествления или хотя бы генерализации собственно этнических пределов с политическими. Подобно, например, программе ПНК, в которой исходным пунктом была историческая основа, но при этом она не претендовала на границы 1772 г. и предусматривала значительные отклонения от них как на восточных границах, так, кстати, и на западных (например, польско-германская граница оставляла значительную часть польского населения и территории за Германией). При этом

вопрос о восточной границе в значительной мере решался в зависимости от социально-политической ситуации в регионе, позиции обеспечения интересов Запада и Польши в отношении советских республик.

Декларация союзников о временной восточной границе Польши от 8 декабря 1919 г., принявшая линию комиссии Камбона с добавлением участка от широты г. Холма до бывшей российско-австрийской границы, учитывала возможность дальнейших уступок в пользу Польши, констатируя, что "права, с какими Польша могла бы выступить относительно территорий, находящихся на восток от обозначенной линии, должны быть специально оговорены..."⁸⁷, не предвещая окончательного разрешения вопроса.

Линия, одобренная союзниками 8 декабря 1919 г. включала в себя и небольшой участок польско-литовской границы. В марте 1919 г. представители литовской Тарибы на конференции в Париже делали акцент уже не на планах воссоздания "исторической Литвы", а на признании независимого литовского государства, включающего прежде всего этнические литовские территории и районы Виленской, Гродненской, отчасти Сувалкской губерний с белорусским населением. Учитывая слабость литовской Тарибы и особые интересы к Польше, конференция предполагала оставить спорные между Польшей и Литвой белорусские районы Сувалщины и уезды Белостокщины скорее за Польшей, чем за Литвой. Высказываясь за передачу Польше районов южной Сувалщины (северная, заселенная литовцами, признавалась за Литвой), она считала, что немногочисленное население региона не имеет ярко выраженного самосознания⁸⁸. В обмен за признание за Польшей белорусских районов Белостокщины и южной Сувалщины, на которые выдвигала претензии литовская Тариба, конференция предполагала возможным включить в состав литовского государства на востоке белорусские уезды: часть Свенцинского и Брацлавский, планируя как бы "передвинуть" территорию Литвы на восток от собственно литовских этнических земель⁸⁹. 20 июля 1919 г. Совет глав делегаций великих держав в Па-

риже утвердил в качестве польско-литовской демаркационной линии рубли на север и восток от района Сувалок и Сейны в южной Сувалкшине с "добавлением оборонной полосы"⁹⁰ (в пользу Польши для обеспечения стратегической обоснованности всей линии восточной границы Польши). По данным комиссии Камбона, линия оставляла в Польше до 40 тыс. литовцев (в этих малонаселенных районах, кроме литовского, и населения со "слабовыраженным самосознанием", по этнографии относимого к белорусам, значительную долю составляли также великорусы-старобрядцы). Польско-литовское разграничение на конференции находилось в непосредственной зависимости от решения по польско-белорусскому пограничью.

Самым сложным вопросом было пограничное размежевание в Галиции. ЗУНР требовала признать за ней всю Восточную Галицию и Лемковщину в Западной Галиции. (ЗУНР, как и УНР, официально не были признаны западными державами). Польские представители первоначально притязали на Львов и расположенные вблизи него районы нефтяной зоны, а по мере изменения военно-политической ситуации в Галиции, — уже на всю Галицию*.

Определяя пути решения галицийского вопроса, союзники учитывали и стремились использовать национально-политические особенности края. В документах и материалах конференции под "украинцами" понимались сторонники украинской государственности, отделялись украинцы от русин. (Украинец — понятие политическое, русин — национальное). Так, представитель межсоюзнической комиссии генерал Найссел считал, что для прекращения польско-украинской войны "основная цель, которую надо достичь, это удаление чуждых элементов украинцев и немцев, в то время, как автохтонное население — русские и поляки, предоставленные сами себе, должны сами легко дос-

* На Парижской мирной конференции вопрос о будущем национально-политическом статусе Западной Галиции, признанной еще царской администрацией частью "объединенной Польши", даже не поднимался. Определению подлежали лишь восточные пределы "польской части" Галиции.

тигнуть соглашения"^{91ж}.

Другой член комиссии, П.Ласинг, предложил, чтобы комиссия получила полномочия для переговоров с польскими, украинскими и русинскими представителями⁹². (Это не было реализовано). Исходя из подобной трактовки национальных и социальных особенностей восточнославянского населения Галиции, решался галицийский вопрос и в комиссии Камбона^{93жж}.

* Представитель межсоюзнической комиссии генерал Бертелеми 15 февраля 1919 г. заявил на конференции: "...Выяснил, что русские крестьяне в массе своей не требуют независимого государства, то чего домогаются - это земля" (Paragyska konferencja pokojowa. 1919 г. ... Т.2. S.236).

** Подобную же позицию в оценке национально-политических особенностей восточнославянского населения в Галиции: "украинец" - понятие политическое, "русин, русский" - национальное, представители западных держав занимали и по отношению ко всей Украине соответственно, и к Белоруссии. Как заявил в Париже в мае 1919 г. премьер-министр Великобритании, "Украины не существует. Была вымыслена немцами. Есть Малороссия". (De ruga A. Polityka wschodnia ... S.252). Здесь следует отметить сходство по этому вопросу с позицией лидеров российской контрреволюции, решительно утверждавших, что "белорусов и украинцев не существует как отдельных народов" (Ibid. S. 256), а также польских представителей. В связи с этим Деруга подчеркивает, "что эндеки... неизменно придерживались термина "Южная Россия" по отношению к районам Украины, где существовал так называемый "Польский Исполнительный Комитет на Руси", находившийся под влиянием эндеки (Ibid. S. 220). (Интересно, что федералисты-пилсудчики, например, в своей "Газете польской" от 17 января 1919 г. писали о Литве, Белоруссии и Руси, а не Украине). В то же время западные державы стремились использовать украинские силы в своей политике. Чтобы склонить руководство ЗУНР к подписанию перемирия с поляками, представитель межсоюзнической комиссии ген. Бертелеми от имени конференции заявил, что, если украинская сторона подпишет перемирие, "последует признание украинцев как народа" (Ibid. S. 241). (Характерно, что Бертелеми в своих заявлениях не пользовался термином "украинское правительство", являясь в то же время сторонником помощи ЗУНР). Исходя из этих целей, в марте 1919 г., когда советские войска приближались к границам Галиции, французский представитель полковник Фриццесберг высказался за признание украинцев "как этнографической общности" (Ibid. S. 249).

Конференция и в дальнейшем не сочла возможным полностью отождествлять украинские политические круги с русинами. Имелись расхождения "между румынами и чехами относительно карпаторусов и украинцев"⁹⁴. Румынские правящие круги, стремившиеся закрепить за собой захваченные Буковину и Бессарабию, были заинтересованы в существовании украинского правительства в Восточной Галиции, боровшегося с национальным стремлением русин к единению с Россией, Чехословакия, выдвигая требования на Подкарпатскую Русь и на Лемковщину с ее месторождениями нефти в Галиции, выступала против закрепления позиций украинских политических кругов в Карпатах; также претендовавших на Лемковщину. В связи с этим она "не поддерживала украинского сепаратизма"⁹⁵ и пыталась использовать движение "русин российской ориентации" (в частности в Прешове так называемую Карпато-Русскую Раду, которая выступала за присоединение всего Закарпатья и Лемковщины в Галиции к Чехословакии, как альтернативы передачи их под власть ЗУНР).

Польские представители на конференции в свою очередь пытались использовать национально-социальные особенности Галиции для обоснования своих притязаний, включая восточную русинскую часть Галиции, указывая: "...Если партия русин-украинцев Восточной Галиции хочет создать независимое государство, то может рассчитывать исключительно на своих членов"⁹⁶. Они отрицали возможность существования жизнеспособного украинского государства в Галиции. Признавая наличие различных политических тенденций в Галиции, члены польской делегации констатировали, что против "русинско-украинской партии" выступает "русинско-российская партия", первая из них "не может также найти опору на Украине (среди населения. - В.С.) (Россия Южная), население которой, в целом, не мыслит об оторванности от России"⁹⁷. Подчеркивая, что русинское население рассматривает себя как часть русского народа и стремится к воссоединению с Россией, польские представители намекали конференции в связи с этим на возможность появления в Карпатах Советской

России.

Для рассмотрения галицийских проблем была создана так называемая межсоюзническая комиссия. Одной из ее задач являлся поиск мер для блокирования революционного движения в крае.

Работа межсоюзнической комиссии обнаружила острые противоречия между великими державами по вопросу о прикарпатской нефти, что в конечном итоге определило линию разграничения Галиции на польскую и русинско-украинскую части. Еще в разгар польско-украинского военного конфликта в крае основным требованием держав было исключение из зоны боевых действий районов нефтедобычи в Восточной Галиции. В Великобритании был основан "международный комитет" охраны английских, французских, бельгийских интересов в Галиции, который выступал против любого раздела нефтяной зоны "между поляками и русинами"⁹⁸.

Французские буржуазные круги, рассчитывая укрепить свои позиции в борьбе за нефть Прикарпатья, выступали за распространение польского военного и экономического влияния на всю Галицию, английские, — напротив, поддерживали "интересы украинцев" для обеспечения своих позиций в Прикарпатьяе. В начале 1919 г. представители Англии выдвинули проект, по которому польские войска должны были отойти на линию к западу от верховьев Днестра (впоследствии примерно так прошла линия границы, принятая комиссией Камбона), украинские — на линию к востоку от верховьев р. Стрый, с тем, чтобы район нефтяной зоны, располагавшийся между этими линиями, был передан под управление особой комиссии с участием польской и украинской администрации. Интересно, что авторы проекта, как отмечает С.Закс, были связаны с британскими нефтяными компаниями⁹⁹.

Представители Польши решительно выступали против такого размежевания войск в Галиции, отмечая в своих отчетах в Варшаву, что здесь "вопрос нефтеразработок был главным спорным пунктом"¹⁰⁰, и указывали на зависимость территориального решения от экономических и финансовых вопросов, от которых

"будет зависеть разрешение политических проблем, а также границ"¹⁰¹.

Политические и экономические противоречия между державами, а также рост революционно-освободительного движения в Галиции в условиях продвижения советских войск к границам Галиции оказали непосредственное влияние на позицию комиссии Камбона. Указывая в рапорте от 25 апреля, что с этнической точки зрения линия границы в крае "пролегла бы на запад от Львова, в противном случае за Польшей был бы признан район, заселенный в большинстве русинами"¹⁰², комиссия заявляла, что с решением вопроса "связаны проблемы общей политики"¹⁰³.

В частности, в рапорте констатировалось: "Комиссия придерживается мнения, что установление польских границ в этом районе невозможно без одновременного решения вопроса о будущем статусе Восточной Галиции"¹⁰⁴. Поэтому она просила дать точную директиву относительно принципов, на которые следует опираться при дальнейших исследованиях здесь, либо дать ей другие полномочия¹⁰⁵. 17 июня комиссией Камбона были представлены два варианта восточных польских границ в Галиции - линия "А" и линия "В". Линия "А" проходила к западу от нефтяной зоны, а, следовательно, и расположенного вблизи нее Львова (не достигая Сана), линия "В" к востоку от нефтяной зоны и Львова. При этом обе линии пролегли к востоку от западных административных границ Восточной Галиции по административному делению бывшей Австро-Венгрии, в которых Восточная Галиция фигурировала как географический объект. Соответственно, территория Западной Галиции в границах по административному делению бывшей Австро-Венгрии была признана за Польшей. Следует отметить, что линия "А" в большей степени отвечала притязаниям украинских кругов, требования которых распространялись на всю Восточную Галицию и на Лемковщину в Западной Галиции¹⁰⁶. Польских же представителей, выдвигавших претензии на всю Галицию, не устраивала ни линия "А", ни более выгодная для польской стороны линия "В".

Представители Франции, поддерживаемые итальянцами, выс-

казывались за присоединение Восточной Галиции (в границах, определенных конференцией) к Польше на началах автономии. Англия и США предлагали провести в будущем плебисцит в районах Восточной Галиции с целью определения ее окончательного политического статуса. При этом вопрос об одобрении рубежей по линии "А" или "В" ставился в прямую зависимость от будущего политического статуса Восточной Галиции. В связи с этим Камбон указывал, что если "обе линии "А" и "В" вызвали сильные сомнения", то в случае принятия решения о присоединении всей Галиции к Польше "можно принять линию "А"¹⁰⁷. Признание всей Галиции за Польшей предполагало "уступку" английской и американской стороне — согласие на линию "А", т.е. оставляя в русинской части Галиции нефтяную зону и, следовательно, Львов. В случае же признания независимой от Польши Восточной Галиции предпочтение отдавалось линии "В", которая оставляла Львов и нефтяную зону в польской части Галиции, т.е. опять-таки в пределах Польши, что в любом случае обеспечило бы преимущества французскому капиталу в эксплуатации нефтяных богатств Прикарпатья.

Предложение Англии и США предусматривало расширение русинской части Галиции на нефтяную зону и, следовательно, Львов, т.е. принятие линии "А", и, как уже отмечалось, проведение впоследствии плебисцита в русинской части Галиции. Таким образом обеспечивались интересы английского капитала в Восточной Галиции, независимой от Польши, поэтому они подчеркивали, что большинство населения Восточной Галиции... занимает позиции решительно антипольские и не хочет присоединяться к Польше"¹⁰⁸. Характерно, что в подкомиссии Ле Ронда за линию "А" высказывался английский представитель, полковник Ф.Кип, который заявлял, что в случае признания из политических побуждений Львова за Польшей, к последней "было бы присоединено 1 200 000 русин и 700 000 поляков"¹⁰⁹. Представители Франции указывали на польское меньшинство к востоку от Львова и восточнее самой Галиции. При этом, если в пользу линии "А" (к западу от Львова) на

конференции акцентировалось внимание на наличие значительного русинского населения к западу от Львова (в том числе от линии "А"), то в обосновании линии "В" (к востоку от Львова) имелась возможность указать на польское меньшинство в Восточной Галиции. Здесь его в значительной степени составляли русины-католики и еврей-католики.

Таким образом было возможным этническое обоснование и той, и другой линии, в зависимости от решения вопроса о нефтяной зоне. Вопрос территориального статуса нефтяной зоны явился решающим фактором предложений по линии восточных польских рубежей в Галиции: нефтяная зона окончательно в составе Польши (или непосредственно или как часть автономной Восточной Галиции) или же (как наиболее вероятное следствие будущего плебисцита) — вне границ Польши как составная часть Восточной Галиции, независимой ли, под управлением Лиги Наций, или составной части возрожденной России. Судьба Львова и Львовщины определялась таким образом не этнической ситуацией в крае, а прежде всего будущей территориальной принадлежностью нефтяной зоны.

Расходясь в вопросе определения будущего территориального статуса Восточной Галиции, союзники в то же время единодушно в июне 1919 г. высказались за оккупацию всей Восточной Галиции польскими войсками. Как отмечалось на конференции, единственными войсками, находящимися в противостоянии большевикам на западе России, являются польские¹¹⁰. Такое решение объективно способствовало реализации французских предложений относительно Восточной Галиции. В связи с этим в Париже склонялись теперь к принятию линии "А" в качестве разграничения польской и русинской частей Галиции. Однако английский представитель П. Бальфур указывал, что его позиция относительно статуса Восточной Галиции (польская оккупация с последующим плебисцитом) в принципе отличалась от итальянской и французской (присоединение к Польше)¹¹¹. Р. Дмовский в связи с этим отмечал, что англичане хотят настолько ослабить связь между Восточной Галицией и Польшей, чтобы ее можно было разорвать в любой мо-

мент^{II2}. 25 июня 1919 г. Совет министров иностранных дел союзников уполномочил Польшу на военную оккупацию восточной части Галиции под мандатом союзных держав. Вопрос о государственности или государственной принадлежности Галиции должен был решить плебисцит.

К августу 1919 г. разграничительный рубеж в Галиции был определен подкомиссией Ле Ронда на базе линии "А". Он оставил перемишльский укрепленный район и линию верховьев р. Сан в польской части Галиции. Нефтяная зона и Львов в русинской части оставались лишенными естественных рубежей обороны с запада. Этот рубеж был бы стратегически обоснованным для Польши в случае, если бы Восточная Галиция была признана независимой или оказалась в составе России. Определенный комиссией рубеж мог быть обоснован факторами экономического, стратегического, политического, этнического характера. Вместе с тем такое решение о разграничении Галиции на польскую и русинскую части, при неопределенном статусе последней, но уже оккупированной польскими войсками, сохраняло возможность различных путей разрешения галицийского вопроса. Предложение подкомиссии Ле Ронда с одобрением восприняли польские делегаты на конференции. Они рассматривали линию подкомиссии лишь как границу будущей автономной русинской части Польши^{II3}. Проект по вопросу Восточной Галиции, представленный подкомиссией Ле Ронда, был с незначительными поправками принят комиссией Камбона 20 августа 1919 г.

Если комиссия завершила работу по определению линии восточных польских границ, то конференция еще продолжала воздерживаться от принятия решения. Размах наступления белых армий летом и осенью 1919 г., очевидно, оказал влияние на позицию конференции относительно польско-русинских границ. Пока же Сен-Жерменский мирный договор с Австрией от 10 октября 1919 г. предусматривал отказ последней от всей Галиции "в пользу главных союзных и объединившихся держав", но не в пользу Польши.

Разгром основных сил белых армий к концу 1919 г. не

привел, однако, союзников к согласию по галицийскому вопросу. Укрепление позиций Польши в Восточной Галиции также не способствовало сближению их взглядов. В Декларации Верховного Совета Антанты о восточной границе Польши от 8 декабря 1919 г. речь шла о временной границе на территории бывшей Российской империи¹¹⁴.

Декларация (а также предложения по Галиции) не устраивали Польшу, хотя предложенная ей линия границ на востоке проходила восточнее польских этнических пределов и обосновывалась прежде всего стратегическим фактором в пользу Польши по всей линии ее восточной границы. Вместе с тем, Декларация оставляла открытым вопрос об окончательном разграничении и предполагала возможность дальнейшего территориального расширения Польши на востоке¹¹⁵.

Решения комиссии Камбона отражали политику западных держав в Восточной Европе и служили целям борьбы с Советской Россией, революционным движением. Галицийский вопрос как международно-правовая и территориальная проблема продолжал оставаться открытым.

5. Польско-советская война. Рижский мир и установление границы между Польшей и советскими республиками

К началу 1920 г. польские войска продвинулись на восток, примерно, на рубеж: Дрисса – Полоцк – Борисов – Наричи – Птичь – Белокоровичи – Чуднов – Пилявцы – Деражни – Бар.

Попытки Польши добиться уступок в территориальном вопросе на основе соглашения о совместной борьбе против Советской России с представителями российского белого движения (переговоры Б.Савинкова с Ю.Пилсудским) успеха не имели¹¹⁶. Деникин не принял проект соглашения, предполагавший известные уступки Польше со стороны России, в частности решение судьбы Литвы и Белоруссии путем плебисцита¹¹⁷. Самое большее, на что соглашался Врангель, – это линия Парижской конференции.

СНК РСФСР, выступавший и от имени УССР, стремясь установить мирные и добрососедские отношения с Польшей, выражал готовность к урегулированию всех спорных вопросов на основе

учета взаимных интересов сторон¹¹⁸. С декабря 1919 г. по март 1920 г. было сделано более десяти официальных заявлений о стремлении к установлению мира с Польшей. Принципиально важным было заявление СНК РСФСР от 28 января 1920 г. о готовности не переходить сложившуюся линию фронта¹¹⁹.

Тяжелое экономическое положение и рост антивоенных настроений в Польше, мирные предложения советского правительства и его готовность на значительные территориальные уступки вызвали известные колебания в польских правящих кругах относительно путей реализации программы территориального расширения страны на востоке. Один из лидеров польских социалистов И. Дашинский заявил: "В настоящий момент... мы сможем сделать Польшу первостепенной державой... Все зависит от того, заключим ли мы мир с большевиками или нет"¹²⁰.

Польское правительство настаивало на отводе советских войск за линию исторических границ Речи Посполитой с тем, чтобы впоследствии на спорных территориях был бы организован плебисцит (в условиях их оккупации польскими войсками!). Польша отказывалась признать советские республики Белоруссии и Украины и отвергала предложения РСФСР о проведении советско-польских переговоров на таких условиях¹²¹.

Готовность руководства БССР и УССР по согласованию с правительством РСФСР к территориальным уступкам Польше в начале 1920 г., как и ранее, не предполагала в то же время отказа правительства РСФСР от ответственности за защиту интересов Белорусской и Украинской Советских Республик, принципиальная позиция которых по территориальному вопросу заключалась в отстаивании права на существование в национальных границах, включающих и их западные области¹²². Население оккупированных земель не выражало сочувствия планам присоединения к Польше¹²³.

21 апреля 1920 г. польское правительство заключило секретный политический договор с правительством Петлоры. Оно признавало верховной властью на Украине Директорию независимой УНР, им возглавляемую¹²⁴. Была установлена граница

между Польшей и УНР по линии: Збруч – бывшая российско-австрийская граница – Вышеград – Каменецкие отроги – восточнее Здолбунова – по границе Ровенского уезда – по границе Минской губернии – р. Припять до ее устья. Судьба Ровенского, Дубенского и части Кременецкого уездов, отходящих к Польше, должна быть определена впоследствии. Эта граница означала отказ УНР от Волыни и Холмщины, а также Восточной Галиции. Восточной границей УНР договорились считать границу 1772 г. Частью этого договора явилась военная конвенция, подписанная 24 апреля, о совместных действиях против советской власти на Украине. Военно-политический контроль на Украине "остается временно в руках польских властей", а украинские центральные учреждения возобновляются в Каменец-Подольске. Польша оказывает Украине военную помощь¹²⁵. Подписание этого договора означало прямое вмешательство польского государства в гражданскую войну на территории бывшей России. Петлора уже фактически и не имел никакого влияния на Украину¹²⁶.

Этот договор не означал начала реализации федеративных планов Пилсудского. На Украине не имела поддержки не только идея федерации с Польшей, но не пользовалась популярностью и петлоровская концепция независимости Украины. (Даже на Волыни среди населения отмечались сильные русофильские настроения)¹²⁷.

В отличие от 1919 г., военная политика Польши осуществлялась в менее благоприятных для нее условиях. С разгромом крупных формирований белых армий существенно изменилось соотношение военных сил РСФСР и Польши. Не благоприятствовала военным планам Польши и международная обстановка. Польша находилась почти в полной политической изоляции. Напряженные отношения сохранялись у Польши с Литвой, Чехословакией, возрастала угроза со стороны Германии. Не было полной определенности относительно позиции держав Антанты в связи с польской военной политикой весной 1920 г. Пилсудчики переоценивали армию своей страны.

25 апреля 1920 г. польские войска начали наступление на

Украине. Воспользовавшись тем, что основные силы Красной Армии вели бои с деникинцами и не могли оказать немедленного противодействия, поляки прорвали советский фронт и 7 мая взяли Киев. В составе польской армии на Украине действовали части петлюровцев.

В создавшихся условиях советское руководство решило перейти от оборонительной военной политики к наступательной. В.И. Ленин в те дни говорил: "...Мы сделали все возможное, чтобы избежать нового кровопролития... но ... если польская буржуазия, соединившаяся с Петлюрой... хочет войны, мы будем воевать и будем беспощадны". Он подчеркивал, что в данном случае нужна полная победа над врагом¹²⁸. В обращении ЦК СНК УССР и Политбюро ЦК КП(б)У к рабочим и крестьянам Украины от 4 мая содержался призыв к освобождению населения Холмщины, Галиции, Подолии, Волыни¹²⁹.

Красная Армия, подтянув резервы, нанесла ряд ударов в Белоруссии, сорвав дальнейшие операции польских войск на Украине. 5 июня она прорвала польский фронт и развернула мощное контрнаступление. 12 июня Киев был освобожден. 4 июля в наступление перешел Западный фронт. Поляки начали постепенно отступать на Украине и в Белоруссии. 10 июля начался новый этап наступления. Красная Армия преследовала противника в направлении Варшавы и Львова, 11 июля взяла Минск, 14 июля – Вильно, а 20 июля советские части пересекли Неман.

Несмотря на продвижение Красной Армии к пределам этнической Польши и тяжелое положение своей армии, польское правительство уклонялось от непосредственных переговоров с РСФСР и пыталось решить вопрос о прекращении военных действий при посредстве держав Антанты.

Среди советского руководства выявились две точки зрения относительно целей дальнейшего продвижения Красной Армии на запад. Одна из них предусматривала стратегическое наступление для развития мировой революции. Ее сторонники рассчитывали на быстрое развертывание революционного движения в Польше. По их мнению, свержение буржуазного поль-

ского правительства могло дать гарантию прочного мира с Россией. Другая - исходила прежде всего из военной необходимости дальнейшего наступления Красной Армии, хотя и не отрицала, что установление рабоче-крестьянской власти в Польше продвинуло бы дело мировой революции. Во второй половине июля произошло совпадение точек зрения противников и сторонников революционной войны во имя мировой революции в силу военно-политических обстоятельств на решение вопроса о продолжении наступательной стратегии, несмотря на то, что ее конечные цели понимались ими по-разному¹³⁰.

Военные неудачи обострили противоречия в польских правящих кругах. Разразился правительственный кризис. 1 июля верховная власть в государстве перешла к Совету обороны во главе с Пилсудским. 6 июля Совет принял решение срочно обратиться к Верховному Совету держав Антанты с просьбой о посредничестве в переговорах с Советской Россией.

На конференции в Спа польский премьер-министр В. Грабский 9 июля 1920 г. вынужден был заявить, что Польша "признает необходимым предоставить решение вопроса о ее жизненных интересах даже вопроса о ее собственных границах союзным державам"¹³¹. Западные державы предприняли дипломатические усилия с целью остановить наступление советских войск. Одним из условий посредничества в переговорах с правительством РСФСР явилось требование о согласии польского правительства на урегулирование территориальных вопросов на востоке на основе рекомендации Парижской конференции. Окончательное определение взаимных границ предполагалось на последующей мирной конференции.

В Спа не фиксировались окончательные границы Польши. Линия, указанная в Декларации от 8 декабря 1919 г., рассматривалась лишь в качестве рубежа отвода польских войск в случае успеха посреднической миссии держав Антанты. Грабский уже на конференции начал обосновывать расширение будущих пределов Польши как можно восточнее (вплоть до Вильно и Восточной Галиции)¹³², ссылаясь и на положения вышеупомянутой Декларации. В связи с этим премьер-министр

Великобритании Ллойд Джордж заявил, "что Вильно находится далеко за границами Польши, принадлежащими ей по праву", и что, если в г. Вильно немало польского населения, то "население окрестностей ни в коем случае не является польским"¹³³. То же и в отношении Восточной Галиции.

В обстановке успешного продвижения Красной Армии к польским землям, убедившись в твердой позиции западных союзников относительно посредничества в вопросе о перемирии, 10 июля 1920 г. Грабский от имени Польши подписал соглашение об условиях перемирия с Советской Россией. Требования союзников были зафиксированы с незначительными добавлениями, касающимися в основном особенностей размежевания войск вдоль линии, определенной Декларацией, и в Галиции.

12 июля 1920 г. в разгар наступления Красной Армии лорд Керзон от имени британского правительства предъявил правительству РСФСР ноту с условиями перемирия между Польшей и Советской Россией, предусматривавшими отход польских армий на линию, примерно: Гродно - Яловца - Немиров - Брест-Литовск - Дорогуск - Устилуг - восточнее Грубешова - через Крылов - западнее Равн-Русской - восточнее Перемышля - до Карпат (т.е. примерно на линию, обозначенную в Декларации от 8 декабря 1919 г., и линию "А" в Галиции). Нота содержала требование, чтобы советские войска остановились за 50 км к востоку от этой линии, а в Галиции стороны оставались бы на сложившейся линии фронта (последнее, очевидно, было связано со стремлением западных союзников сохранить нефтяную зону в Галиции под контролем польских войск). Окончательное решение вопроса о мире предполагалось на последующей мирной конференции с участием Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии, где должны быть представители и Восточной Галиции. Если же Россия перенесет военные действия на территорию этнической Польши, союзники помогут последней всеми средствами.

Еще 20 июля 1919 г. на Парижской мирной конференции державами Антанты были признаны за Литвой районы на вос-

токе по демаркационной линии, параллельной железной дороге Гродно – Вильно – Двинск. Литва же добивалась признания за ней территорий бывших Гродненской и Виленской губерний к северу от Немана. Несколько ранее, 12 июля 1920 г., РСФСР и Литва подписали договор, согласно которому определялась граница между этими государствами по линии: Западная Двина (между Дриссой и Двинском) – к Молодечно – р. Воложинка – р. Березина – р. Неман – Гродно – р. Бобр – к югу от Августова, оставляя таким образом Виленщину за Литвой в соответствии со стремлениями литовского правительства.

31 июля в освобожденном Минске была провозглашена Декларация Белорусского Военно-Революционного Комитета о создании независимой Советской Социалистической Республики Белоруссии, где указывалось, что "красные войска... подходят к западным этнографическим (этническим. – В.С.) границам Белоруссии" (30 июля был освобожден Белосток). Свою западную границу Республика определяет по этническим рубежам, границы с советскими Россией и Украиной – на основе волеизъявления народа на съездах советов в согласии с правительствами России и Украины¹³⁴. В то же время БССР, ЛитССР и УССР конституировались в таких национальных территориях. I Всебелорусский съезд советов в 1919 г. провозгласил БССР в составе Минской и всей Гродненской губерний. В пределах Литовско-Белорусской советской республики среди пограничных с Польшей находились Гродненская и Сувалкская губернии. Правительство Литовско-Белорусской республики 16 февраля 1919 г. выразило решительный протест против вторжения польских войск в Белостокский уезд (самый западный из уездов Белостокщины в Гродненской губернии), указывая, что в нем польский элемент составляет только меньшинство¹³⁵. По договору от 12 июля 1920 г. между РСФСР и Литвой, за РСФСР оставались районы Белостокщины, за Литвой – район Августовского и Сейненского уездов (самых южных в Сувалкской губернии). Они рассматривались как непольские территории¹³⁶.

На Украине самыми западными районами украинской территории в 1919 г. были районы Холмщины¹³⁷. В обращении ЦК и

Совнаркома УССР и Политбюро ЦК КП(б)У к рабочим и крестьянам Украины в связи с войной с Польшей от 4 мая 1920 г. Холмщина вполне определенно считалась частью национальной территории Украины¹³⁸. Об этом же свидетельствовало и воззвание Золочевского поветревкома в Галиции¹³⁹.

В воззвании Галревкома к трудящимся Галиции в сентябре 1920 г. к Галицкой Социалистической Советской Республике относились районы Черемшыля, Ярослав, Санок¹⁴⁰. Т.е. непольской частью Галиции признавалась вся территория бывшей восточной Галиции (последняя в пределах по административному делению Австро-Венгрии).

Таким образом к западным районам национальной территории БССР, УССР, очевидно, относились районы Белостокщины и Холмщины, а западные пределы созданной летом 1920 г. Галицкой Советской Республики рассматривались в соответствии с административными границами Восточной Галиции.

Линия же комиссии Камбона, отраженная в ноте Керзона от 12 июля 1920 г. (получившая в дальнейшем наименование линия Керзона), хотя и разрабатывалась, исходя якобы из этнического принципа, определялась не этническими мотивами как таковыми, а особенностями экономико-географического и стратегического положения районов в междуречье Вислы, Немана, Буга и Сана.

В случае признания в составе БССР Белостокщины, располагавшейся вблизи Германги и отделявшей Литву от Польши, граница оставляла в пределах БССР важный экономический и транспортный узел Белостока и обеспечивала бы стратегическое равновесие на стчке рубежей соседних государств. Наличие Холмщины в пределах УССР предполагало создание стратегического равновесия в междуречье Вислы и Буга и вместе с тем несколько приближало восточную границу Польши к Варшаве. Районы же верхнего течения Сана с Черемшилем прикрывали важные экономические и политические центры Восточной Галиции с запада.

В противоположность этому линия Керзона, оставляя Белосток за Польшей, проходила под самыми стенами Гролно и

Бреста, следуя далее по среднему течению р. Западный Буг непосредственно вблизи от болот Полесья, которые разрезали надвое фронт возможного противника Польши на востоке. От Буга линия следовала к Карпатам, оставляя за Польшей стратегическую линию верховьев р. Сан с перемышльской крепостью, а к востоку лишенный естественных рубежей обороня Львов, в целом же линия Керзона как линия границы сохраняла наступательный характер со стороны Польши. С экономической точки зрения Белостокщина и Холмщина на советской стороне предполагали контроль над Западным Бугом и Наревом и обеспечивали перспективу развития (через Белостокщину) экономических связей с Германией. (Советское правительство соглашалось признать линию Керзона, выдвигая при этом требование оставить за советской стороной контроль над железной дорогой Волковыск — Белосток — Граево — Восточная Пруссия)¹⁴¹.

Таким образом, становление советских республик Белоруссии и Украины в их национальных пределах (т.е. включая на западе районы Белостокщины, Холмщины, всей Восточной Галиции) означало достижение ими сбалансированных на западе в военно-стратегическом и экономическом отношении рубежей с Польшей. Принятие же западного варианта разграничения (линия Керзона) создавало односторонние преимущества по этим же параметрам для Польши за счет части национальной территории Белоруссии и Украины.

Значительное продвижение в середине июля советских войск на запад породило уверенность правительства Советской России в приближающемся разгроме "панской" Польши и установлении в ней советской власти. Победа социалистической революции в Польше, по мнению советского правительства, способствовала бы разрешению всех спорных вопросов "с польскими рабочими и крестьянами". В этих условиях руководство Советской России сочло возможным признать принцип установления советско-польских рубежей по линии Керзона, имея в виду заключение мира с правительством "народной" Польши. (Решение оформлялось, очевидно, и с учетом мнения польским

коммунистов, высказавшихся за передачу Польше Белостокщины и Холмщины)¹⁴². Более того, Советская Россия считала возможным некоторые дополнительные отклонения от линии Керзона в пользу Польши. (В районе Белостока предполагалось некоторое отклонение на восток параллельно линии Керзона — в Забужье — также незначительный участок в районе г. Крылов). Советское правительство в заявлении от 17 июля 1920 г. указывало, что оно готово "в отношении условий мира в тем большей степени идти навстречу интересам и желаниям польского народа, чем дальше в своей внутренней жизни польский народ пойдет по такому пути, который создаст прочную основу для действительно братских отношений трудящихся масс Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы и создаст гарантию, что Польша перестает быть орудием нападений и интриг против рабочих и крестьян Советской России и других наций"¹⁴³.

Таким образом, если до начала польского наступления на Украине в конце апреля 1920 г. правительство РСФСР соглашалось на границу значительно восточнее линии Керзона, то в период развертывания контрнаступления Красной Армии и освобождения белорусских и украинских земель в июне — первой половине июля, оно предполагало полное освобождение национальной территории БССР и УССР, западные пределы которых находились несколько западнее линии Керзона. Польское правительство вплоть до конференции в Спа 9—10 июля отвергало линию Керзона в качестве возможной границы, добиваясь признания занятых польскими войсками территорий далеко к востоку от этой линии. В период поражений своей армии в Белоруссии и на Украине правительство Польши согласилось 10 июля на линию Керзона как основу рубежей перемирия.

По мере продвижения Красной Армии к границам польских этнических земель и укрепления уверенности в военном разгроме Польши со второй половины июля правительство РСФСР сочло возможным согласиться на линию Керзона (с дополнительными уступками) как основу разграничения. При этом СНК РСФСР настаивал на разрешении вопроса при условии на-

посредственного обращения Польши с просьбой о переговорах к РОФСР. Польское же правительство надеялось на посредничество стран Антанты.

К началу августа Красная Армия подошла к линии Керзона. Польское правительство по-прежнему не давало надежд на быстрое мирное урегулирование с Советской Россией, хотя в конце июля оно обратилось к СНК РОФСР с просьбой о начале переговоров. Без каких-либо политических гарантий со стороны Польши остановка продолжавшегося наступления Красной Армии на линии Керзона являлась бы неоправданной с военно-стратегической точки зрения¹⁴⁴.

1 августа войска Западного фронта пересекли Западный Буг. Советское руководство надеялось на всплеск революционного движения в Польше, переценивая готовность польских трудящихся к социальной революции. Одновременно с решением о продолжении наступления на польской территории возник вопрос об оказании Красной Армией конкретной помощи польским коммунистам в деле установления ими власти в Польше. Ю.Маршлевский, признавая возможность экспорта революции, утверждал, что когда ведется война между государствами различных социальных типов, армия, вступающая на территорию противника, в силу необходимости разрушает существующий там социальный порядок и что вряд ли можно было рассчитывать на то, что Красная Армия будет поддерживать в Польше "строй, при котором господствуют буржуазия и аграрии"¹⁴⁵.

В освобожденном Красной Армией 30 июля Белостоке (он по линии Керзона оставался на польской стороне) Временный польский революционный комитет во главе с Ю.Маршлевским и Ф.Давржиским, созданный при участии РКП(б) и армейского командования, провозгласил лозунг образования Польской советской республики. Он заявил о формировании органов революционной власти и польской рабоче-крестьянской армии и приступил к организации хозяйственной деятельности. На занятых советскими частями землях отношение к ним различных слоев польского общества было дифференцированным, в целом

же сдержанное, настороженное¹⁴⁶.

Еще весной 1919 г. при ЦК КП(б)У был организован краевой комитет компартии Восточной Галиции и Буковины, преобразованный позднее в Галицкий организационный комитет – Галорком. В июне 1920 г. Галорком в своем обращении к ЦК РКП(б) подчеркивал необходимость учета специфики местных социально-политических и национальных особенностей края и просил относительно Галиции принимать во внимание мнение Галоркома¹⁴⁷. В июле 1920 г. при ЦК РКП(б) было создано Галицкое бюро пропаганды и агитации – Галбюро. В июле же 1920 г. Галорком был преобразован в Галицкий революционный комитет (Галревком), возглавленный В.П.Затонским. 15 июля 1920 г. Галревком провозгласил полную государственную независимость Восточной Галиции и создание на ее территории Галицкой социалистической советской республики (ГССР), а также солидарность с РСФСР и УССР. На освобожденной Красной Армией территории Восточной Галиции создавались райкомы (позже они должны были быть заменены советами), которые приступили к социально-экономическим преобразованиям. Временной столицей ГССР с 3 августа стал г. Тернополь. Интересно, что в заявлениях и обращениях Галоркома к населению края оно именуется не иначе как "галичане", при этом Галревком и Галорком отказались от наименования "восточногалицкий" и "украинский" по отношению и к провозглашенной ГССР, и по отношению к революционным органам власти.

Позиция основных политических группировок пророссийской и проукраинской (сторонники ЗУНР) в вопросе о продвижении Красной Армии в пределы Галиции и создании на ее территории советской республики были неодинаковы. Если москвофилы, рассматривавшие Восточную Галицию и Лемковщину как интегральную часть России склонялись к сотрудничеству с органами новой власти в борьбе против польских захватчиков, то украинские партии занимали выжидательную позицию, рассчитывая на разрешение восточногалицкого вопроса с помощью стран Антанты¹⁴⁸. Правительство РСФСР возможные пути окончательного решения восточногалицкого вопроса видело в объединении

края с УССР¹⁴⁹.

В начале августа 1920 г. советские войска Западного фронта начали наступление на Варшаву. Соединения Юго-Западного фронта продвигались в общем направлении на Львов. 6 августа польское командование приняло решение — войскам оторваться от наседающих частей противника с целью их перегруппировки за Вислой. Главное командование Красной Армии было уверено в успехе операций на Западном фронте. Предполагалось даже снять некоторые формирования с Западного и Юго-Западного фронтов, чтобы направить их в Крым против Врангеля¹⁵⁰.

24 июля в Польша было образовано правительство национальной обороны во главе с В. Витосом. Все легальные партии сплотились вокруг идеи о необходимости защитить независимость страны. В июле было принято решение об аграрной реформе. Разрабатывалось прогрессивное социальное законодательство. Продолжалась энергичная антисоветская и антироссийская кампания и агитация. Все это способствовало консолидации польского общества к моменту решающего сражения на Висле¹⁵¹.

Командование вооруженных сил Польши перегруппировало войска, сосредоточив основные силы на решающем варшавском направлении. Соединения советского Западного фронта атаковали вдвое более сильного противника, рассчитывая на передачу фронту 12-й и 1-й Конной Армии из состава Юго-Западного фронта¹⁵². Усилия Главкома Красной Армии переориентировать основную массу войск Юго-Западного фронта на люблинское направление, чтобы сократить разрыв между направлениями наступления Западного и Юго-Западного фронтов, успеха не имели. Ожесточение боев возрастало. 14 августа красноармейские части сломали позиции польских войск под Радимином — последнюю линию обороны перед городской заставой Варшавы. Части 15-й и 13-й армий оказались в 15 км от Варшавы.

16 августа Пилсудский предпринял еще одну попытку сдержать натиск Западного фронта прежде, чем отвести армию за Вислу. Из района Люблина перешла в контрнаступление ударная польская группировка войск. Как отмечал М. Ту-

хачевский, была возможность полностью нейтрализовать и даже разгромить ее, "если бы не ошибки с нашей стороны"¹⁵³.

16-17 августа польские части отбросили слабую, растянутую на широком фронте Мозырьскую группу советских войск и продвинулись на 80 км на север, почти не встречая противника (Шилсудский даже окрестил это "чудесным сном"), форсировали Западный Буг и вышли в тыл войскам Западного фронта¹⁵⁴.

17 августа Тухачевский отдал приказ об отступлении, но было уже поздно. Отход от Львова 1-й Конной Армии 20 августа с целью содействовать Западному фронту ухудшил общую стратегическую обстановку для Красной Армии¹⁵⁵.

Изменение военно-стратегической ситуации имело политические последствия. В условиях поражения советских войск пол Варлавова польское руководство стремилось использовать успех контрнаступления как аргумент в пользу своих территориальных притязаний. Начались попытки ревизии согласованных позиций в Spa. Однако западные державы негативно отнеслись к этим попыткам. Как заявил в связи с этим представителю Польской Республики во Франции генеральный секретарь МИДа Франции М.Палеолог 31 августа 1920 г., "Франция признает за основу линию, принятую в Spa"¹⁵⁶. Неделей раньше правительство США направило в Варшаву меморандум, в котором требовало "не переходить этнографической границы". Кабинет Великобритании предупредил Польшу, что Англия откажет ей в помощи, если та нарушит договоренность, достигнутую в Spa¹⁵⁷.

Продвижение польских войск на восток в августе-сентябре 1920 г. способствовало активизации планов территориального расширения Польши за линию Керзона. На заседании Совета обороны Польши 11 сентября 1920 г. было принято решение требовать на переговорах с советскими представителями (открывшихся во второй половине августа в Минске, а в сентябре перенесенных в Ригу) линии перемирия: р. Збруч - р. Ствига - восточнее Ровно, Луненца, Барановичей. В то же время польской делегации рекомендовалось настаивать на принятии линии государственной границы еще восточнее и кон-

кретизировать территориальные претензии Польши, ориентируясь по обстановке¹⁵⁸. Вместе с тем, после испытанных поляками в июне – первой половине августа поражений, угрожавших военным разгромом стране, польская сторона на переговорах была вынуждена отказаться от прежних планов широкой территориальной экспансии на востоке. Она получила указание признать полномочия Советской Украины на веление переговоров, на чем настаивала советская сторона.. В связи с этим глава польской делегации на переговорах Я.Домбский отмечал: "...Таким образом была предreshена судьба Украины, которая оставалась в сфере влияния России"¹⁵⁹. Это означало крах федералистских планов. На практике стали воплощаться территориальные концепции инкорпоративистов¹⁶⁰.

Отступление Красной Армии на восток от линии Керзона сказалось на выработке условий мира. Правительству РСФСР пришлось отказаться от условий, выдвинутых им в первом побед его войск. 23 сентября Сессия ВЦИК РСФСР приняла Заявление об основах соглашения между РСФСР и Польшей. В заявлении отмечалось, что "основой, на которой могло бы быть в самый короткий срок достигнуто желательное соглашение, должно быть осуществление принципа самоопределения всех областей, территориальные границы которых оспаривались во время войны"¹⁶¹, по-видимому, и районов к западу от линии Керзона. Косвенно на это указывают и данные польской исследовательницы С.Закс¹⁶². Основопологающим требованием являлось подтверждение обеими сторонами независимости и существующего государственного строя Украины, Белоруссии, Литвы и признание независимости Восточной Галиции, окончательно вопрос о которой предполагалось решить путем плебисцита. В заявлении выражалась готовность признать границей между РСФСР и Польшей линию приблизительно: с севера на юг – устье Свислочи при впадении Немана – Беловежа – Брест-Литовск – Владимир-Волынский – далее по бывшей границе между Россией и Австро-Венгрией до Днестра (что практически совпадает с северной частью линии Керзона, но в южной оставило, таким образом, Восточную Гали-

цию к западу). Советская сторона требовала от польской определить отношение к этому заявлению до 5 октября 1920 г., в случае несогласия считая себя "в праве изменить предложенные условия"¹⁶³.

Выдвинув этот проект, правительство Советской России предусматривало в то же время возможность дальнейших уступок в пользу Польши. В радиограмме от 23 сентября В.И. Ленин от имени ЦК передал советской делегации инструкции: "Для нас суть в том: первое - иметь в короткое время перемирие, а, во-вторых, и главное в том, чтобы иметь реальную гарантию действительного мира в 10-дневный срок... Если вы обеспечите это, то давайте максимальные уступки вплоть до линии по реке Шара, Огинскому каналу, рекам Ясельде и Стирь и далее по государственной границе между Россией и Восточной Галицией"¹⁶⁴.

В конце сентября польским войскам удалось продвинуться еще далее к востоку. Используя это, делегация Польской Республики на переговорах признала советские условия неприемлемыми и требовала, чтобы будущая граница проходила с юга на север по линии Збруч - Ровно - Сарны - Лунинец - Вилейка - Дисна до р. Западная Двина с тем, чтобы железная дорога Ровно - Сарны - Лунинец - Барановичи оставалась за Польшей и последняя достигла бы общей границы с Латвией"¹⁶⁵. Стремясь избежать зимней кампании на два фронта и с целью скорейшего разгрома Врангеля, советское правительство сочло возможным согласиться на такую территориальную границу. 12 октября 1920 г. между Польской Республикой, с одной стороны, и РСФСР и УССР - с другой, был подписан предварительный мирный договор. Польша отказывалась от поддержки военных действий против другой стороны.

Глава польского правительства Витос заявил в сейме 14 октября, что условия предварительного мира 12 октября "не удовлетворяют полностью aspirations польского народа"¹⁶⁶. Державы Антанты были несклонны признавать границы Польши, так далеко выдвинутые на восток¹⁶⁷. Представители белого движения России считали, что эти границы будут пересмотрены

ни после победы его вооруженных сил¹⁶⁸.

В период польско-советских переговоров Польша в польско-литовском договоре от 7 октября 1920 г. признала Вильно за Литву, но уже 9 октября польские войска генерала Жолиговского захватили этот город, осуществляя территориальные планы Пилсудского. Это улучшало позиции польской стороны на левом фланге линии перемирия с советскими республиками. Державы Антанты осудили действия польских войск, но не настаивали на немедленной их эвакуации из Виленщины.

В конце 1920 г. в польской печати был поднят вопрос о необходимости передачи советской стороной "польской части" Лепельского, Проскуровского, Новоконалиновского, Каменешского, Новоушицкого уездов. Польская делегация требовала "исправления линии границы", установленной прелиминарным договором, которое увеличило бы территорию Польши на 12 тыс. кв. км¹⁶⁹.

Чтобы избежать дальнейшего затягивания переговоров, правительство Советской России и на этот раз выразило готовность к уступкам. Польша получила приращения на востоке от прелиминарной линии ок. 3 тыс. кв. км в Полесье и на северном участке советско-польской границы¹⁷⁰.

В ходе переговоров о перемирии рассматривался вопрос и о Восточной Галиции. (Представители Советской Украины подчеркивали, что они не отказываются от Восточной Галиции, поскольку плебисцит на этой территории несомненно предопределил результат в пользу Украины, полагая, что в этом случае к Польше может отойти Холмщина¹⁷¹). В конце сентября советская сторона на переговорах согласилась признать Восточную Галицию за Польшу*). С конца сентября на переговорах в Риге присутствовала делегация ЗУНР, не принимавшая однако в них участия. Представители ЗУНР на конференции отмежевались от петлюровской УНР, признавшей в апреле 1920 г. Восточную Галицию за Польшей. Считая законным правительством Украины советское, они при этом не рассматривали территорию Восточной Галиции как часть УССР. Отмечается известное сближение к периоду переговоров позиции советской стороны и лидеров украинских политических

кругов Восточной Галиции относительно путей урегулирования восточногалицийского вопроса, и впоследствии даже наличие соглашения, которое было призвано способствовать тому, чтобы Восточная Галиция оставалась бы вне территории Польши¹⁷². Запад, рассматривая Восточную Галицию как территориальный объект, решение об окончательном политическом статусе которого находится в его компетенции, продолжал признавать за Польшей лишь право на военную оккупацию края. Польские правительства стремились добиться признания от держав Антанты прав на Восточную Галицию. Восточногалицийский вопрос с точки зрения международного права продолжал оставаться открытым и по окончании польско-советской войны.

В феврале 1921 г. Пилсудский совершил поездку в Париж, во время которой стало ясно, что, в случае неподписания мирного договора и возобновления военных действий, Антанта помощь Польше не окажет. По мирному договору между Польской Республикой и советскими республиками Россией и Украиной, подписанному в Риге 18 марта 1921 г., стороны отказывались на взаимной основе "от всяких прав и притязаний" на земли, расположенные по другую сторону линии границы. Вопросы о спорных территориях между Польшей и Литвой подлежали разрешению исключительно между ними. Оговаривалось предоставление "всех прав, обеспечивающих свободное развитие культуры, языка и выполнение религиозных обрядов" Польшей лицам русской, украинской и белорусской национальностей, Россией и Украиной — полякам на своих территориях.

Стабилизация социально-экономического положения в Советской России, а также завершение борьбы за галицийскую нефть между английским и французским капиталом в пользу последнего предопределили решение конференции послов держав Антанты относительно восточных границ Польши от 15 марта 1923 г. В решении говорилось, что, принимая во внимание признание польской стороной необходимости автономии для Восточной Галиции, а также обязательств польского государства гарантировать соблюдение прав национальных меньшинств и учитывая, что оно уже определило свои рубежи с

Россией, а в вопросе польско-литовского размежевания необходимо считаться с фактическим состоянием, совет послев решил признать в качестве границ Польши ту линию, которая фактически уже была достигнута. Таким образом, юридически прекратила свое существование ЗУНР.

Мирный договор в Риге отражал итоги военных действий к осени 1920 г., установленная граница в котором являлась прежде всего результатом двух срежений — под Варшавой и на Немане, а не взвешенным геополитическим решением. Его условия не способствовали стабилизации социально-политической обстановки в регионе, и с самого начала наметилась тенденция на развитие советско-польских отношений¹⁷³.

6. Национальная политика Польши на "восточных кресах" в 1921-1939 гг.

По конституции Польши (март 1921 г.) национальным меньшинствам предоставлялась национально-культурная автономия. Однако фактически национальная политика польских правящих кругов была направлена на ассимиляцию коренного населения восточных земель. Условия Рижского мирного договора относительно гарантий прав национальных меньшинств соблюдались формально и не полностью. Нарушение прав этой части населения вызвало негативную реакцию правительств РСФСР и УССР. На практике в стране шла реализация инкорпоративской программы.

Одним из важных инструментов колонизации восточных земель являлась система осадничества. В декабре 1920 г. польское правительство приняло закон о наделении земель на востоке военными служащими, отличившимися в польско-советской войне. Эти польские поселенцы вместе с членами своих семей были организованы в союз осадников. Точных данных о количестве осадников, вместе с семьями поселившихся на восточных землях, нет. По официальным польским данным, общая численность этой категории населения к концу межвоенного периода составляла до 78 тыс. человек¹⁷⁴. (Цифра эта, однако, представляется заниженной. По советским данным, в

этих районах насчитывалось в это время 115-130 тыс. осадников)¹⁷⁵. Проведению политики полонизации способствовала позиция костела на восточных землях. Идеологи польского католицизма заявляли: "Там, где кончается католицизм, там и проходит рубеж польскости"¹⁷⁶. При этом указывалось на отсутствие четко выраженных этнических границ между польским и восточнославянским населением и за таковые принимались религиозные различия.

Осуществляя полонизацию населения, правящие круги сохраняли различия между региональными группами (полицуками, пинчуками, лемками, гуцулами, бойками, холмичами, волынянами и т.д.), а также религиозные различия между православными (Холмщина и Волынь) и униатами (Восточная Галиция и Лемковщина). Они добивались создания автокефальной церкви, отделения от Русской Православной церкви с тем, чтобы ослабить конфессиональные связи белорусского и украинского населения по обе стороны границ. Вместе с тем, имущество и строения православной церкви конфисковывались в значительных масштабах в пользу католиков, особенно в Холмщине и Подляшье¹⁷⁷.

Одновременно правящие круги стремились использовать в своих целях борьбу национально-политических группировок на восточных землях. Е.Гертых отмечал: "Русская интеллигенция (и белорусская) уже ныне разделены на два отличающихся друг от друга с национальной точки зрения противостоящих лагеря: сепаратистов украинцев и белорусов, с одной стороны, и россиан (осознающих себя русскими. - В.С.) (в Малопольше старорусинов) - с другой"¹⁷⁸.

Полонизация в области просвещения предполагала сокращение школьных учреждений с использованием и изучением родного языка вплоть до их полной ликвидации наряду с насаждением польских просветительных учреждений, призванных воспитывать население в духе "польскости" и приверженности к католицизму. В связи с этим идеологи польского национализма заявляли: "Мы хотим, чтобы *adagium gente ruthenus natione - polonus* (происхождение - русин, национальность -

поляк) стало действительностью на всем пространстве польских восточных земель"¹⁷⁹. Министр внутренних дел Л.Скульский в начале 1923 г. говорил депутату сейма белорусу Б.Тарашкевичу: "... В Польше через 50 лет нигде не найдете белоруса даже со свечой"¹⁸⁰.

Учитывая этническую и языковую близость польского и восточнославянского населения, идеологи политики колонизации считали возможным рассматривать ополченные в будущем районы белорусов Полесья, как район: диалектов уже польского языка "подобно кашубскому на севере и подгальнскому на юге"¹⁸¹.

Следует отметить, что политика польской колонизации осуществлялась в целом ряде мест небезуспешно. Если районы Виленщины и северной Гродненщины еще к середине 20-х годов составляли часть белорусской этнической территории, то в результате колонизации уже к концу межвоенного периода они стали районами со значительной долей коренного католически-польского населения, что прослеживается и в последующий период. Становлению "польскости" в межвоенный период в этих районах содействовал католический костел, утвердившийся там еще до 1918 г. Общность языковых черт славянского населения на белорусско-польском пограничье позволяла рассматривать язык славянского населения на Виленщине, уже как виленский диалект польского языка. Однако национальные различия коренного населения (белорусов и поляков) в этих районах основывались отнюдь не на отличии его этнического происхождения, которое как раз было общим — белорусским.¹⁸²

С другой стороны, возростают национально-освободительные стремления на кресах, принимавшие, прежде всего на селе, антипольский характер, смыкаясь с аграрным движением. Отмечались сильные позиции белорусско-католических общественных кругов на Виленщине (партия белорусских христианских демократов противостояла там полякам-католикам).

Определить общую численность непольского славянского населения в межвоенной Польше нелегко по обстоятельствам

объективного и субъективного характера. Для этносоциальной ситуации, сложившейся в восточных районах этой страны в межвоенный период, были характерны незавершенность национальных процессов, наличие самобытных региональных групп, широко распространенное двуязычие (т.е. знание населением и польского языка), отождествление национальной и религиозной принадлежности (православный или униат = "русский", католик = поляк), а также отсутствие четко выраженного самосознания части населения. Так, например, на Полесье и Виленщине выделялась значительная группа населения (до 707 тыс.)¹⁸³, называвшего себя "тутэйшими", которую большинство польских этнографов относило к белорусам и русинам (Ю. Бардах считает, что это могло быть проявлением и социальной позиции населения, поскольку среди "тутэйших", в подавляющем большинстве крестьян, отмечаются и группы интеллигенции)¹⁸⁴. Дореволюционная наука относила полешуков к малорусам (малороссам). Наряду с "тутэйшими" выделялись группы населения, причислявшиеся к "хлопским", "местным" и т.д. (очевидно, в отличие от поляков, а также украинцев и белорусов), что могло нести на себе отпечаток и социальной позиции. Следует отметить, что коренное население кресов — это в основном крестьянство¹⁸⁵. На Полесье расселялась так называемая "шляхта" (по социальному положению — крестьяне), также православная, хотя и отделявшая себя от "хлопов", но не считавшая себя поляками¹⁸⁶. Как отмечает Ю. Томашевский, польские власти пытались "привить им польское самосознание"¹⁸⁷, но, кажется, безуспешно. Среди них были и деятели Компартии Западной Белоруссии.

Становление украинского национального самосознания шло медленно, православное население в значительной степени определяло себя "русскими", а не украинцами, что фиксировалось при проведении переписей. Еще больше это относилось к формированию белорусского самосознания¹⁸⁸. (Не случайно, очевидно, среди польских верхов получила распространение трактовка украинской и белорусской национальной идеи как общественно-политического мировоззрения, "инспирированного

большевиками", которое не имело широкого распространения до революции). И среди деятелей коммунистического движения, как указывают польские авторы, бытовало мнение, что признание самобытности украинского и белорусского населения на уровне отдельных народов следует рассматривать не как отражение закономерности собственно национального развития, а скорее как своего рода социальный компромисс с мелкобуржуазной стихией¹⁸⁹.

Население кресов относилось к польским властям с предубеждением, но если в белорусских воеводствах оно в большинстве своем "не видело в поляке врага", то в южных воеводствах было настроено более враждебно (часть населения бойкотировала переписи, возникли украинские националистические организации, в том числе и экстремистского толка, чего не отмечалось в Белоруссии)¹⁹⁰.

Определение местным населением своей национальности в известной мере отражало его отношение к национальной и социальной политике властей, как в буржуазной Польше до 1939 г., так и в СССР и БССР на западноукраинских и западнобелорусских землях в 1939—1941 гг., что в условиях двуязычия и религиозно-перемешанности населения в ряде районов было логичным. Польские историки признают, что пограничные этнические группы в данном регионе могли в определенных идеологических и культурных условиях образовать некое единство в составе как одного, так и другого из двух соседних этносов, причем численность такой группы установить будет весьма трудно¹⁹¹.

Полонизация жителей кресов (прежде всего католического вероисповедания) получила свое отражение в официальной статистике. Однако разная степень полонизации католического населения на восточных землях вряд ли дает основания для отождествления всех католиков с поляками.

Национальная политика, проводимая буржуазной Польшей, не могла не найти отражения в данных официальных польских переписей. Украинцы и белорусы не считались самобытными народами (они рассматривались как "русские" — белорусы на севере и русины на юге), хотя в ряде случаев на основе

сведений о родном языке выделялись группы украинского и белорусского населения, численность которых значительно приуменьшалась. Католическое население традиционно рассматривалось как польское. Такая трактовка получила свое отражение в работах польских исследователей того периода¹⁹². К лицам польской национальности переписи относили значительные группы православных и униатов, т.е. заведомо неполяков, независимо даже от собственно этнических и языковых данных. Польские авторы, например, отмечали наличие поляков, которые говорят только по-украински¹⁹³.

Исходя из этого, многие исследователи считают, что количество православных и униатов ближе к действительной численности коренного восточнославянского населения. По данным переписи 1931 г., украинцы, белорусы и великорусы во всей Польше составили 17%¹⁹⁴, православные и униаты — 22% населения¹⁹⁵. Ю.Томашевский отмечает, что необъективность и недостоверность переписи 1931 г. не вызывает сомнений у современных польских ученых, подчеркивая, что доля украинского и белорусского населения там значительно приуменьшена¹⁹⁶. Вместе с тем, необходимо учесть и численность католического восточнославянского населения.

В соответствии с общей (пропольской) направленностью составлялись программа и конкретные рабочие документы переписей, в пользу чего свидетельствуют польские исследователи¹⁹⁷. Следует учесть, что представители населения кресов при опросе о национальной принадлежности могли принять во внимание политические и экономические условия своего существования, а также бойкот частью населения переписей¹⁹⁸. Все это предопределило значительные расхождения официальных данных о национальном составе населения восточных земель с данными дореволюционной российской статистики и многих исследователей по этим регионам¹⁹⁹. Необъективность официальной польской статистики отмечается в том числе и польскими исследователями-этнографами²⁰⁰. Русский общественный и научный деятель межвоенной Польши В.Ваврик, отмечая, что хотя польский этнограф А.Крысинский был вы-

нужден пересмотреть данные переписи 1921 г. в Галиции в пользу восточнославянского населения до 3 002 516 человек, сам Ваврик считает, что в крае "от Збруча по Горлицы, Креницу и Кросно от 3 500 000 до 4 000 000 душ, куда входят греко-католики, православные, латинники и других вероисповеданий" русско* национальности"²⁰¹. Советская декларация 1924 г., в которой выражался протест против признания Восточной Галиции за Польшей, определяла численность украинского населения в Восточной Галиции - 4,5 млн. человек²⁰² (что подтверждается косвенной цифрой в 5 млн. человек "русских" в Галиции к 1914 г., учитывая, что потери коренного населения Восточной Галиции во время войны составили более 0,5 млн. человек).

По данным переписи 1931 г. с поправкой к 1939 г., по национальному составу на восточных землях в пределах между границей 1939 г. и Рижской линией проживало 4,5 млн. украинцев, 1,35 млн. белорусов, поляков же до 4,8 млн. человек²⁰³. Соотношение украинского и белорусского населения с польским здесь отличается в пользу польского от данных советских исследователей межвоенного периода и польской переписи 1921 г.

Существенное расхождение польских и советских данных объясняется, с одной стороны, стремлением к обоснованию притязаний на эти районы, с другой - в известной мере как следствие первой - методом оценки этносоциальной ситуации. Если польские статистики по-прежнему исходили прежде всего из идеи польско-католического единства, а также тенденций и перспектив политики колонизации, то советские исследователи свои расчеты основывали, очевидно, прежде всего на соотношении польского и восточнославянского населения, сложившемся ко времени образования польского государства, когда польское население (а не католическое) по численности было незначительным в сопоставлении с коренным восточнославянским, доля еврейского населения там, например, была значительно больше, чем польского. Общая численность осадников вместе с семьями не могла оказать существенного влия-

ния на выводы как польских, так и советских исследователей относительно этносоциальной ситуации в этих районах. Если польская сторона переоценивала роль польского и католического влияния в процессе становления национального облика населения, а также последствия политики колонизации, то советские исследователи, очевидно, не учитывали результатов политики колонизации, решительный протест против которой неизменно подчеркивало советское правительство. Советские белорусские авторы межвоенного периода вообще отрицали наличие в Западной Белоруссии коренного польского населения, "если не считать панов и разных подпанков"²⁰⁴, что не противоречит данным официальным и многих авторов дореволюционного периода. Польское население в западных районах советских республик, прежде всего в Белоруссии, сохранялось и после решения вопроса о линии советско-польской границы в 1945 г. По переписи 1979 г., поляков в УССР - 258 тыс., в БССР - 403 тыс., в ЛитССР - 247 тыс., всего в СССР - 1751 тыс. человек²⁰⁵, хотя согласно заявлению официальных представителей польской стороны в 1945 г. большая часть из 4 млн. польского населения на западе от бывшей границы 1921 г. к этому периоду уже покинула территорию СССР²⁰⁶. Здесь, очевидно, речь может идти прежде всего о колонизованном в той или иной степени в межвоенный период автохтонном населении, которое рассматривалось ранее как восточнославянское. Наряду с этим следует отметить, что некоторую часть коренных жителей, находящихся на разной стадии колонизации не относящих себя к украинцам и белорусам, официально обычно считали поляками.

Вместе с тем, при анализе выводов польских и советских исследователей прослеживается влияние политической конъюнктуры в оценке этносоциальной ситуации и у той, и у другой стороны, особенно к концу межвоенного периода. Следует отметить, что различные данные первой четверти XX в. о национальном составе рассматриваемых территорий соответствуют в большей степени выводам советских авторов на конец межвоенного периода, нежели польских на тот

же период. Интересно сравнение польских и советских данных межвоенного периода о доле и численности украинцев и белорусов в Польше.

Табл.6

Сравнительная таблица численности коренного восточнославянского населения Польши к концу межвоенного периода на основе польских и советских данных

Коренное восточнославянское население						
	Украинцы	Белорусы	Всего	Право-славные	Унияты	Всего
<u>Польские данные</u>						
Перепись 1921 г. ²⁰⁷	14,3%	3,9%	18,2%	10,5%	11,2%	21,7%
Перепись 1931 г. ²⁰⁸	10,1%	3,1%	13,2%	11,8%	10,5%	22,3%
В границах 1939 г. ²⁰⁹	4,5 млн человек	1,35 млн человек	5,85 млн человек	На площади тыс. кв. км	196,0	
<u>Советские данные</u>						
По Романовскому 1926 г. ²¹⁰	18,2% 5 млн человек	5,8% 1,5 млн человек	24,0% 6,5 млн человек	На площади тыс. кв. км	216,6	
По МСЭ 1931-1932 гг. ²¹¹	20,0%	7,0%	27,0%	На площади тыс. кв. км	246,3	
По Врублевскому 1937 г. ²¹²	21,0% 7 млн человек	6,0% 2 млн человек	27,0% 9 млн человек			
По Минаеву 1939 г. ²¹³	8 млн человек	3 млн человек	11 млн человек			
В границах 1939 г. ²¹⁴	7 млн человек	3 млн человек	10 млн человек	На площади тыс. кв. км	196,0	

Как следует из таблицы, по польским данным численность восточнославянского населения существенно уменьшилась с 1921 по 1931 гг., что не могло соответствовать действительности, если иметь в виду даже только естественный прирост

населения. Об этом, кстати, свидетельствуют и сведения о вероисповедании. Советские данные за 1926–1939 гг. представляются более последовательными. Исходные же здесь цифры 1926 г. близки к польским подсчетам по вероисповеданию 1921 г. Следует подчеркнуть, что коренное восточнославянское население – это православные, униаты и часть католики, а также и то, что население Западной Белоруссии и Западной Украины в целом и к концу межвоенного периода сохраняло свой самобытный облик (в пользу этого свидетельствуют и данные об этносоциальных особенностях современного польского населения на западе Белоруссии²¹⁵). Учитывая это, можем утверждать, что исходные советские цифры по национальностям 1926 г. (соответствующие соотношению польского и восточнославянского населения, сложившемуся к 1918 г.), представляются более убедительными, нежели польские 1921 и 1931 гг., а следовательно, советские подсчеты на конец межвоенного периода, скорее, более достоверны, чем польские на этот же период. Достаточно определенным является вывод об этническом происхождении населения региона. По происхождению, собственно этническим и языковым особенностям, сохранившимся к началу межвоенного периода, и в подавляющем большинстве своем до конца его, население восточных земель, отошедших к Польше по Рижскому миру, составляло часть восточнославянского (украинского и белорусского) этноса. Коренное же католическое польское население, отмечавшееся там к концу межвоенного периода в подавляющем большинстве являет собой плоды политики полонизации²¹⁶.

Урегулирование вопроса о советско-польской границе в 1944–1945 гг. по линии Керзона с незначительными отступлениями от нее в пользу Польши, т.е. на основе признания права на единство белорусского и украинского народов в составе БССР и УССР, способствовало достижению взаимопонимания в межнациональных вопросах Польши с советскими республиками.

Некоторые изменения линии границы были произведены в

1951 г., когда в ходе советско-польских переговоров, начатых по инициативе польской стороны, было достигнуто соглашение об обмене территориями в 480 кв км в Дрогобычской области УССР на 480 кв. км в Люблинском воеводстве Польши²¹⁷. В дальнейшем, по договору 5 марта 1957 г., произошло уточнение советско-польской границы, прилегающей к Балтийскому морю, договор от 18 марта 1958 г. урегулировал границу вод в Гданьском заливе. 28 августа 1969 г. была определена граница по континентальному шельфу в том же заливе²¹⁸.

С целью выравнивания этнической и государственной границы между Польшей и СССР был произведен взаимный обмен населением по национальному признаку в 1944-1946 гг. В период с октября 1944 по август 1946 г. из Польши (в основном из районов Холмщины и центральной Галиции) было переселено 482 880 человек восточнославянского населения²¹⁹. (По Томашевскому - 489 тыс. человек)²²⁰. Число переселенных из Белостокщины было незначительно - около 36 тыс. человек²²¹. По данным польских переписей, к 1944-1945 гг. в Польше насчитывалось около 506 тыс. украинцев (Ю. Томашевский считает реальной численность до 650 тыс. и указывает не цифру около 700 тыс., после переселения осталось около 160 тыс. украинцев)²²². За период 1944-1946 гг. только с территории Украины в Польшу переселилось 870 415 человек польского и еврейского населения²²³.

К началу 50-х годов значительная часть восточнославянского населения, прежде всего с территории Холмщины и с польской части Галиции, была отселена на западные польские земли. (Данные не опубликованы). В районах пограничья, оказавшихся на территории Польши и СССР, осуществлялась политика интеграции пограничных районов с внутренними областями стран. Однако и в послевоенный период на территории бывшего восточнославянского-польского пограничья, ставшего более однородным в национальном отношении, наблюдаются смешанные в национально-этническом отношении районы.

В 70-х годах в Польше насчитывалось 300 тыс. украинцев²²⁴ и 200 тыс. белорусов²²⁵. По данным Ю.Кувюка, на

1964 г. только белорусов — 375 тыс.²²⁶, т.е. к 70-м годам не менее 400 тыс. человек, а вместе с украинцами, следовательно, всего в Польше проживало лиц украинской и белорусской национальностей до 700 тыс. Поляков же в западных районах Украины и Белоруссии, а также Литвы — около 930 тыс. человек²²⁷. Сходные данные по Литве и в Белоруссии сообщает Бардах²²⁸.

Согласно данным советских языковедов, современный ареал диалектов белорусского языка не только распространяется на всю территорию БССР, включая целиком Гродненщину, но охватывает и соседние районы Литвы (Виленщину), а также Белостокщину в Польше²²⁹. С этим солидарны и польские ученые²³⁰. На этнографической карте Европы 1952 г., на территории восточной Польши, в полосе, примерно от района Сувалок почти до Татр (районы Белостокщины, Холмщины, центральной Галиции и Лемковщины), показано уже смешанное польско-белорусское и польско-украинское население²³¹. То же содержится в других советских изданиях 1958, 1960 г.²³² Для Белостокщины, например, это обосновано и в 60-70-х годах²³³. (Виленский край обозначен как польско-литовский). В пользу этого говорят и польские данные о языке 1981 г.²³⁴, в том числе и по Белостокщине 1980 г.²³⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. 1878-1917 гг. М.-Л., 1935. Серия Ш. Т.6. Ч.1. С.248.
2. М и с к о М. В. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957. С.45.
3. Галиция. Временный генерал-губернатор. Отчет генерал-губернатора Галиции по управлению краем с 1 сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. Киев, 1916. С.2.
4. Там же. С.3.
5. Там же. С.4.
6. Б е л о к о н с к и й И. П. Галичина під час Російської окупації. Львів, 1915. С.27.
7. Л и с о г о р с к и й Г. Галицкая Русь. М., 1915. С.64.
8. К а з а н с к и й П. Е. Современное положение Червоной Руси. Одесса, 1914. С.6.
9. М и с к о М. В. Октябрьская революция... С.33-34.
10. Б е л о к о н с к и й И. П. Галичина... С.112.

11. Галиция. Временный генерал-губернатор... С.8.
12. Белоконский И. П. Галичина... С.27.
13. Уланов В. Галиция в ее прошлом и настоящем. М., 1914. С.80.
14. Зубковский В. Галиция. Краткий обзор географии, этнографии, истории и экономической жизни страны. Харьков, 1914. С.12.
15. Военные преступления Габсбургской монархии 1914-1917. Галицкая Голгофа. Trzumsull (Conn.), 1964. С. 10.
16. Галиция. Временный генерал-губернатор... С.2.
17. Военные преступления... С.3.
18. Осечинский В. К. Галичина под гнетом Австро-Венгрии в годы первой мировой империалистической войны. Львов, 1949. С.14.
19. Миско М. В. Октябрьская революция... С.29.
20. Галиция. Временный генерал-губернатор... С.2.
21. Военные преступления... С.143.
22. Галиция. Временный генерал-губернатор... С.4.
23. Там же. С.27.
24. Там же. С.66.
25. Там же. С.9.
26. Осечинский В. К. Галичина под гнетом... С.18; Галиция. Временный генерал-губернатор... С.46;
- Макарчук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западно-украинских землях в период империализма. Львов, 1983. С.59-62.
27. Під прапором Жовтня. Львів, 1957. С.171.
28. Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. 1917-1918 гг. М., 1968. Т.1. С.59.
29. Там же. С.81.
30. Там же. С.86-88.
31. Мирные переговоры в Брест-Литовске. М., 1920. Т.1. С.48-49.
32. Там же. С.142-143.
33. Там же. С.184.
34. Поп И. Восточная политика Центральных держав после Брестского мира // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974. С.139.
35. Мирные переговоры... С.188.
36. K o w a l s k i J. Zarys historii polskiego ruchu robotniczego w latach 1918-1920. W-wa, 1959; K r z y k a - l a S. Rady delegatów na Lubelszczyźnie, 1918-1920 rr. Lublin, 1968.
37. Виторг В. И. Мир в Бресте. М., 1918. С.71.
38. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963. Т.1. С.414.
39. Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика нового времени. М., 1926. Вып.1. Ч.2. С.124.
40. Там же. Ч.2. С.136.
41. Ижборовская И. Между Киевом и Варшавой // Новое время. 1988. № 48. С.36.

42. Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy 1918-1919. W-wa, 1969; Gruberg K. Polskie koncepcje federalistyczne 1864-1918; Tomaszewski J. Kresy wschodnie w polskiej myśli politycznej XIX-XX w. // Między Polską etnyczną a historyczną. Wrocław etc., 1988. S. 117; Sejdaw. Kresy wschodnie w myśli politycznej polskiej irredenty w okresie powstaniowym (1864-1914) // Ibid. S. 167; Hennerling Z., Uśczałka A. Miejsce kresów i słowiańskich mniejszości narodowych w koncepcjach ruchu ludowego // Ibid. S.209; Wereszycski H. Znaczenie Powstania Styczniowego w dziejach narodu polskiego // Tygodnik Powszechny. 1982. № 22.
43. Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С.262.
44. Симоненко Р. Г. Імперіалістична політика Антанти і США щодо України у 1919 р. (Царизька мирна конференція і антирадянська Інтервенція на Україні). Київ, 1962. С.98.
45. Там же. С.91.
46. Deruga A. Polityka wschodnia ... S. 75.
47. Там же. С.46.
48. Черных М. Н. Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918-1921 гг. М., 1990. С.96.
49. Документы и материалы... Т.П. С.16.
50. Deruga A. Polityka wschodnia ... S. 58.
51. Ibid. S. 293-298.
52. Ibid. S. 186.
53. Jablonski H. Narodziny drugiej Rzeczypospolitej (1918-1919). W-wa, 1962. S. 244; Симоненко Р. Г. Імперіалістична політика... С.58.
54. Красная книга. Сборник дипломатических документов с 1918-1920. М., 1920. С.182.
55. Там же. С.197.
56. Там же.
57. Документы и материалы... Т.П. С.120.
58. Deruga A. Polityka wschodnia ... S. 297.
59. Paryska konferencja pokojowa 1919. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919. Dok. i mat. W-wa, 1966. T. 2. S. 160.
60. Gostyńska W. Materiały archiwalne o Tajnych rokowaniach polsko-radzieckich w Baranowiczach i Białowieżu // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. St. i mat. W-wa, 1969. T. IV. S. 153.
61. Ibidem.
62. Деникин А. И. Поход на Москву ("Очерки русской Смуты"). М., 1928. С.107.
63. Яжборовская И. Между Киевом и Варшавой... С.36.
64. Deruga A. Polityka wschodnia ... S. 234.
65. Красная книга... С.202.
66. История Гражданской войны в СССР. М., 1961. Т.2. С.694-696.
67. Paryska konferencja pokojowa 1919 ... T. 2. S.240.

68. Деруга А. Политика восточная ... S. 184.
 69. Парыска конференция покаяова. 1919 ... W-ва, 1965.
 Т. I. S. 160.
 70. Ibidem.
 71. Ibid. S. 64-65.
 72. Симоненко Р. Г. Имперіалістична полі-
 тика... С. I9.
 73. Парыска конференция покаяова. 1919 ... Т. I. S. 158.
 74. Ibidem.
 75. Ibidem.
 76. Ibidem.
 77. Ibidem.
 78. Ibid. S. 160.
 79. Поволяев В. Вопрос о границах Польши на
 Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. Рязань, 1950.
 С. I9.
 80. Парыска конференция покаяова. 1919 ... Т. I. S. 159-160.
 81. Ibid. Т. 2. S. 409.
 82. Ibid. S. 316.
 83. Деруга А. Политика восточная ... S. 185.
 84. Парыска конференция покаяова. 1919 ... Т. I. S. 161.
 85. Ibidem.
 86. Ibidem.
 87. Ibid. S. 256-257.
 88. Ibid. Т. 2. S. 409.
 89. Ibid. S. 410.
 90. Ibid. S. 456.
 91. Ibid. S. 244.
 92. Ibid. S. 352.
 93. Ibid. S. 342.
 94. Никольский Г. Как делался мир в 1919 г.
 М., 1945. С. I26.
 95. Sładek Z., Walenta J. Sprawy ukraińskie
 w czechosłowackiej polityce wschodniej w latach 1918-1922
 // Z dziejów stosunków ... W-ва, 1968. Т. III. S. 148.
 96. Парыска конференция покаяова. 1919... Т. 2. S. 222.
 97. Ibidem.
 98. Симоненко Р. Г. Имперіалістична полі-
 тика... С. I90.
 99. Закс З. Walka dyplomatyczna o naftę wschodnioga-
 licyjską w 1918-1923 // Z dziejów stosunków ... W-ва, 1969.
 Т. IV.
 100. Ibid. S. 164.
 101. Ibid. S. 43.
 102. Парыска конференция покаяова. 1919... Т. I. S. 163-164.
 103. Ibid. S. 164.
 104. Ibidem.
 105. Ibidem.
 106. Батовский Н. Линия Корзона а была Галиция
 восточная // Z dziejów stosunków ... W-ва, 1968. Т. III.
 107. Парыска конференция покаяова. 1919... Т. 2. S. 341.
 108. Ibid. S. 342.
 109. Деруга А. Политика восточная ... S. 255.

- II0. Штейн Б. Русский вопрос на Парижской мирной конференции (1919-1920) М., 1949. С.196.
- II1. Paryska konferencja pokojowa. 1919... Т.2.S. 341.
- II2. Документы и материалы... Т.Ш. С.291.
- II3. Paryska konferencja pokojowa. 1919... Т.2.S. 360.
- II4. Документы и материалы... Т.П. С.172, 422.
- II5. Paryska konferencja pokojowa. 1919... Т. I.S. 256, 257; Документы и материалы... Т.П. С.432.
- II6. Документы и материалы... Т.Ш. С.90.
- II7. Там же.
- II8. Там же. Т.П. С.508.
- II9. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика... Т.Ш. Вып. I. С.5.
- I20. Документы и материалы... Т.П. С.473.
- I21. Там же. С.498-521.
- I22. Там же. Т.Ш. С.38, 226.
- I23. Там же. Т.Ш. С.105-106, 126.
- I24. Odrodzenie. Wojna polsko-radziecka. W-wa, 1987.
- R.5. № 37. С. 2.
- I25. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика... Ч.Ш. Вып. II. С.5-8.
- I26. Яжборовская И. Между Киевом и Варшавой... С.36.
- I27. Документы и материалы... Т.П. С.362.
- I28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.120-145.
- I29. Документы и материалы... Т.Ш. С.38.
- I30. Черных М.Н. Юлиан Мархлевский... С.189.
- I31. Документы и материалы... Т.Ш. С.138.
- I32. Там же. С.145.
- I33. Там же. С.147.
- I34. Там же. С.227.
- I35. Красная книга... С.197.
- I36. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика... Ч.Ш. Вып. I. С.33.
- I37. История Гражданской войны в СССР... С.694-696.
- I38. Документы и материалы... Т.Ш. С.38.
- I39. Под прапором Жовтня... С.408.
- I40. Там же. С.610-611, 666.
- I41. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика... Ч.Ш. Вып. I. С.48.
- I42. Черных М.Н. Юлиан Мархлевский... С.187.
- I43. Документы и материалы... Т.Ш. С.160.
- I44. Тухачевский М. Поход на Вислу. М., 1923. С.33.
- I45. Мархлевский Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М., 1921. С.21.
- I46. Польско-советская война 1919-1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). М., 1994.
- I47. Под прапором Жовтня... С.327.
- I48. Z a k z Z. Radziecka Rosja i Ukraina wobec sprawy państwowej przynależności Galicji wschodniej 1920-1923 r.// Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Kraków-Warszawa, 1970. Т. VI. С. 73-74.
- I49. Ibid. С. 81.

- I50. Тухачевский М. Поход на Вислу... С.42.
 I51. Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский... С.262.
 I52. Тухачевский М. Поход на Вислу... С.42.
 I53. Там же. С.46.
 I54. Пилсудский Ю. 1920 г. М., 1926. С.130-
 I31. I55. Буденный С. М. Пройденный путь. М., 1965.
 С.338-339.
 I56. Ольшанский П. Н. Рижский мир. М., 1969.
 С.107.
 I57. Симоненко Р. Г. Імперіалістична політи-
 ка... С.107.
 I58. Ольшанский П. Н. Рижский мир... С.131.
 I59. Там же. С.132.
 I60. А ж н е п к і е і А. Od rządów ludowych do przew-
 rotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski 1918-
 1926 r. W-wa, 1936. S. 195; П а л е н ч Д. и Т. Юзеф
 Пилсудский... С.264.
 I61. Ольшанский П. Н. Рижский мир... С.136.
 I62. Z a k s Z. Radziecka Rosja i Ukraina ... S.82.
 I63. Документы внешней политики (ДВП) СССР. М., 1959.
 Т.Ш. С.204-206.
 I64. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.51. С.286.
 I65. Ольшанский П. Н. Рижский мир... С.143-
 I44. I66. Там же. С.153.
 I67. Там же. С.183-186.
 I68. Там же. С.185.
 I69. Там же. С.182-186, 197.
 I70. Там же. С.197.
 I71. Z a k s Z. Radziecka Rosja i Ukraina ... S. 81.
 I72. Ibid. S. 74-75.
 I73. К у ш а н і е с к і J. Traktat Ryski // Polityka.
 1988. № 11. Я ж о р о в с к а я И. Между Киевом
 и Варшавой... С.37.
 I74. Минский Г. Под игом польских панов. М.,
 1939. С.30.
 I75. Минский Г. Указ. соч. С.30; История УССР.
 Киев, 1984. Т.7. С.518; История БССР. Минск, 1961. С.352.
 В о н к о в і с з J. Sittauer-Luck. Osadnictwo wojskowe na
 Wolyńi // Rocznik Wolyński. Równe, 1934. Т. III. S. 522.
 I76. Ольшанский П. Н. Рижский договор и
 развитие советско-польских отношений. М., 1974. С.223.
 I77. Правовое положение святой автокефальной право-
 славной церкви в Польше. Варшава, 1931. С.28.
 I78. G e r t y c h J. O program polityki kresowej.
 W-wa, 1932. S. 52.
 I79. Р о м а н о в с к и й А. Очерки современной Польш-
 ши. М., 1926. С.155.
 I80. Ольшанский П. Н. Рижский договор...
 С.223.
 I81. Т о м а з з е w s k i J. Rzeczpospolita wielu na-
 rodów. W-wa, 1985. S. 131.

182. B a r d a c h J. O świadomości narodowej polaków na Litwie i Białorusi w XIX-XX // Między Polską etniczną a historyczną ... S. 228.
183. T o m a s z e w s k i J. Rzeczpospolita ... S. 30.
184. B a r d a c h J. O świadomości narodowej ... S.250.
185. T o m a s z e w s k i J. Rzeczpospolita ... S.116-117.
186. Ibid. S. 118.
187. Ibidem.
188. Ibid. S. 108; ИнСЛАВ и МГУ. Полесья и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983; П а ш а е в а Н. М., К л и м к с в а Л. И. Галицко-русская матица во Львове и ее издательская деятельность // Книга: Исследования и материалы. Сб. XXXIV. М., 1977. С.62.
189. T o m a s z e w s k i J. Rzeczpospolita ... S.74.
190. Ibid. S. 27.
191. Ibid. S. 40.
192. R o s s e r E. Atlas Polski współczesnej. Lwów-Warszawa, 1928. Wyd. 3.
193. T o m a s z e w s k i J. Rzeczpospolita ... S. 92.
194. На основе данных: J a n k o w s k i J., S e r a f i f s k i A. Polska w liczbach. Londyn, 1941. S. 33.
195. Ibid. S. 32.
196. T o m a s z e w s k i J. Rzeczpospolita...S.28,29.
197. Ibid. S. 27.
198. Ibidem.
199. Ibidem.
200. В а в р и к В. Р. Справка о русском движении в Галичине 1929 г. Львов, 1930. С.2-3.
201. Там же.
202. ДВП СССР. М., 1963. Т.7. С.425.
203. S m o g o r z e w s k i C. About the Curzon line and other lines. L., 1945. P.25.
204. Л у ч а н и н М. Заходняя Беларусь под панова-
нем Польшы. Менск, 1926. С.27.
205. Б р у к С. Население мира. Этнодемографический справочник, М., 1986. С.784, 142.
206. К о w a l s k i W. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939-1945). W-wa, 1966. S.661.
207. A j n e n k i e l A. Od rządów ludowych ... S.251.
208. J a n k o w s k i J., S e r a f i f s k i A. Polska w liczbach ... S. 33.
209. S m o g o r z e w s k i C. About the Curzon line. ... S. 25.
210. Р о м а н о в с к и й А. Очерки... С.150-158.
211. Малая Советская Энциклопедия. Т.3. С.236; Т.6. С.706; Т.9. С.115.
212. В р у б л е в с к и й А. Польша. Київ, 1937. С.137.
213. М и н а е в В. Западная Белоруссия и Западная Украина под гнетом панской Польши. М., 1939. С.14.

214. К л о к о в В., О р д и н А. Великий освободительный поход Красной Армии. Воронеж, 1940. С.15.
215. Б у л д ы к И. Функционирование белорусского и русского языков в сельской местности Гродненской области БССР. Минск, 1983.
216. B a r d a c h J. O świadomości narodowej...S.228.
217. Umowy graniczne PRL. W-wa, 1974. S. 9-13.
218. Ibid. S. 14-17.
219. Е в с е е в И. Ф. Сотрудничество Украинской ССР и Польской Народной Республики (1944-1960). Киев, 1962. С.127.
220. T o m a z z e w s k i J. Rzeczpospolita... S.270.
221. Ibid. S. 271.
222. Ibid. S. 270.
223. Е в с е е в И. Ф. Сотрудничество... С.127.
224. Большая Советская Энциклопедия. М., 1977. Т.28. С.596.
225. Белорусская Советская Энциклопедия. Минск, 1970. Т.2. С.261, 41; Г о л с т о й В. С. Братское сотрудничество белорусского и польского народов. Минск, 1966. С.25.
226. Д з в ю к Ю. Юго-Восток Белостокского воеводства. Минск, 1969. С.20-21.
227. Большая Советская Энциклопедия. М., 1970. Т.3; М., 1973. Т.14; М., 1977. Т.26.
228. B a r d a c h J. O świadomości narodowej...S.268.
229. Б у л д ы к И. Функционирование...; Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. М., 1981. Т.4. С.27, 96.
230. Acta Baltica Sławica. XI. Wrocław etc., 1977. S. 228, 229; Atlas gwar wschodniosłowiańskich na Białostoczczyźnie. Wrocław etc., 1980. Т.1. S. 123.
231. Краткая Географическая Энциклопедия. М., 1961. Т.2. С.12-13; Большая Советская Энциклопедия. Т.15. С.408-409.
232. Малая Советская Энциклопедия. М., 1959. Т.3. С.784-785; Украинская Советская Энциклопедия. М., 1961. Т.5. С.12-13.
233. Белорусская Советская Энциклопедия. М., 1981. Т.4. С.392-393.
234. D e j n a K. Atlas polskich innowacji dialektycznych. Warszawa-Lódź, 1981.
235. Acta Baltica Sławica...; Atlas gwar wschodniosłowiańskich...; Ш и р н о в Е. Е. Беларусь: Русь Белая, Русь Червоная и Литва в картах. Минск, 1991.

Учитывая вышеизложенное, автор пришел к следующим выводам.

Особенности социально-политического развития, связанного с этапами становления польско-советской границы указанного периода, нельзя рассматривать изолированно, вне контекста многовековой истории польско-русских (украинских и белорусских) национальных и государственных взаимоотношений. Важным аспектом этих взаимоотношений являются особенности формирования национального пограничья, взаимодействия польского и восточнославянского (украинского и белорусского) населения.

Католицизм, утвердившийся на западе бассейна Вислы, стал там "национальной" религией, а впоследствии и вероисповеданием части населения на востоке, попавшего под власть польских королей. При этом речь шла об известной денационализации православных и "русских начал" этнического облика местного населения. Процесс этот продолжался и в XX в.

Ко времени возникновения независимого польского государства полоса взаимодействия восточнославянского и польского этноса, как представляется, в целом находилась в междуречье Вислы, Нарева, Буга и Сана. Специфика этносоциальной ситуации, а также недостаток многих данных и неизученность национального развития на этническом пограничье не позволяют точно выделить пределы разграничения национальных территорий для того периода. Определенные автором рубежи (к западу от которых прослеживаются более или менее широкие переходные зоны между национальными территориями) являются лишь условными пределами.

Правящие круги межвоенной Польши возражали против решения вопроса границы на востоке на основе признания права народов на самоопределение, предлагавшегося правительством РСФСР и других советских республик. Отстаивая интересы польских помещичьих кругов на землях Белоруссии и Ук-

райны и опираясь на исторические традиции польско-католической восточной экспансии, Польша предпочла решать его путем военных захватов.

Предложенная западными державами в качестве советско-польского разграничения так называемая линия Керзона, хотя и не была тождественной польским национальным рубежам на востоке, проходя восточнее их, однако представляла собой обоснованную для Польши в военном и экономическом отношении границу, в основном исходившую из этнической основы.

В ходе польско-советской войны 1920 г., в период отступления польских войск, правительство РСФСР и УССР выражали согласие на эту линию как основу разграничения, идя тем самым на известные уступки польской стороне. Но когда ход войны переломился, Польша сумела навязать советским республикам границу, проходящую много восточнее линии Керзона и собственно польских земель.

Политика колонизации, проводимая польским правительством на захваченных белорусских и украинских землях, способствовала некоторым изменениям в этносоциальной ситуации на востоке в межвоенный период. Однако коренное компактное католическо-польское население, отмечавшееся там к концу этого периода, было восточнославянского происхождения, вопрос о численности и размещении которого требует дальнейшего изучения. Восточнославянское население в Польше к 1939 г. могло составить до 11 млн. человек (в том числе украинского до 8 млн. и белорусского до 3 млн.) на площади не менее 216,6 тыс. кв. км и сохранило в основном ареал своего расселения на западе, каким он прослеживался к периоду 1914-1918 гг.

Свое решение вопросы границ между Польшей и СССР (республиками Украины, Белоруссии и Литвы) с взаимным учетом интересов сторон получили лишь в 1944-1945 гг. В основу границы была положена именно линия Керзона с отклонениями до 30 км от нее в пользу Польши. В результате обмена населением между Польшей и СССР с целью выравнивания этнических и государственных рубежей линия послевоенной польско-

советской границы уже в большей степени отвечает принципу разграничения на этнической основе, чем в 1919-1920 гг.

Вместе с тем, вопросы становления конкретной линии государственных границ не следует сводить к абсолютизации тех или иных признаков (национальных, политических, стратегических, экономических и т.д.) независимо от того, какая именно концептуальная идея (национальная, историческая, религиозная и т.п.) была положена в основу для ее определения.

- Августов 27,36,37,141
 Августовская губ.[№] 5,24,27-34,39,44
 Августовский у. 27-33,141
 Австрия, Австро-Венгрия, Австро-Венгерская империя,
 империя Габсбургов 3-5,9,10,20,40,56,57,59,60,
 61,63,72,73,87,88,90,92,96-100,102,131,134,142,149
 Америка, США 60,119,120,132,148
 Англия см.: Великобритания
 Бавария 121
 Балтийское море 163
 Бар 135
 Барановичи 96,112,113,148,150
 Бела 54
 Белая, р. 41
 Белжице 53,75
 Беловежа 113,149
 Беловежская пуца 116,124
 Белокоровичи 135
 Белоподляский у. 42,107
 Белоруссия, БССР 8,19,37,74,96,98,100,102,104,105,
 108-113,118-121,128,135,136,138,141-143,149,157;
 160,162,164,172,173
 Белосток 25,108,141-145
 Белостокский окр. 101,102,107
 Белостокский у. 24,26,28,29,31,33-36,107,110,141
 Белостокское в-во 7,20,37
 Белостокина, Белостокский регион 24,25,28,30-33,
 35-39,56,70,75,100,102,107,111,112,116,119,121,
 122,124-126,141-144,163,164,175

* Сокращения, принятые в Указателе: в-во - воеводство;
 ген.-губ. - генерал-губернаторство; губ. - губерния;
 зал. - залив; обл. - область; оз. - озеро; окр.-округ;
 о. - остров; отр. - отроги; п. - повет (повят); р.
 река; у. - уезд.

- Бельск 26
 Бельский у. 24, 26, 30, 31, 33-36,
 48, 107
 Березина, р. 112, 141
 Берёзов 61
 Берёзовский у. 107, 118
 Бержники 121
 Бессарабия 129
 Билгорай 51, 53, 54, 100
 Билгорайский у. 40, 48, 107
 Бискупце 55, 75
 Бобр, р. 141
 Болгария 100
 Борисов 135
 Божня 71
 Бочки 25
 Брацлавский у. 126
 Брест (Брест-Литовск) 10, 24,
 96-102, 107, 108, 123, 124,
 140, 143, 149
 Брест, окр. 107, 114
 Брестская крепость 124
 Буковина 61, 63, 89, 117, 129, 146
 Быхава 53

 Варта, р. 97
 Варшава 103, 115, 130, 138, 142, 147, 148, 153
 Варшавская губ. 3, 31
 Ватикан 40
 Великобритания 119, 120, 128, 130,
 132, 140, 148
 Великое Княжество Литовское 104, 106,
 107, 126
 Величка, у. 71
 Вена 58, 118
 Венгрия 121
 Венгров 46, 55, 75
 Вепрь, р. 42, 46,
 51, 53, 56
 Версаль 125
 Вигоновское оз. 100
 Визна 29, 31, 38, 75
 Вилейка, р. 150
 Виленская губ. 3,
 16, 17, 20, 100, 105,
 107, 110, 126, 141
 Виленский у. 33
 Виленское в-во 20
 Виленщина, Виленский
 край 20, 141, 151,
 155, 156, 164
 Вильно 20, 109, 112,
 138-141, 151
 Висла, р. 43, 44, 46,
 47, 49, 50, 53, 55,
 56, 64, 71, 75, 88,
 89, 125, 142, 147,
 172
 Вислок, р. 64, 71,
 75
 Витебск 113
 Витебская губ. 3,
 17, 110
 Владимир-Волынский
 116, 149
 Влодавский у. 48
 Волга, р. 21
 Волжинка, р. 141
 Волковск 101, 143
 Волкуш, р. 27
 Волынская губ. 3,
 16, 17, 48, 105

- Вольнь 50, 57, 59, 96, 105,
 II4-II6, 120, 137, 138, 154
 Волька Округла 55
 Восточная Галиция 59, 62-69,
 71, 72, 75, 88-90, 92, 93, 95,
 99, 103, 105-107, 113, 115-
 118, 121, 127, 129-135, 137,
 139, 140, 142, 143, 146, 149-
 152, 154, 159
 Восточная Европа 104, 106, 135
 Восточная Пруссия 111, 121, 122, 143
 Высоко-Литовск 100
 Высокомазовецк 31
 Высокомазовецкий у. 31
 Вышеград 137
 Вышинец 27
 Гайновка 121
 Галиция 3, 6, 10, 20, 22, 24, 41, 44,
 56-67, 69-74, 87-95, 106, 115-118,
 120-122, 127-135, 138, 140, 142,
 146, 159, 163, 164, 175
 Галицкая Русь 119
 Галицкая Социалистическая Совет-
 ская Республика (ГССР) 142, 146
 Галицкое ген.-губ. 89
 Гарволин 46
 Гданьский зал. 163
 Германия 9, 87, 96-103, 106, 107, 111,
 112, 121, 122, 125, 137, 142, 143
 Годышев 31
 Гониондз 36
 Горай 53
 Горлице 61, 71, 88, 159
 Граево 107, 143
 Грибов 61, 71
 Гродзиск 61
 Гродненская губ. 3, 5, 16,
 17, 20, 24, 27, 28, 31, 33-
 35, 37, 38, 48, 50, 100, 102,
 105, 107, 110, 126, 141
 Гродненский окр. 101, 102
 Гродненский у. 33
 Гродненщина 20, 155, 164
 Гродно 24, 25, 111, 123, 124,
 140-142
 Грубешов 140
 Грубешовский у. 42, 43, 48
 Гута 30
 Гута Крешевская 53
 Даго, о-в 101
 Двинск (Динабург) 96, 113,
 141
 Деражни 135
 Дисна 150
 Днепр, р. 21, 105
 Днестр, р. 89, 130, 149
 Добромильский у. 89
 Домброва 29
 Дон, р. 117
 Дорогуск 140
 Дрисса, р. 135, 141
 Дрогичин 25, 26, 41
 Дрогобыч 62
 Дрогобычская обл. 163
 Друскеницы 37
 Дубенский у. 137
 Дубецко 71
 Дубно 116
 Дукля 61, 71
 Дунаец, р. 64, 88

Дунай, р. 96

Европа 100, 119, 164

Езери, у. 107

Жабинцы 102

Жданов 51

Жегестов 71

Житомир 112

Забужье см.: Холмщина

Закарпатская Русь (Закарпатье)

61, 117, 129

Закржувок 55, 75

Замостский у. 42, 43, 45, 48, 107

Замостье 54

Замостье, окр. 107, 114

Западная Белоруссия 156, 160, 162

Западная Галиция 62, 64-67, 69-71,

75, 88-91, 104, 107, 118, 127, 131

Западная Двина, р. 141, 150

Западная Украина 7, 162

Западно-Украинская Народная

Республика (ЗУНР) 4, 103, 108,

115, 117, 118, 127-129, 146, 151, 153

Западный Буг (Буг), р. 24, 25, 31, 38,

42-44, 49, 55, 56, 107, 121, 124, 125, 142,

143, 145, 148, 172

Западный край Российской империи 3,

16, 18

Збруч, р. 115, 118, 137, 148, 150, 159

Здолбунов 137

Зелехов 46, 75

Зельвянка, р. 108

Змигород 61

Иван-Город 46

Кавказ 104

Калишская губ. 3

Каменец-Литовский

100, 101

Каменец-Подольский

113, 137

Каменецкие отр. 137

Каменецкий у. 151

Карпаты 59, 60, 64, 71,

75, 88, 96, 117, 129,

140, 143

Келецкая губ. 3

Киев 98, 115, 138

Киевская губ. 3, 17

Кнышин 25, 29

Кобрин 102, 108

Ковель 107, 108

Ковенская губ. 3,

17, 19, 105, 110

Ковно 20, 110, 111

Колбушевский у. 89

Константиновский у.

48, 107

Королевство Галиции

и Лодомерии см.: Га-

лиция

Краков 67, 71, 88

Краковский у. 71

Красник 46

Красностав 51, 54, 100

Красноставский у. 42,

43, 46, 48

Кременецкий у. 137

- Крешов 51
 Кросно 159
 Кросьценко 71, 75
 Крылов 140, 144
 Крым 147
 Крыница 159
 Кубань 104
 Курляндия 96
- Ланьцутский у. 89, 107, 118
 Латвия 99, 111, 140, 150
 Лежайск 75
 Лемковщина 58, 64, 67, 71, 75, 88,
 115, 127, 129, 131, 146, 154, 164
 Лепельский у. 151
 Лида 101, 112
 Лик, р. 27
 Лиманова у. 64
 Лиско у. 118
 Литва 16, 96, 98-100, 104, 108-113,
 118, 119, 126, 128, 135, 137, 140-
 142, 144, 149, 151, 152, 164, 173
 Литва историческая см.: Великое
 Княжество Литовское
 Литовская Советская Республика,
 ЛитССР 109, 110, 141, 160
 Литовско-Белорусская Советская
 Социалистическая Республика
 109-111, 141
 Лодзинская губ. 3
 Ломжа 30, 31, 75
 Ломжинская губ. 3, 24, 31, 36-38,
 13
 Ломжинский у. 28-32
 Лосицы 41, 51
 Луков 42, 44, 53, 55, 56, 75
 Луковский у. 42, 44
- Лунинец 148, 150
 Луцк 96, 116
 Львов 58, 62, 88, 103, 117,
 127, 131-134, 138, 143,
 147, 148
 Львовская губ. 89
 Львовский у. 72, 118
 Львовщина 133
 Любартов 55, 75
 Любартовский у. 48
 Люблин 41, 46, 47, 56, 75,
 103, 147
 Люблинская губ. 3, 5, 30,
 39, 41, 42, 44-47, 53, 54,
 103
 Люблинский у. 42, 43, 45
 Люблинское в-во 163
- Мазовецкий у. 36
 Мазовецкое княжество 46
 Мазовия 70
 Малопольша 154
 Малороссия 128
 Межиречье 41, 54, 100
 Мелецкий у. 64
 Мельник 100, 121
 Микашевичи 113
 Минск 112, 138, 141, 143
 Минская губ. 3, 17, 20,
 105, 107, 109, 110, 137,
 141
 Могилев 113
 Могилевская губ. 3, 17, 110
 Мозырь 113
 Молдавия 98
 Молодечно 113, 147
 Момоты 41

- Моозунд 99
 Москва II3
- Нарав, р. 24, 3I, I25, I43, I72
 Недзвице 53
 Неман, р. 36, 87, I08, I2I, I24, I38, I4I, I42, I49, I53
 Немиров I40
 Нисковский у. 89, I07
 Новогрудок II2
 Новогрудское в-во 20
 Новокопстантиновский у. I5I
 Новоушицкий у. I5I
 Новы Сонч 7I, 75
 Нотец, р. 97
 Нур 38, 56
- Огинский канал I50
 Одра, р. 2I
 Ольшанка 5I
 Омск II9
 Орша II3
 Освенцим, у. 7I
- Паланга* II0
 Париж I03, III, II2, II5, I20, I26-I28, I33, I52
 Паричи I35
 Перемышль I40, I42
 Перемышль, окр. I07, II8
 Перемышльская губ. 89
 Перемышльский у. 89, I07
 Петроград II2
 Пилявцы I35
 Пинск 96, I02, I08, III
 Плоцкая губ. 3, 28, 30, 3I
- Подкарпатская Русь см.:
 Закарпатская Русь
 Подляшье 22, 24, 30, 3I, 38, 44, 48, I0I, I07, I08, III, II3, II5, II6, I20, I2I, I24, I54
 Подолия 57, 59, I20, I38
 Подольская губ. 3, I7, I05, II5
 Познань 87, I08
 Полесье 96, I43, I5I, I55, I56
 Полоцк I35
 Польща 2, 4, 5, 7-I0, 20, 37, 56, 69, 74, 87, 90, 97, I00-I02, I04-I I3, II5-I27, I30-I45, I47-I53, I55, I57-I59, I6I-I64, I72, I73, I75
 Попрад, р. 6I
 Правобережная Украина II8
 Прешов I29
 Прибалтика 98, I02, I08
 Прикарпатье 67, 9I, II7, II8, I30, I32
 Припять, р. I37
 Присека, р. 25
 Проворский у. 89, I07
 Проскуровский у. I5I
 Пружаны I00, I0I, I08
 Пруссия 3, I02
 Птичь I35
 Пугачев I00
 Пулавы 46
 Пуньск I2I
 Пятница 30, 3I
- Раба, р. 67, 7I
 Рабочница 5I
 Рава-Русская I40

- Рава-Гусский п. 94
 Радимин (Радзимин) I47
 Радин (Рад, Радынь) 4I, 54, 56, I00
 Радинский у. 42, 48
 Радомская губ. 3
 Райгорсд 29, 30, 36, 37
 Раков 4I
 Речь Посполитая 3, 39, 88, I36
 Решевский у. 89
 Рига 96, I48, I5I-I53
 Рижский зал. 96, 99, I0I
 Ровенский у. I37
 Ровно I48, I50
 Рожанка, р. I08
 Российская империя, Россия 3-6,
 9, I0, I6-20, 33, 34, 38-40, 47, 56,
 58, 59, 63, 68, 69, 72-74, 87-9I,
 93-96, 99-I03, I05, I06, I09, IIO,
 IИ3, IИ7, IИ9, I20, I22-I25, I28,
 I29, I33-I35, I37, I39, I40, I44,
 I46, I49-I53
 Румуния I03
 Русь 23, 3I, I28
 Русь Шляхтовская 68
 Самбор 62
 Самборский у. 89
 Сан, р. 44, 56, 64, 67, 7I, 75, I04,
 I3I, I34, I42, I43, I72
 Санок 7I, I42
 Санокский у. I07, IИ8
 Сарнаки 5I, I00
 Сарны I50
 Свенцянский у. I26
 Свислочь, р. I24, I49
 Седлец (Седльцы) 44, 54, 55, 75
 Седлецкая губ. 3, 39, 54
 Седлецкий у. 42, 44, 49
 Сейненский у. 29-32, I4I
 Сейны 30, I27
 Сикоры 56
 Силезия 87
 Сиява 54, 7I
 Скидель I08
 Слоним I08
 Смоленская губ. IIO
 Смоленщина I09
 Советская Россия, РСФСР
 96, 98-I02, I04, I09-IИ2,
 IИ4, IИ6, IИ9, I29, I30,
 I35-I4I, I43-I46, I49-I53,
 I72, I73
 Советская Украина, Украин-
 ская Советская Социали-
 стическая Республика, УССР
 99, IИ4, IИ6, I35, I36, I38,
 I4I-I44, I46, I47, I49-I53,
 I57, I60, I62, I63, I73
 Соколовский у. 40, 48
 Соколы 3I
 Сокольский у. 24, 33, 34, 36,
 37, I07
 Союз Советских Социалисти-
 ческих Республик (СССР)
 5, 7, 8, I0, 75, I60, I63, I73
 Спа I39, I44, I48
 Стависки 30
 Станиславов 44
 Станиславовский у. 72
 Ствига, р. I48
 Стердынь 46, 54
 Стрый, р. I30

- Стырь, р. II5, I50
 Сувалки 27, 29, 30, 32, 36, 37, III,
 I27, I64
 Сувалкская губ. 3, 24, 28, 33-35,
 37, I02, I07, II0, III, I24, I26, I4I
 Сувалщина III, I26, I27
 Съенница 53
- Талергоф 72
 Тарнобжегский у. 89
 Тарнов 69, 88
 Тарногород 54, I00
 Татры 68, 7I, I64
 Тернополь I46
 Тернопольская губ. 89
 Тернопольский у. 72
 Томашевский у. 48, 50
 Туробин 46, 53
 Турция I00
- Угорская Русь см.: Закарпатская
 Русь
 Украина 8, 58-60, 98-I02, I04-I09,
 III, III3-III8, I28, I29, I36-I38,
 I4I-I44, I49, I5I, I52, I63, I64,
 I72, I73
 Украинская Народная Республика
 (УНР) 98-I00, I02, I03, II5, I27,
 I36, I37, I5I
 Уланов 4I, 55, 6I, 75
 Устилуг I40
- Финляндия I40
 Франция II8-I20, I3I, I32, I48
- Харьков 98, II4
- Холм II5, II6, I2I, I22, I24,
 I26
 Холм, окр. I07, II4
 Холмская губ. 39, 48, 5I,
 52, I24
 Холмский у. 48
 Холщина I8, 24, 38-4I, 47-
 57, 59, 66, 70, 75, 99-I02,
 I07, I08, III, III3-III6, III9,
 I20, I22, I24, I25, I37, I38,
 I4I-I44, I5I, I54, I63, I64,
 I75
 Хржанов, у. 7I
- Царство Польское 3, I9, 20,
 24, 27, 28, 32, 38-40, 48, 63,
 87, 95, 96, 99, I03, I04
 Центральная Европа I04
 Цехановец 37, 75
- Черновицкая губ. 89
 Чехословакия I29, I37
 Черная Ганьча, р. I2I
 Черное море 96
 Черный Дунаец, р. 7I
 Чуднов I35
- Шамборн 3I
 Шара, р. I50
- Щебрешин 4I, 54, I00
 Щучин 30, 37, 75
- Эзель, о-в I0I
 Эстляндия III

Юго-Западный край Российской империи 3, 16, 18

Яловка 121, 140

Яновский у. 48

Ярослав 71, 107, 142

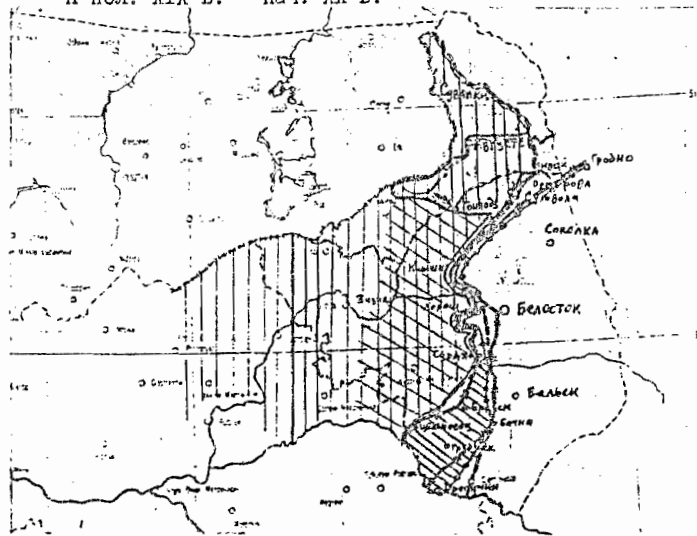
Ярославский у. 118

Ясельда, р. 150

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В РАЙОНАХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКО-ПОЛЬСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.	
I. Общая характеристика этносоциальной ситуации пограничья	15
2. Белостокский регион	24
3. Холмщина	38
4. Галиция	56
ГЛАВА II. ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ НА ПОГРАНИЧЬЕ В 1918-1921 гг.	
I. Политика российской администрации в Галиции в 1914-1915 гг. и национально- политическая ситуация в крае	87
2. Проблема восточных польских границ в период Брестского мира	95
3. Восточная политика Польши в конце 1918-1919 г.	102
4. Вопрос о польской восточной границе на Парижской мирной конференции	119
5. Польско-советская война. Рижский мир и установление границы между Польшей и советскими республиками	135
6. Национальная политика Польши на "восточных кресах" в 1921-1939 гг.	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	175
ОГЛАВЛЕНИЕ	
ПРИЛОЖЕНИЕ (Карты)	

Карта 1. Этнографическая карта-схема Белостокщины -
II пол. XIX в. - нач. XX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Западные рубежи "русского" населения на Белостокщине

—|—|—|—| по Шафартику 1843 г.

—○—○—○ по Бобровскому 1863 г.

— — — — — по Кояловичу 1884 г. (карта)

- - - - - " " " " 1885 г.

- · - · - · по Риттиху 1863 г.

линия восточного расселения мазур по Бобровскому район "Королёвского" русского" говора" по Бобровскому, Кояловичу, Чубинскому, Романову (1863-1911 гг.)

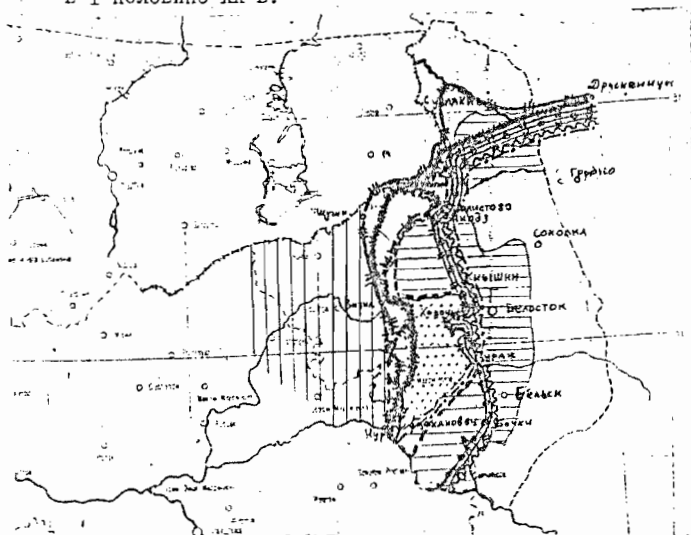
мазуро-курпиковские районы по работам русских авторов XIX в.

— — — — — границы губерний II пол. XIX в.

—|—|—|—| государственная граница

полоса "обрусения" в Августовской губернии по Риттиху - 1863 г.; белорусские районы Белостокского уезда Гродненской губернии по Будиловичу - 1906 г. и Романову - 1911 г.; белорусы в Ломжинской губернии по Турко - 1889 г.

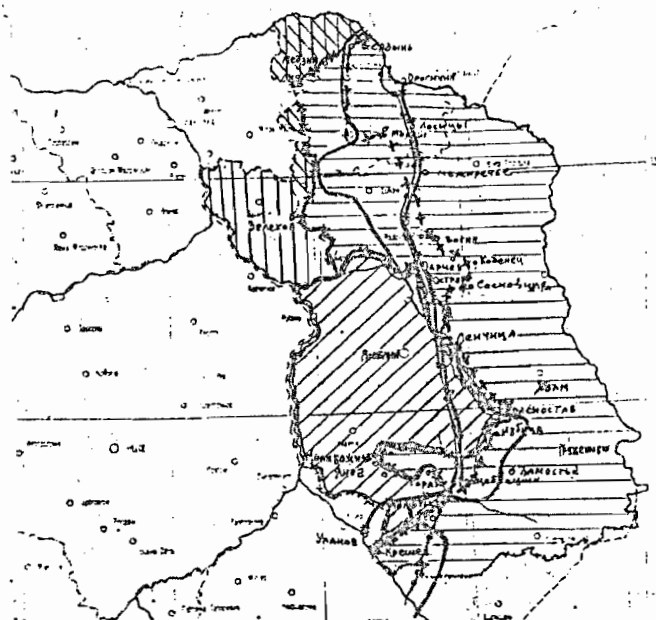
Карта 2. Этнографическая карта-схема Белостокщины
в I половине XX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Западные рубежи "русского" населения на Белостокщине
- по Флоринскому 1907 г.
 - по Нидерле 1909 г.
 - по данным Императорской Академии наук 1914 г.
 - по Карскому 1917 г.
 - по Гарецкому 1928 г.
 - по Супинскому 1932 г.
 - по Волкову и Токареву 1958 г.
 - автора настоящей работы
 - районы, где, по Курнатовскому, польское население составляет от 20% до 50% всего населения 1914 г.
 - районы Ломжинской губернии, где по данным русских авторов отмечается и в нач. XX в. "русское" население
 - районы "переходной" этнической зоны
 - западная граница исторических земель Подляшья - Atlas historyczny Polski. W., 1973. S.20-29
 - политические польско-русско-литовские рубежи в XIV-XVI вв. согласно русским авторам
 - границы губерний в нач. XX в.
 - государственная граница

Карта 3. Этнографическая карта-схема Холмщины II пол. XIX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

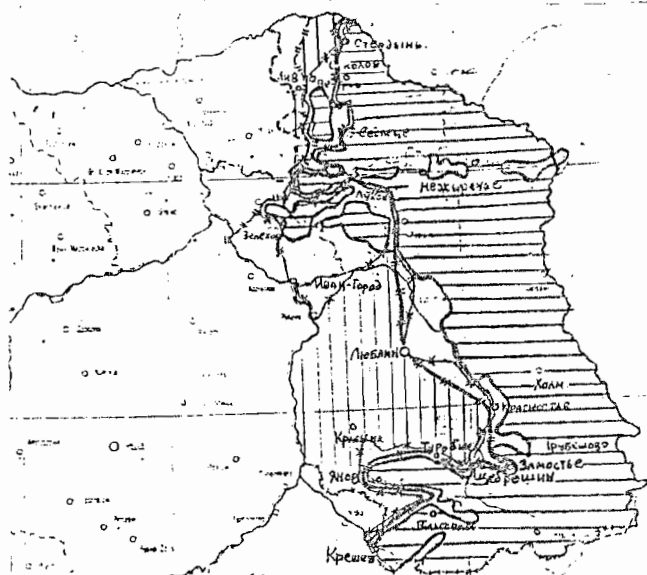
Западные рубежи "русского" населения Холмщины

- по Шафартику 1843 г.
- по Эркерт 1863 г.
- ×—×—×— по Риттиху 1863 г.
- +—+—+— по Кояловичу 1884 г. (карта)
- — " — " — " 1885 г.

Районы расселения по Риттиху 1863 г.

- ▬▬▬▬ "русских" (подлясаков и малоросов)
- ▨▨▨▨ люблян
- ▧▧▧▧ мазур
- ▩▩▩▩ районы "обрусения" мазур по Риттиху 1863 г.
- - - - - граница Люблинской губернии в середине XIX в.
- +—+—+— государственная граница

Карта 4. Этнографическая карта-схема Холмщины. Конец XIX в.

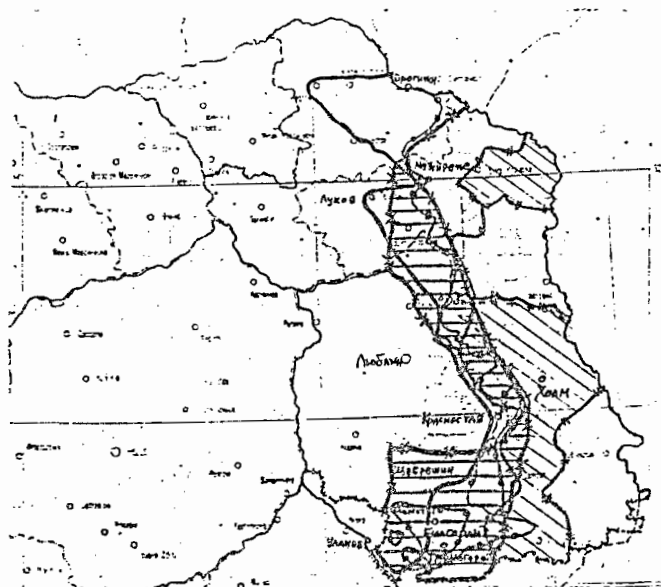

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Западные рубежи "русского" населения Холмщины

- по Мирковичу и Риттиху 1875 г.
- +—+— по Риттиху 1885 г.
- x—x— по Лонгинову 1885 г.
- ▬▬▬▬▬▬ районы расселения "русских" по Мирковичу и Риттиху 1875 г.
- - - - - историческая граница Мазовецкого воеводства Речи Посполитой (до разделов) - *Atlas historyczny Polski. W., 1973. S. 28-29*
- — — — — граница Люблинской губернии II пол. XIX в.
- +—+—+— государственная граница
- ▬▬▬▬▬▬ районы "переходной" этнической зоны к концу XIX в.

Карта 5. Этнографическая карта-схема Холмщины в нач. XX в.

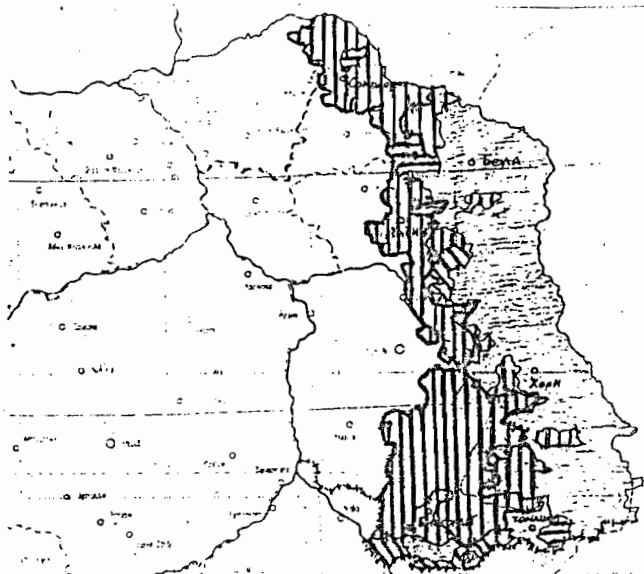

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Западные рубежи "русского" населения Холмщины

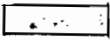

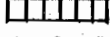
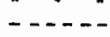
- по Флоринскому 1907 г.
- по Нидерле 1909 г.
- +— по Курнатовскому 1914 г.
- x— по лингвистическим данным Императорской Академии наук 1914 г.
- ▬ районы, где "русское" население составляло менее 50% всего населения 1914 г.
- ▨ районы, где по Курнатовскому польское население составляло от 20% до 50% всего населения 1914 г.
- - - границы губерний в нач. XX в.
- · - · - государственная граница

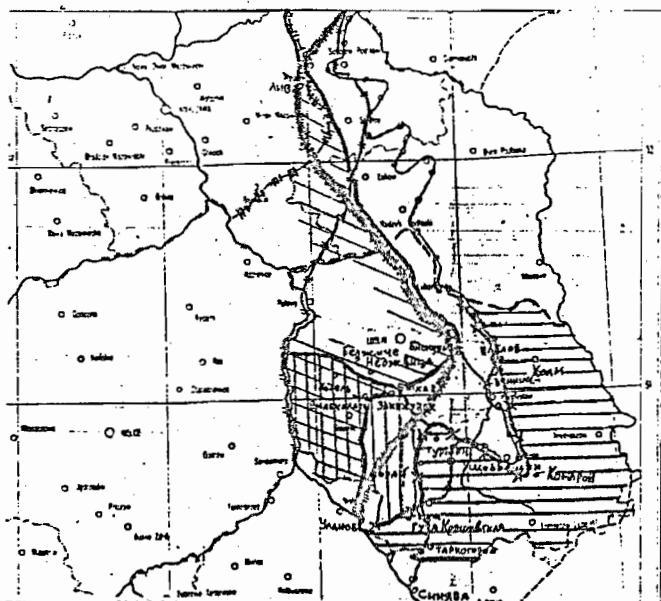
Карта 6. Этнографическая карта-схема Холмщины нач. XX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Размещение "русского" и православного населения Холмщины по Францеву 1909 г.

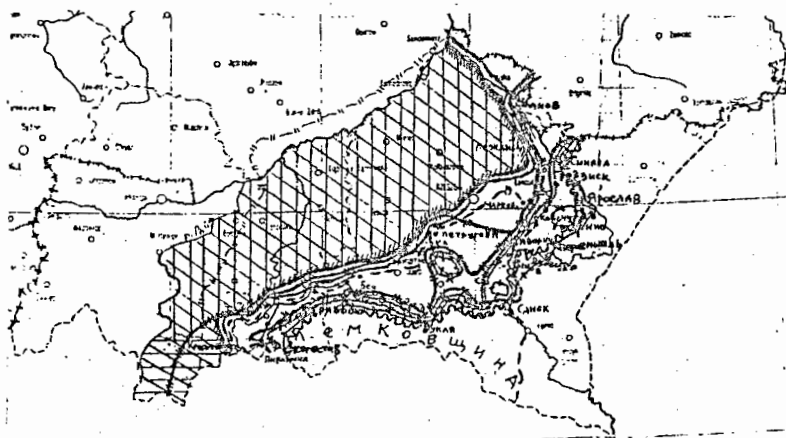
—	западные рубежи территории расселения "русского" и православного населения
	районы с преобладанием "русских" и православных от 50% до 100%
	"русские" и православные до 50%
	- " - " - " - " - " - от 20% до 50%
	- " - " - " - " - " - менее 20%
—•—•—•—•—•—•—	граница Холмской губернии 1912 г.
- - - - -	граница губерний в нач. XX в.
—•—•—•—•—•—•—	государственная граница

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Западные рубежи "русского" (украинского) населения Холмщины
- ✕ — ✕ — ✕ по Холмитянину 1912 г.
 - ◊ — ◊ — ◊ по Рудницкому и Скрипнику 1929 г.
 - ▬ по Токареву 1958 г.
 - автора настоящей работы
 - политические польско-русские рубежи к XI-XII вв. согласно русским авторам
 - ▬ районы расселения "русского" населения в Люблинской губернии по Холмитянину 1912 г.
 - ▬ районы расселения "переходного" племени по Холмитянину 1912 г.
 - ▬ районы "переходной" этнической зоны в нач. XX в.
 - историческая граница земель Мазовецкого воеводства Речи Посполитой (до разделов) Atlas historyczny Polski. W., 1973. S. 28-29.
 - - - границы Люблинской губернии в начале XX в. до 1912 г.

Карта 8. Этнографическая карта-схема этнического пограничья в Галиции XIX - XX вв.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Западные рубежи "русского" (украинского) населения в Галиции

по Шафарыку 1843 г.

по Эркерту 1863 г.

по Головацкому 1882 г.

по Спетту 1910 г.

согласно русским авторам периода I мировой войны

согласно советским авторам межвоенного периода

по Токареву (восточнославянских языков и диалектов) 1958 г.

автора настоящей работы

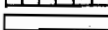
территория Лемковщины по Тарновичу 1936 г.

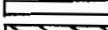
политические польско-русские рубежи к XI-XII вв. согласно русским авторам

районы расселения галицких мазур

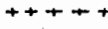
районы расселения части горалей (гуралей) в Татрах

"переходная" этническая зона

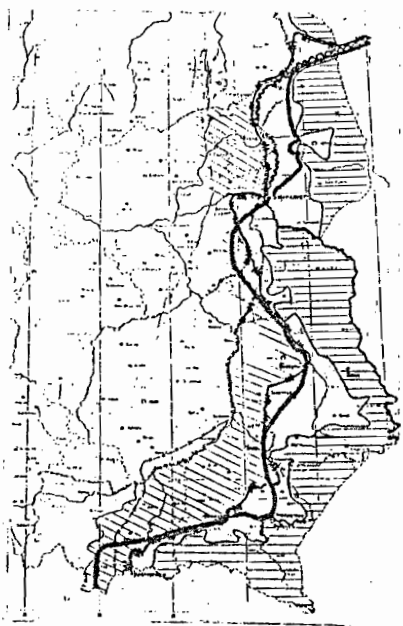

границы провинций

государственная граница

Карта 9. Этнографическая карта-схема польско-"русского" этнического пограничья в XX в.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Западные рубежи "русского" (белорусского и украинского) населения пограничья

по Супинскому 1932 г.

по Токареву (языков и диалектов) 1958 г.

автора настоящей работы

районы смешанного польско-белорусского и польско-украинского населения по данным советских авторов 1952 и 1961 гг.

политические польско-русские рубежи к XI-XII вв.

польско-русско-литовские рубежи в XIV-XVI вв.

согласно русским авторам

историческая граница земель Мазовацкого воеводства бывшей Речи Посполитой

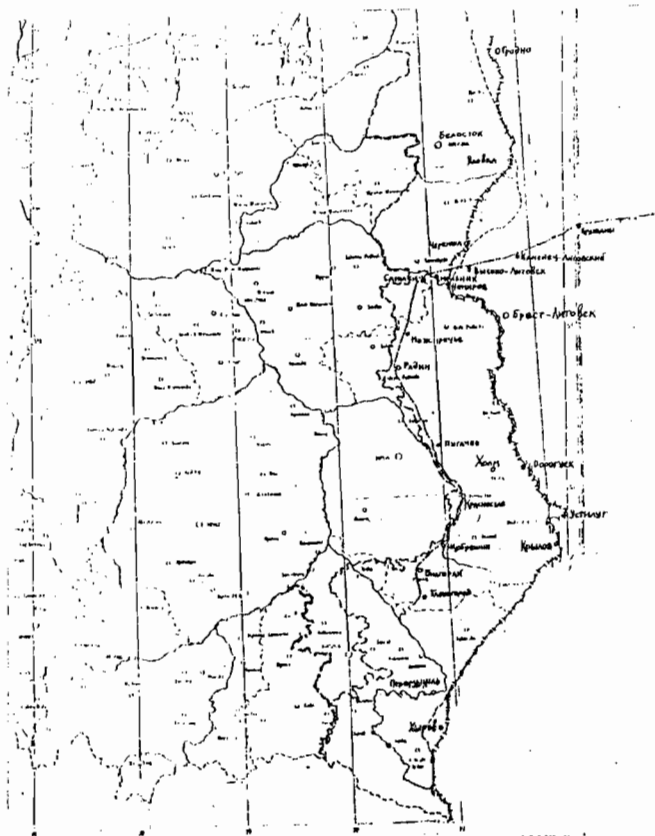

"переходные" этнические зоны к 1914-1918 гг.

государственные границы на 1914 г.

Карта Ю. Территориально-политическое размежевание на пограничье 1918-1919 гг.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- · — · — западная граница УНР по мирному договору от 9 февраля 1918 г. в Бресте
- — — — — западная граница "этаповых округов" (выявлена автором)
- | — | — | — восточная польская граница, определенная на Парижской Мирной Конференции 1919 г. (в Галиции линия "А")
- · — · — западная граница Русского Галицкого генерал-губернаторства 1914-1915 гг. (выявлена автором)

Карта II. Решение вопроса восточных польских границ в 1921 г.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- линия польско-советского фронта на начало июня 1920 г.
- линия польско-советского размежевания, предложенная державами Антанты Советской России 12 июля 1920 г. (линия Керзона)
- восточная граница Польши по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г.

В. Н. САВЧЕНКО

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКО-ПОЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

1918 – 1921 гг.

(Этносоциальная ситуация

и государственно-политическое размежевание)

Монография

**Рукопись книги и оригинал-макет
подготовлены к печати
в редакционно-издательском отделе ИСБ РАН**

Л. Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 26.09.95. Формат 60 X 84/16.

10,0 печ. л. Тираж 200 экз.

Заказ № 21

Цена договорная

**Участок оперативной полиграфии
Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19**

